АРХИМАНДРИТА ИОАННА
(КРЕСТЬЯНКИНА)

По благословению
Высокопреосвященнейшего
Евсевия,
митрополита Псковского
и Великолукского
Свято-Успенской Псково-Печерской
обители
священноархимандрита

Книга «Божий инок» – это приношение Псково-Печерского монастыря к 100-летнему юбилею со дня рождения дорогого старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина; 1910–2006).

Жизнь отца Иоанна, всецело преданного Божественному Промыслу, являет современному монашеству яркий пример пути ко спасению.

В основу повествования легли воспоминания насельников монастыря, духовных чад и лиц, близко знавших старца. В книге использованы письма и материалы из личного архива отца Иоанна.

Приложение к изданию – курсовое сочинение студента МДА священника Иоанна Крестьянкина «Преподобный Серафим Саровский чудотворец и его значение для русской религиозно-нравственной жизни того времени» публикуется впервые.

Книга дополнена комментариями и адресована широкому кругу читателей.

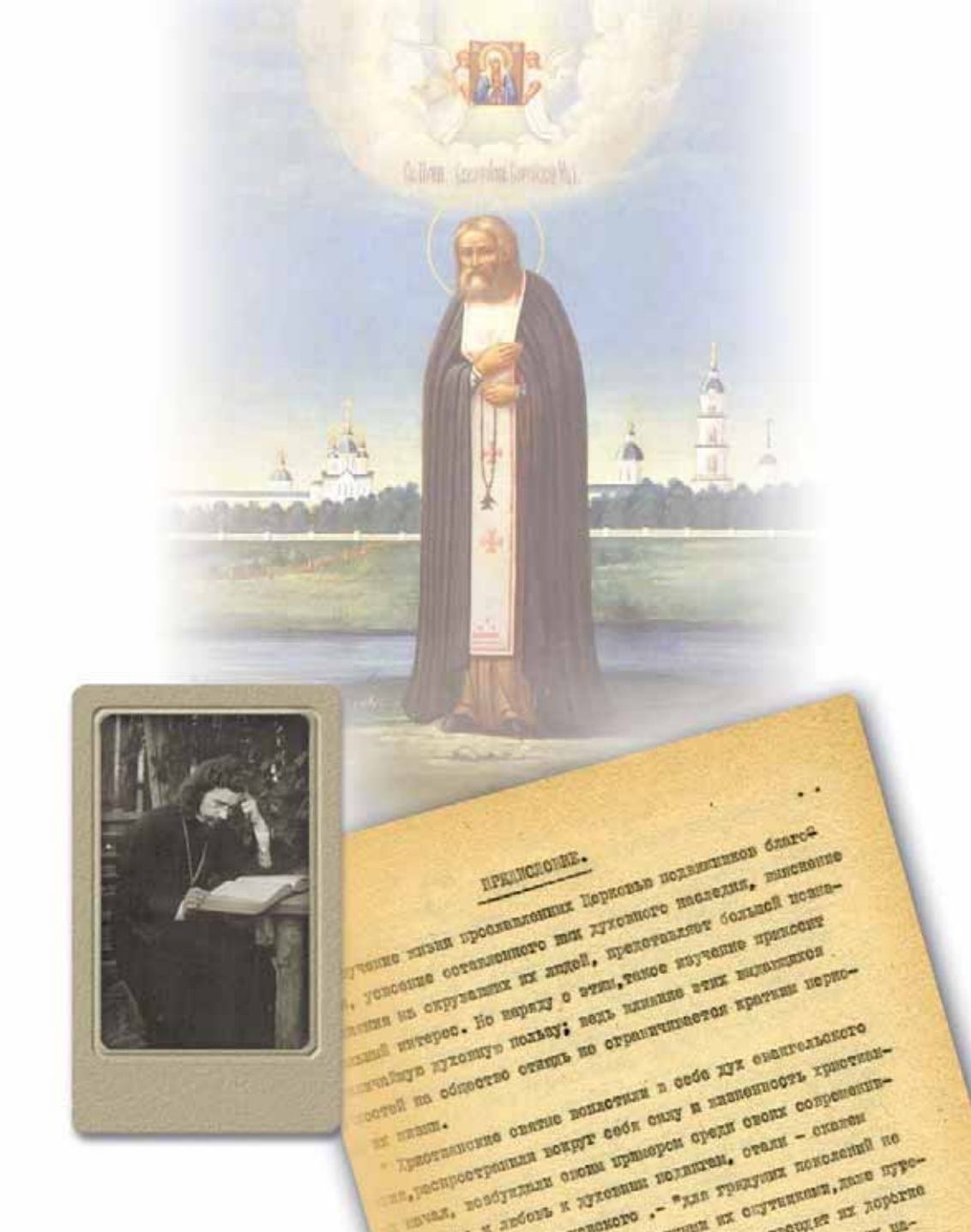
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АРХИМАНДРИТА ИОАННА
(КРЕСТЬЯНКИНА)

1910–2010

Божий ИНОК

Свято-Успенский Псково-Печерский
монастырь

2009



ПРЕДИСЛОВИЕ.

...учение жизни прославленных Церковью подвижников благо-
..., усвоение оставленного ими духовного наследия, внесение
...ения на окружавших их людей, привлекают большой всена-
...ший интерес. Но вокруг о этих,таком изучение приносит
...ительную духовную пользу; ведь влияние этих выдающихся
...стей на общество отнюдь не ограничивается кратким перио-
...ни жизни.

Христианские святые вложили в себя дух евангельского
...,распространили вокруг себя силу и напряженность христиан-
...ни,возбудили своим примером среди своих современни-
...ков любовь к духовным подвигам, стали - словно
...ского .- "для грядущих поколений по
...ним их спутникам,даже дорогие

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Почему появилась эта книга?
Кому она адресована?
О чем заставит задуматься?

Книга возникла из глубины благодарной памяти. Памяти об удивительном «ангеле земном и небесном человеке», иноке Божием, старце, духовнике нашего Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Памяти сердечной об отце Иоанне (Крестьянкине).

Адресована эта книга всем тем, кто пробует познать свою жизнь и, быть может, исправить ее.

Кем бы ни был наш читатель, не хотелось бы, чтобы он привычно и быстро пробежал по ее строчкам.

Попробуйте прочесть всю книгу неторопливо, возвращаясь и вчитываясь в то, что особенно тронуло сердце, или к тем местам, которые покажутся непонятными. В наш век такая неспешность очень важна, потому что надо постигать сокровенный смысл слов.

Взгляните на соседнюю страницу. Документ эпохи. Всмотритесь в него повнимательней. Надпись: «Предисловие». Плохонькая пожелтевшая бумага, «слепой» машинописный текст, который трудно читать. И все же – слово за словом – прочитайте эту страницу:

«Христианские святые воплотили в себе дух евангельского учения, распространили вокруг себя силу и жизненность христианских начал, возбуждали своим примером среди современников ревность и любовь к духовным подвигам, стали – скажем словами историка Ключевского – для грядущих поколений не просто вели-

кими покойниками, а вечными их спутниками, даже путеводителями, так что целые века благоговейно твердят их дорогие имена не столько для того, чтобы благотворно почтить их память, сколько для того, чтобы самим не забыть правила, ими завещанного». Они вышли из нас, были плоть от плоти и кость от костей наших, а поднялись на такую высоту, о которой трудно было и помыслить, чтобы она кому-нибудь из нас была доступна.

В этом именно многочисленном, как звезды небесные, «торжествующем соборе праведников» <...> люди всех званий и возрастов, всякого умственного и нравственного развития легко могут найти себе соответствующие образцы для подражания.

Но значение святых не только в том, что они оставили нам примеры для подражания, но и в том, что они являются вечно живыми членами Церкви, оказывающими нам реальную живую помощь».

Достаточно пространная цитата. Написано это было в 1947 году. Учебная работа по истории Церкви. Автор – студент 3-го курса Московской духовной академии, к тому времени уже священник, Иоанн Крестьянкин.

Вчитаемся в приведенный текст еще раз. Подумаем о сказанном... И, после размышления, позволим себе сделать такое предположение: отец Иоанн, тогда еще молодой 37-летний священник, словно написал эпиграф. Эпиграф к собственной жизни.

Угодникам Божиим часто дается такое знание о себе, пусть и опосредованно – но дается.

Курсовое сочинение священника Иоанна «Преподобный Серафим Саровский чудотворец и его значение для русской религиозно-нравственной жизни того времени» – это не только рассуждение о судьбах монашества и старчества, но и размышление о собственном пути, пути инока Божия.

7

Преподобный Серафим Саровский стал духовным маяком на дороге отца Иоанна к монашеству. Во время обучения в академии батюшка часто посещал дом своего однокурсника иерея Сергия Орлова, где в одной из комнат хозяин бережно хранил спасенные из разоренного Дивеевского монастыря святыни.

Дважды через преподобного Серафима Господь открывал священнику Иоанну волю Божию о нем. До ссылки батюшки в тюремные лагеря преподобный явился ему незримо со словами: «Порабощен телом, душу же непорабощену соблюди», перед освобождением отца Иоанна из заключения святой старец Серафим предстал пред ним в видимом образе и предрек: «Будешь свободен».

Жизненный путь отца Иоанна длиною почти в столетие пролег сквозь трагическое время, когда рушились устои былой России, особенно же – строй церковной жизни.

...Тринадцатилетний Ванюша в 1923 году оказался впервые в своей жизни в Москве. Более всего его окрылила тогда встреча в Донском монастыре со Святейшим Патриархом Тихоном и благословение, от него полученное. Благодать Патриаршего сана, благодать исповедничества живо были восчувствованы трепетной душой.

В старости отец Иоанн, вспоминая этот эпизод, всегда говорил, что «он до сих пор ощущает тепло руки Святейшего Патриарха на своей голове»...

Что услышал отрок в тот благодатный день? Какие слова отозвались в его сердце?

Читаем у Патриарха Тихона:

«На первый взгляд в речах старцев нет ничего необыкновенного. Но вы слышите проповедника, отрекшегося от мирского, кому

Отец Иоанн с портретом святителя Тихона

не нужны более ни слава мира сего, ни его богатства, ни удобства жизни, ни все то, что обыкновенно побуждает людей льстить, лицемерить, скрывать истину.

Пред вами учитель, который тяжелыми подвигами своей жизни и непрестанной борьбой со своими страстями и похотями уже вполне утвердился в том, чтобы служить одной только правде, говорить ее в глаза каждому, не боясь ни прещений, ни угроз, ни наказаний.

Пред вами говорит человек, достигший высокой степени нравственного совершенства, по справедливости называемый ангелом во плоти. Ему известны все тайные изгибы души человеческой.

Слово его проникнуто духом и жизнию, исполнено благодати; наставления его проверены продолжительным опытом собственной жизни.

Неудивительно посему, что наставления подвижников производят чудеса нравственного обновления людей и что люди жаждут слов «учителей благих...»

Мог ли подумать тогда отрок Ваня, что эти слова Патриарха в полной мере сбудутся именно в его жизни? Что ощущало – или предощущало – в тот день юное сердечко? Какой радостью необыкновенной зажегся дух его? Мог ли подросток представить тот собственный торный путь в грядущее столетие, который ему только-только предстоял? Движения сердца человеческого и помышления его суть великая тайна...

В 1945 году Святейший Патриарх Алексий I рукополагал Ивана Крестьянкина. Молодой священник задал Святейшему вопрос об ответственности священнической.

Патриарх же спросил его тогда:

– Что я дал тебе при рукоположении?

– Служебник, – ответил отец Иоанн.

– Так вот, все, что там написано, – выполняй, а все, что за сим находит, – терпи. И спасешься...

Отец Иоанн прошел с Церковью и в Церкви все тяготы, выпавшие на ее долю, стал живым связующим звеном России былой и нынешней, показал путь истины в безбожном мире.

Ничто и никто не смогли поколебать или смутить души его, управляемой живой верой и в живой вере возросшей и возмужавшей.

В самые мрачные годы многострадальной России служение батюшки поддерживало свет неугасимой лампады русского старчества, воспылавшей подвигами преподобных Сергия Радонежского, Павла Обнорского, Сергия Нуромского, Дионисия Глушицкого, Арсения и Корнилия Комельских, Нила Сорского, Паисия Величковского, Серафима Саровского, Оптинских и Глинских старцев. Русское старчество – удивительное явление: оно предельно открыто миру, оно не замыкается в стенах монастырских келий, но служит всем страждущим деятельной любовью. У кельи русского старца собирается не только братия, но и многочисленные миряне всех сословий и званий.

Митрополит Антоний Сурожский в одной из своих проповедей сказал, что истинный монах должен «сострадать и плакать плачем всея земли», этот образ необычайно ярко раскрывает внутреннюю сущность старчества в его служении миру, недаром составитель жития преподобного Сергия блаженный Епифаний называ-

ет святого «печальником русской земли». Этот путь жертвенной любви к людям в эпоху страшных гонений на Церковь Божию прошел и старец Иоанн (Крестьянкин). Тысячи людей обращались к нему со своими скорбями, болезнями, сомнениями, и каждый получал утешение, совет и молитвенную помощь. Белый подрясник, простой крест и радостное «Христос Воскресе!» всем, каждому притекающему к старцу (и – вся Россия у двери монаха) – это описание преподобного Серафима Саровского напоминает нам о нашем современнике отце Иоанне. Непрестанное горение ко Христу, особая пасхальная радость, «дух мирен» – черты, объединяющие этих двух «старцев всея Руси».

Плоды, созревшие на древе жизни отца Иоанна, остаются для нынешних и грядущих поколений примером истинного доверия Промыслу Божию, ведущего человека сквозь «тень и сень смертную» в радость Богопознания и Богообщения уже здесь, на земле.

Вышеприведенные слова легко воспринимаются православным человеком. А как же быть тем, кто еще лишь на пороге храма, но хочет познать себя – будь он молодой или убеленный сединами? В ком сердце его еще таит «бессмертья нашего залог»?

Этих наших читателей мы напутствуем словами Святейшего Патриарха Алексия II: «Познать самого себя – это уже немало. Прикоснуться к познанию тайны Церкви – это уже много. Если же человек поймет, что второе имеет отношение к первому и что духовный опыт Церкви – это не только сокровищница прошедших столетий, но прежде всего рука, протянутая не из прошлого, а из вечного к нему самому, значит, свершилось чудо. Христос тихо постучался еще в одну душу».

Приобщение к чуду мы и хотим предложить читателям нашей книги. Приобщение к великому чуду и открытию: удивительной

простоте и силе нашей жизни. Да-да, именно нашей жизни.

Но – при одном-единственном и непреложном условии: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи».

Краткое предисловие заключим еще одной мыслью Святейшего Патриарха Алексия II: «Православие нельзя рассказать, его можно только показать жизнью».

Жизни, каждое мгновение которой было обращено к Богу, посвящена эта книга.

Патриарх Алексий II

От Господа стопы человека исправляются

Мое монашество началось
с послушничества в шестилетнем возрасте
и до 56 лет проходило на приходе среди волнений
и забот многомятежного мира, и завершается
житием в сем древнем монастыре

5 марта 1967 года, в день памяти святого преподобномученика Корнилия, в Псково-Печерском монастыре[1] появился новый насельник – отец Иоанн (Крестьянкин). Он был уже иеромонахом и вошел в жизнь обители так органично, что никто не заподозрил, что его монашеству нет еще и года. Старыми насельниками монастыря он был встречен как свой человек, вернувшийся из длительной командировки, с послушания. Отец Иоанн сразу стал седмичным иеромонахом.

Где и когда он прошел послушнический искус, для многих оставалось тайной. Явно было только то, что он уже состоявшийся монах. Об этом в нем свидетельствовало очень многое. И главное – его мирный дух, ровный в настроении и невозмутимый в искушениях.

Автобиография, написанная им при поступлении, была скупой и краткой: родился, крестился, учился, работал, служил. Обращала на себя внимание только одна фраза:

«Изложенные обстоятельства не позволяли мне много лет исполнить обет, данный Богу, – служить Ему в чине монашеском».

Совсем юным отроком Ваня Крестьянкин увидел Церковь и монашество поруганным, оплеванным и заушенным. В 10 лет он уже осознал и прочувствовал путь Русской Церкви на Голгофу за Христом Спасителем. Один за другим разорялись орловские монастыри. Божии пастыри, служители Христовы, шли вослед Пастыреначальника, неся свои кресты в ожидании распятия. И распятие свершалось.

Ваня застал еще Церковь в последнем свете ее былого величия. Он увидел высоту духа тех, кто были его воспитателями, кто верой и правдой служил Богу. Духом твердости, самоотречения и преданной любви к Богу и Его Церкви даже до смерти они «пополняли Небесное Отечество» новомучениками и исповедниками Российскими.

Первые, еще не осознанные, симпатии к монашеству проявились у Вани под влиянием монахинь орловской Введенской обители[2]. Матушки были нередкими посетительницами дома Крестьянкиных. И четырехлетний младенец тянулся «к мамушкам-матушкам», веселя их обещаниями, что и он будет «монахой», и именно в их монастыре. Так были сказаны Ваней первые слова о своем монашестве. А в шесть лет, приклонившись сердцем с беззаветной и детской доверчивостью к Церкви, Ваня обрел в ней такую любовь к Богу, которая не познала ни охлаждения, ни измены за всю предлежащую ему долгую жизнь. И в этом возрасте он уже чаще и определеннее стал говорить домашним о своем будущем жизненном пути: «Я буду монахом».

Возрастные особенности этой поры – мальчишеские шалости, резвость и увлеченность открывающимся познанием жизни – остались при нем. Прислуживание же в церкви стало для него первым этапом послушничества. Он оставлял тотчас самые увлекательные занятия и друзей, когда приходской батюшка отец Николай[3] звал маленького пономаря за собой.

Сам отец Иоанн позднее кратко так написал о своем монашеском пути: «Монашество – великая Божия тайна. И для тех, кто дерзает вступить в эту святую тайну и приобщиться к истинному духу иночества, на все времена сохранил Господь в писаниях опыт отцов, которые прошли этим путем в радость вечности. Мое монашество началось с послушничества в шестилетнем возрасте и до 56 лет проходило на приходе среди волнений и забот многомятежного мира, и завершается житием в сем древнем монастыре».

А до шести лет у него было благодатное детство. Детство – весна жизни, когда в юных душах засеваются будущие преподобные, будущие монахи, мужи и жены – словом, будущие наследники вечной жизни. Послушников и ослушников тоже порождает детство. Ребенок Божиим определением – это образ возрожденного в Небесное Царство: «Кто не примет Царствие Божие, как дитя, тот не войдет в него», – сказал Христос.

Именно в детстве человек приобретает все свои сокровенные черты. В лоне семьи закладываются семена, которые дадут всходы и определят, вскормят всю последующую жизнь. А мать, становясь почвой, из которой таинственно прорастет семя, дает ребенку каждую клеточку его тела, каждый росток его души. И чем возвышеннее душа матери, тем сильнее она проступает в зарождающейся личности младенца, тем сильнее ее влияние на него. Народная мудрость гласит: «Он впитал это с молоком матери». В этих привычных словах заключен важный духовный смысл. Они напоминают, что человек не самобытен, а связан со своим родом кровными узами и духовным опытом предков. И он несет ответственность за свои поступки и за внутренний духовный выбор не только пред собой, но и пред своим родом и – шире – пред всем народом. Ответственность пред будущим временным и вечным. Из родного дома, родной семьи возрастает чувство Родины.

Мама Елизавета Илларионовна. Рождественское поздравление сыну, написанное ее рукой

Родной дом! Для Вани он был прообразом Царства Небесного, временем первых порывов детской души ко Господу и к молитве. По крупице собирал пытливый детский ум нектар в этом Царстве, где великое слово «любовь» приоткрывалось малышу и поначалу означало одно: маму, Елизавету Илларионовну Крестьянкину[4].

Жизнью своей мама отвечала на все вопросы Вани о Боге. Бог есть Любовь. Ее же приносили с собой блаженные, юродивые и нищие, любившие дом вдовицы Елизаветы Крестьянкиной. С их приходом в доме, где крайняя скудость уживалась с изобилием тепла и радушия, словно бы оживало Евангелие – ведь к ним жаловали посланцы Господни.

Этих гостей принимали с особым радушием. Ваня раскрывал свое сердечко для их любви и дарил им все самое ценное, что было дорого ему. В них он начинал любить людей. Свет живой веры, входящий с Божиими людьми, освещал их убогий дом и детское сердечко, в ко-

тором таинственно зарождалась жизнь в Боге. Свое раннее детство отец Иоанн вспоминал и благословлял особенно. Оно дало ему и первые уроки послушания, и понятие о грехе, когда детские укоры совести за содеянное надолго лишали его радостей, а укоризненный взгляд мамочки вызывал обильные слезы раскаяния. И как следствие его духовной чуткости, появилось в нем умение видеть и слушать, умение не огорчить. Чуткость же породила в сердце мальчика и благоговение, которое в нем, уже повзрослевшем, разлилось на все сущее и стало, как и любовь, сутью его натуры.

С любовью и благоговейной памятью он относил все доброе, приобретенное долгой подвижнической жизнью, тем, кто духовно родил его в Божий мир: маме, блаженным Христа ради, духовным отцам, служителям Божиим. Ибо все это было посеяно в то далекое благодатное время, когда он буквально жил в Царстве Небесном.

В семь лет для Вани кончилась безмятежная пора детства. Наступал 1917 год, судьбоносный для нашего Отечества. Надвигались невиданные потрясения и бедствия. Богу и Церкви воинствующим безбожием была объявлена война. И верующая Россия, чтобы сохранить для потомков Православие, приняла подвиг мученичества. Время это стало памятником исповеднической эпохи.

Юный послушник воочию увидел самоотверженность и искренность веры, увидел верность Богу и Церкви тех, кого он по-детски глубоко любил. Детская вера повзрослела. Одаренный от природы отзывчивым сердцем, он почувствовал, сколько горя вошло в жизнь дорогих ему людей. Чужая боль ранила его юную душу и порождала в ней сострадание, которое прижилось в сердце навсегда. Пытаясь понять происходящее, терзая душу сознанием пришедшей к людям беды, он со всей искренностью принимал на свои неокрепшие плечики скорби, обышедшие взрослых, и сам взрослел не по годам. Только церковь

и послушания в ней сглаживали беспросветное напряжение действительности. Промыслительно совсем прекратились занятия в школе. Не до детей в это время было новому нарождающемуся в России порядку. И дал Бог Ване несколько лет самозабвенной отдачи себя ученичеству в церкви. Он стал штатным псаломщиком.

Позднее отец Иоанн, вспоминая то время, говорил, что учили его не школьные педагоги, но духовные профессора, прошедшие искус суровой жизнью – уже пять лет бесчинствовало на Руси безбожие. Прислуживание же в церкви приучало его к непринужденному и самостоятельному участию в жизни. Он полюбил храм и богослужение.

Именно с этого времени проявилась в нем, одиннадцатилетнем мальчике, верность своим наставникам и беспрекословное повиновение уставам Святой Церкви и заповедям Божиим.

В 1922 году в жизни юного послушника произошло событие, определившее его жизненный путь. Два архиерея один за другим возложили на его главу руки. Случилось это перед самым их арестом.

Для владыки Николая (Никольского)[5], епископа Елецкого, викария Орловской епархии, это был первый арест. Епископ Николай благословлял прихожан, прощаясь с ними перед отъездом. Он еще не знал, что завтра начнется его путь по мытарствам. Он стоял на архиерейской кафедре посреди церкви в полном облачении. Последним в этом потоке людей был его посошник. На вопрос владыки: «А тебя на что благословить?» – Ваня неожиданно для себя выпалил: «На монашество!» Архиерей внимательно посмотрел на мальчика, помолчал, устремив взор в алтарь. Затем возложил руки ему на голову и произнес: «Сначала окончишь школу, поработаешь, примешь сан и послужишь, а в свое время непременно будешь монахом. Бог благословит!» Эти слова запечатлелись на скрижалях юного сердца и до конца жизни руководствовали в ней.

Архиепископ Серафим (Остроумов), епископ Николай (Никольский). Благословение на монашество юному Ване

...Архиепископу Орловскому Серафиму (Остроумову)[6] уже третий раз предлежало сменить архиерейскую кафедру на тюремную камеру. Владыка Серафим тоже возложил на голову Вани руки, утверждая Божие благословение на его монашество. На фотографии же с изображением двух архиереев, участвовавших в этом судьбоносном благословении, он написал: «От двух друзей юному другу Ване с молитвой, да исполнит Господь желание сердца твоего и да даст тебе истинное счастье в жизни».

Позднее отец Иоанн свидетельствовал, что память об этом благословении надежно ограждала его при искушениях, неминуемо сопутствующих человеку в жизни.

В клети сердца своего он стал монахом в двенадцать лет. Но от момента, когда он будет распростерт пред Отчими объятиями, его отделял еще жизненный искус в 44 года.

А в далеком 1922 году, когда государство разрабатывало план по уничтожению Церкви, издав святотатственный декрет по изъятию

церковных ценностей, когда уже лилась кровь мучеников за веру, архиерейские руки и молитвы выпускали неоперившегося птенца в новый мир России, где не было места не только монашеству, но и христианству, в мир, восставший на Бога. Но их любовь и надежда, вера и доверие Богу оказались бесстрашны пред разверзшейся бездной безбожия.

Святейший Патриарх Тихон

Через год в жизни Ивана произошло, по его словам, еще одно важное событие. Первый раз побывав у московских святынь, он молился в Донском монастыре[7] на службе Святейшего Патриарха Тихона[8], только что освобожденного из заключения. Ваня подошел к нему под благословение. Через десятки лет после этого события, в преклонном возрасте, вспоминая то далекое время, отец Иоанн говорил, что до сих пор ощущает тепло руки Святейшего на своей голове.

Проявление Божией благодати Ваня чувствовал остро с раннего детства. Прикосновение Патриарха известило ему веяние Святого Духа. В десять лет Ванино сердечко безошибочно отметило святость приходского семейного батюшки отца Георгия Чекряковского[9]. О незримом присутствии владыки Серафима ему говорило чуткое к святыне сердце. Так Дух Божий с раннего детства наставлял Ивана истиной.

Домашняя церковь Крестьянкиных жила Богом и ясными понятиями о цели настоящей жизни. Достаточно вспомнить трагический момент из жизни их семьи. Когда в 1922 году в России разразился небывалый голод, в доме их не нашлось ничего ценного, что можно было бы обменять на хлеб, кроме иконы Божией Матери «Знамение». Уже

Сестры орловского Введенского женского монастыря. В центре — епископ Серафим, слева — архимандрит Пантелеимон

пожаловали и скупщики. Трезвый ум властно оправдывал необходимость распрощаться с семейной святыней, надо было кормить детей. А скорбь младших и туга, объявшая сердце мамы, вопреки человеческим суждениям, напоминали о Правде Божией. Ночное видение уходящей из дома Царицы Небесной положило конец терзаниям души. Решительное «нет» встретило пришедших за иконой людей. И на все доводы, самые убедительные и соблазнительные, звучало: «Нет, нет и нет». Икона осталась дома, именно она сопровождала Ивана всю жизнь как родительское благословение. Вера вдовы и ее чад не была посрамлена. В тяжкое голодное время предстательством и покровом Матери Божией пришла им помощь.

Уроки богопознания и молитвы являлись детям в примерах ежедневно. Позднее отец Иоанн воскрешал из глубин памяти опыт прожитой жизни и говорил уже своим духовным детям:

«Слова назидают, примеры влекут».

Пример мамы увлек сына на путь служения Богу. И это стало целью всей его жизни. Отец Иоанн бережно хранил письма и открытки, присланные ему из дома. С трепетом прикасался он к этим пожелтевшим листочкам. От них веяло давно забытым теплом. Кроткие, простодушные слова, трогательные обращения: «Милый мой Ванечка», «Дорогой мой сыночек». Видно, как постепенно менялся мамин почерк. Как удивительно красивые кругленькие буковки становились менее уверенными, свидетельствуя об уходящих жизненных силах. Но ее подпись была неизменной: «Остаюсь твоя мама». И она осталась в сердце сына навсегда: в его материнском проявлении к людям, в умении утешать человека как малого ребенка, в способности прощать и покрывать несовершенства своих духовных чад так, как может только мать. Даже батюшкин почерк удивительно повторял материнский. Став в свое время многодетным отцом духовным, отец Иоанн говорил, что его сердце больше материнское, чем отцовское.

Ушло в прошлое светлое детство, миновало отрочество, пришла пора юности – пора духовного становления и вступления в трудовую жизнь. Благословляя сына на самостоятельный путь, мама поведала ему, что он вымоленный ребенок, завещанный в дар Богу. Святая великомученица Варвара приняла от Елизаветы Илларионовны плод ее материнских скорбей в самом раннем его младенчестве.

«И трепетная материнская рука осенила повзрослевшее чадо... Дрожащий от волнения материнский голос произнес: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа», освещая неведомые еще пути предлежащей ему жизни». Так поведал отец Иоанн в одной из своих проповедей об этом важном в его жизни моменте.

И если в детстве он еще не осознавал вполне попечения о себе Промысла Божия, то после маминого откровения ему стали понятны и многие тайны его счастливого детства, и путь, на который Гос-

подь его готовил. Он впервые ясно почувствовал определенное ему от Бога духовное призвание, о котором было столько не понятых им ранее указаний. Иван вступал в самостоятельную жизнь, зная и истинную цену добродетелей, и то, что составляет истинное сокровище жизни.

Шел 1928 год. В стране была объявлена «безбожная пятилетка». Ее ознаменовало массовое закрытие церквей. На общественном горизонте бушевала разнузданная борьба с «пережитками прошлого». Власти не скрывали своей ненависти к «поповщине». Воинствующий атеизм стал обязательным в Стране Советов.

Религиозность юноши скоро привлекла к нему внимание. Жизнерадостный, самоотверженный и сосредоточенный в работе, ласковый и приветливый со всеми, он вызывал несомненные симпатии. Однако было одно «но», с которым не могло мириться руководство. Укоренившаяся в его сознании вера отвергала все соблазны атеистического общества. Начались хитроумные попытки его перевоспитания, вплоть до насилия над совестью. Но он продолжал быть церковным человеком. И прямое столкновение с всесильным государством у Вани состоялось. На требование работать в воскресные дни, лишающее его церковной службы, оскорбленный в своем религиозном чувстве, он ответил отказом: «Я не причина вашей отсталости, я и не жертва ее ликвидации». На следующий день он получил приказ об увольнении. Его протест стал удобным поводом для расправы. Верующим не было предусмотрено место в «счастливом будущем».

Благоденствие жизни под сенью родного крова кончалось. Нахлынули тревожные думы о неизвестном будущем. Все попытки найти работу в родном Орле оказались тщетными. Юношеский протест был оценен «по достоинству». Снова отверзлась бездна непримиримости к Церкви идеологов новой жизни. Но смятение недолго

владело душой Ивана. Опять на помощь пришла мама с ее бесконечным доверием к Богу и мужеством:

«От Господа стопа человека исправляются», –

только и сказала она. Поразмыслив о возможных изменениях в жизни, мать и сын отправились к блаженной старице-монахине Вере (Логиновой)[10] за благословением. Матушка восприняла все случившееся с Иваном спокойно и даже радостно. Утешила маму тем, что какие бы ни были неприятности, они временны и не вредят бодрому духу. Она не только благословила переезд Ивана на жительство в Москву, но пророчески заглянула и в его будущее, назначив ему встречу на Псковской земле. Начало монашеского пути и его конец прозрели глаза Божией старицы. Так был пройден первый экзамен, завершающий период жизни Ивана дома, в тепличных условиях любви.

Ване исполнилось 22 года. Только позднее, уже живя в Москве, он понял и оценил с благодарностью Господу все пережитое. Сверх всякого чаяния внезапно этим полагалось начало вожделенного еще в отрочестве пути к монашеству. Он реально ощутил направляющую его руку Божию. И с того времени во всякой жизненной ситуации в сознании Ивана возникал лишь один вопрос: а по-Божьи как? Что хочет от меня Господь?

Сборы были недолгими. Ваня обежал оставшиеся не закрытыми к этому времени церкви, где еще не угасли лампады. Он попрощался со всем родным и родными.

Если любишь Меня, паси агнцев Моих

Недолго пробыл Иван пономарем. 14 января 1945 года митрополит Николай рукоположил его во диакона, а через девять месяцев Святейший Патриарх Алексий I возложил свои руки на главу диакона Иоанна, низводя на него благодать священства

Позади остался родной дом, Орел, родные церкви, его вскормившие. Впереди неизвестность, большой город и одиночество в нем. «Ты – изгнанник, скиталец бездомный» – нашептывала печаль. А надежда воскрешала в душе живое чувство близости Божией, она же подсказывала, что его изгнание из Орла было ответом Божиим на сокровенное желание быть монахом. Светлая цель грядущей жизни исполняла сердце трепетом. Прилив тоски возвращал думы о трагической судьбе духовных наставников, оказавшихся в рассеянии и безвестности, имена же многих из них уже были записаны в его поминальный синодик о упокоении. На смену печали властно вторгались думы о Господе, ведущем всех в неведомую судьбу. Последние слова матушки Веры, сказанные при прощании, окончательно успокоили Ивана: «Бог провожает, Бог и встречает. И слава Богу!» На следующий день он прибыл в Москву. Тогда он не мог предполагать, что в столице ему предстоит прожить 18 лет.

Неприветливо встретила Москва орловского беглеца. Незнакомый город, чужие люди. Родными были только храмы. И он начал свою жизнь в Москве с поклонения святыням, прося святых о предстательстве и помощи. Он мечтал сразу начать духовную жизнь по тем высо-

ким образцам, которые успел увидеть в детстве. Но в реальной жизни мечтам не оставалось места. Возникшие трудности и искушения не смутили Ивана, но усмирили воображение. Он понял, что только милость Божия будет ему оградой. И он просто по-детски стал молить и просить милости. Скоро все внешние дела были улажены. Но путь, на который хотел встать юноша, не предполагал отдыха. Началась таинственная учеба, где учителем был Промысл Божий. Нашествие скорбей и искушений через тех, с кем сводила его жизнь, не заставило себя долго ждать.

Большой неожиданностью для Ивана стало внезапно нахлынувшее очарование Москвой. Волнующая красота архитектуры, парков, дворянских усадеб и даже театров увлекла его и на время затмила былые мечты. Он был молод и, по его собственному выражению, франт. Начистив зубным порошком свои парусиновые туфли, он отправлялся гулять по Москве. Неизвестно, как долго продолжалось бы это увлечение, если бы его не пресекла старица, у которой жил Иван. Она решительно восстала против его поздних возвращений. Он и сам почувствовал опасность, грозящую ему. Не меньшее искушение ожидало его и на работе. Сотрудницы, молодые женщины, вольно и невольно смущали юношу и испытывали его целомудрие. Только ровное приветливое отношение ко всем да отзывчивость оградили Ивана от их посягательств. А почтительное всеобщее обращение к нему «Иван Михайлович» исчерпало это искушение. Сердце же Ивана успокоилось, в нем снова обитал монах. И этот сокровенный инок стал внимательно приглядываться к жизни, чтобы через собственную молодость, через чувства и мысли не дать вход бесовским ухищрениям. Старца сейчас при нем не было, его произволение испытывалось самой жизнью.

В этом же коллективе зарождались первые опыты исповеди: к нему шли за советом в скорбях, недоумениях, посвящали даже в тайны

Иеромонах Владимир (Москвитин)

своей семейной жизни. «Ой, что это мы перед тобой, как перед попом, разоткровенничались?» – говорили сотрудницы, когда вдруг вспоминали, что пред ними молоденький юноша.

Семь лет изо дня в день воспитывало его еще одно искушение. Старушка, которая приютила его, отгородив занавеской угол в своей комнате, постоянно предъявляла свои права к жильцу. Вместо привычного с детства понимания близких здесь было надоедливое требование внимания к себе одинокого человека. Это означало длинные разговоры, которые кончались раздражением и даже бранью. Тонкая занавеска, отделяющая мир юноши, хранящая его уединение, то и дело распахивалась, являя ему лицо старухи. Какая уж тут тишина и свобода! Только благодарность к старушке, в трудную минуту оказавшей ему помощь, сглаживала все эти, мягко говоря, неудобства.

Позднее в помыслах он даже называл ее «старицей». Ведь это Сам Бог дал ее воспитателем будущему монаху. Ваня смирялся сам и утешал хозяйку в нехитрых ее скорбях. Она же, видя его неуязвимость, досадливо обзывала жильца «чурбаном с глазами», свидетельствуя о мере его терпения и о той работе, что невидимо в нем совершалась.

Иван чувствовал помощь Божию, а не по годам трезвое внимание к происходящему учило его рассудительности. Особенно укрепляла его память сердца, хранящая благословения и напутствия от Божиих людей. Он жил непоколебимой надеждой на их предстательство, и спокойствие духа было ему наградой. В этот период в помощь произвольному послушнику Господь даровал единомысленных и едино-

душных друзей. В Москве уже жили его двоюродные братья Москвитины – Александр и Василий. Всех троих не занимали столичные развлечения, их объединяло горячее желание служить Господу в монашеском чине. Жизненный искус у Москвитиных был покороче. В 1945 году они оба стали иеромонахами – Афанасием[11] и Владимиром[12]. Молодые люди шли сквозь трудности жизни и совместно учились их преодолевать. Время было смутное, оно многих вовлекло в обман и соблазн.

Архимандрит Афанасий (Москвитин)

Митрополит Сергий, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя[13], совершал подвиг, пытаясь вывести Церковный корабль из бурного водоворота исторических событий, сохранив единство Церкви. Обновленческий раскол и различные неканонические группировки, а также эмиграция своими действиями помогали власть предержащим уничтожать церковный организм. И это было не меньшей опасностью, чем гонения. Злоба врагов Церкви выплескивалась в предательствах, в глумлении над святынями, в кощунственных карнавалах. Воздух был насыщен ядовитым дыханием лжеучений и клеветы. Юноши напряженно внимали всему происходящему в Церкви, моля Бога не оставить их в этой сумятице. Отношение к митрополиту Сергию было настороженное, а часто и недоброжелательное. Участвовали в обсуждении его действий и братья. Но Господь, всем управляющий, особенно зрит над людьми, искренне желающими служить Ему, хоть и побеждаются они своими немощами. В сонном видении приоткрылась Ивану истина, укрепляя в нем веру в Промысл Божий и умудряя. Митрополит Сергий подошел к нему в храме со словами: «Ты меня

Митрополит Сергий (Страгородский)

осуждаешь, а я ведь каюсь». И, войдя в раскрытые Царские врата, владыка растворился в неземном фаворском свете. Большего уверения в Божием водительстве Предстоятеля Церкви Ивану было не нужно.

Чтобы не потеряться в потоке и шуме разномыслий по церковным вопросам, надо было срочно восполнять богословские знания. И в этом Иван стал ощущать реальную помощь свыше. Среди близких знакомых появился верующий юноша, имевший возможность доставать нужную литературу. На прилавках букинистических магазинов духовные книги не могли появляться и расходились тайно. Так было положено начало обширной библиотеке отца Иоанна. Он любил книги, сам приводил в порядок потрепанные, восполняя утраченные страницы, со тщанием переписывал, находя необходимые книги. Он начал изучать творения Святых Отцов, чтобы осмыслить свой путь к монашеству. Скорби первых московских лет ушли в прошлое, оставив о себе лишь воспоминания и благодарные чувства за приобретенный опыт. Но человеческое благоденствие мимолетно и призрачно.

На горизонте собиралась общая великая беда – огненное испытание войной. И эта беда властно вошла в каждый дом, независимо от вероисповедания. Для Церкви же, которая, по слову митрополита Сергия, в то время доживала последние дни, всеобщая скорбь принесла приток жизненных сил. К ней повернулись многие из тех, кто никогда не переступал ее порога, и даже те, кто гнал ее.

Пять лет грозного Божьего суда. Скорби, ставившие людей на грань выживания. Всеобщий голод. На дорогах войны смерть была де-

лом обыкновенным, в тылу она тоже не скупилась на жатву свою. На фронт Ивана не взяли из-за плохого зрения. Он остался в Москве. И неожиданно обстоятельства военного времени ввергли Ивана в такую беду, выбраться из которой человеческими силами было невозможно. Брат Вадим[14] отстал от своего эшелона. Он явился к Ивану за советом и помощью. Из-за исключительности обстановки обоим надо было готовиться к худшему. Их ждал трибунал: Вадима – за дезертирство, Ивана – за укрывательство. Скрывая брата в дневное время в сундуке, Иван молился. Молился отчаянно, то умолял, то дерзновенно требовал помощи, напоминая о бывших ему обетованиях. Пред иконой святителя Николая догорал последний елей, случайно добытый в обмен на паек. Ночью к молитвеннику присоединялся сундучный затворник. Они не разговаривали, не обсуждали случившееся, не строили планов. Они истово молились, чтобы бездна, разверзшаяся пред ними, не поглотила их. Эта беда, которая могла стоить жизни, обернулась для них милостью. Чудо милости Божией сотворило невозможное. Вадима забрали в военный госпиталь, а Ивану выдали воинские продуктовые карточки, спасшие его от полного истощения. Так Господь учил Ивана молиться, надеяться и верить, отрешая скорбями от мира и приводя к Себе.

В 1943 году после 26 лет полного бесправия Церковь наконец-то была узаконена в Советском государстве. И митрополит Сергий, который уже 17 лет нес тяжкую ношу управления бесправной Церковью, стал ее Патриархом. Власти, в связи с обстоятельствами военного времени, решили Церковь потерпеть.

Испытание войной близилось к концу. А в жизни Ивана Крестьянкина открылся желанный с детства путь. Он получил об этом извещение свыше. В сонном откровении он увидел себя паломником в Оптиной пустыни[15]. Любимый им старец Амвросий[16] принимал

Преподобный Амвросий Оптинский

людей, но намеренно обходил Ивана. Смущение встревожило душу. Но когда старец отпустил последнего посетителя, то подошел к Ивану, обнял его и позвал послушника: «Принеси нам два облачения, мы с ним служить будем». Затем старец повел Ивана в церковь. Сон был настолько похож на действительность, что Иван, проснувшись, стал объяснять, что он еще не рукоположен, тутто и пробудился окончательно. Со старцем Амвросием у отца Иоанна была особая духовная связь. Началась она еще 1920 году, когда Ваня совершил паломничество в Спас-Чекряк к духовному сыну старца протоиерею Георгию Коссову. Тогда Ваня неделю прожил в доме, где все дышало дорогим старцем. А в 1956 году, только-только возвратившись из заключения, отец Иоанн, еще не будучи монахом, получил от оптинского игумена Иоанна (Соколова)[17] бесценный подарок – старенькую, совсем ветхую полумантию старца Амвросия. Она напомнила отцу Иоанну о желанном постриге, который однажды должен был совершиться в его жизни. Но от этого дня его отделяло еще десять тяжелейших лет.

Готовясь к новой жизни, Иван подводил итоги своего пребывания в Москве. Он говорил, что пережито было много, а нажито мало. Да, он прошел сквозь многие искушения, перенес все тяготы военного времени, не искал облегчения себе, предавался водительству Божию. Но его мечта об иночестве опять должна была уступить конкретному делу, которое известилось ему Божиим изволением. Он должен был принять сан. И в копилку духовного опыта легло правило: ничего не

искать самому, а делать то, что хочет от тебя Господь. Позднее своим духовным чадам он скажет:

«Ничего не просите и ни от чего не отказывайтесь. Так будет по-монашески».

Митрополит Николай (Ярушевич)

В 1944 году Иван Крестьянкин окончательно расстался с гражданской работой. Божие благоволение сказалось на всех обстоятельствах этого момента. Тепло распрощался он с сотрудниками, сердечно, по-отечески, встретил его митрополит Николай (Ярушевич)[18]. На одной из своих служб владыка посвятил нового послушника во чтеца и ввел в алтарь. Назначили его в храм Рождества Христова, что в Измайлове[19]. Каково же было изумление Ивана, когда он увидел, что это был именно тот храм, в который он пришел со старцем Амвросием во сне.

Недолго пробыл Иван пономарем. 14 января 1945 года митрополит Николай рукоположил его во диакона, а через девять месяцев Святейший Патриарх Алексий I (Симанский)[20] возложил свои руки на главу диакона Иоанна, низводя на него благодать священства. Вот как рассказывает о начале служения отца Иоанна духовная дочь владыки Николая Галина Волгунцева[21]: «Первая встреча с отцом Иоанном произошла у меня в 1946 году. Вечером после всенощной я обратила внимание, как худенький и очень бледный священник не ходил, а порхал по храму, ноги его будто не касались пола. Окончив расставлять березки (дело было под Троицу), он начал исповедь. Все это делалось с таким живым участием и воодушевлением, что я стала наблюдать за

Святейший Патриарх Алексий (Симанский)

ним. Его исповедь меня поразила: он как-то особенно, по-отечески, выслушивал каждого подходящего, что-то шептал и истово крестил склоненную голову. А исповедник не сразу отходил от аналоя. Растроганный, спешил высказать обогревшему его священнику недосказанное. У многих исповедников на глазах были слезы. Так с первой встречи отец Иоанн вошел в мое сердце и поселился в нем. Да и после своей смерти продолжает жить в благодарной памяти. Благодать Божия зримо являлась во всяком его служении, будь то литургия или слово проповеди, обращенное с любовью к Богу и к нам, грешным. Наши сердца откликались на его внимание и любовь. Был он в то время сильно истощен. В храме, где он проводил день, покормить его забывали, да и нечем было. Послевоенные трудности переживали все. Сам же отец Иоанн, получив зарплату, едва ли не всю раздавал. Зная его безотказность, у него не стеснялись просить – кто на ремонт, кто на лекарства.

Однажды он занемог. Мы пошли его навестить. Он лежал в своей убогой, но чистенькой комнате, закинув руки за голову. Сквозь прорванные рукава торчали голые локти. Довершала эту грустную картину осыпавшаяся полностью на одной стене штукатурка. Впечатление от этого посещения призвало нас к действию. Нашлись желающие помочь. Это была евангельская Марфа – Галина Черепанова[22]. Отец Иоанн, поправившись, весь день пребывал в храме или ходил по требам. «Марфа» же получала аккуратные, написанные на полоске бумаги его просьбы: «Потопите печь, пожалуйста». А она, завладев ключом от его

комнаты, наводила порядок. Появились свежие занавески, какие-то тряпочки, призванные создать уют. Увидев преобразившуюся комнату, отец Иоанн заметно опечалился. А в минуту какой-то сильной туги он сказал мне: «Если бы ты знала, как меня это тяготит!» Он показал мне фотографию: голая комната, стол ничем не покрыт, на нем стояла кружка с водой и кусок хлеба. А на скамейке сидел монах. «Вот моя мечта», – с грустью произнес отец Иоанн». Мечта о монашестве жила в нем неотступно и по-своему управляла его жизнью.

А вот еще свидетельство о первых годах его священства. Одна из прихожанок, теперь уже 85-летняя старушка Клавдия А., вспоминает о тех далеких временах: «Земля слухом полнится. В 1947 году я услышала от верующих, что в Измайлове служит какой-то необыкновенный батюшка. Я сразу же поехала посмотреть на него. К счастью, он служил раннюю литургию. И такой радости, какую я испытала во время молитвы за богослужением этого молодого священника, у меня не было никогда. Я подумала: это земной ангел. С этого дня я стала постоянной прихожанкой Измайловского храма. Исповедовалась только у него. Я была замужем за старообрядцем. Отец Иоанн утешал меня, обещая, что однажды сможет нас повенчать. Сумел он своей молитвой склонить супруга к нашей Церкви, а потом и повенчал нас. Радости нашей не было предела.

Однажды в отсутствие отца Иоанна принесли в храм покойницу. У нее не было родных, и платить за отпевание было некому. Старенький священник, который был в это время в храме, отказался отпевать, то ли по немощи, то ли по какой-то другой причине. К счастью, в этот момент вернулся отец Иоанн. Заметив наше смущение, он спросил о его причине. «Да вот, привезли покойницу, она бедная и безродная, ее отпевать не хотят». «А мы сейчас сделаем ее богатой», – весело сказал батюшка и ушел. Смотрим, открываются Царские врата. Загорелось паникадило, и в полном облачении выходит отец Иоанн, с амвона обращается ко всем: «У кого есть время, останьтесь, помолимся вместе и проводим в Царство Небесное рабу Божию». Это отпевание наполнило храм благодатной силой Божией любви, а наши души – радостью».

Позднее память отца Иоанна воскрешала те времена: «В послевоенное время народу в храмах на службах была тьма. Великим постом особенно храм был переполнен людьми, многие не могли войти, молились на улице. Начнешь службу в семь часов утра, а закончишь где-то в пятом часу. И все это время на ногах стоишь. По окончании входишь в алтарь, закрываешь завесу, в изнеможении опускаешься на стул и тотчас впадаешь в забытье. А уже через полчаса раздается звон к вечерней службе. Вскакиваешь как ни в чем не бывало, полный бодрости и сил. Будто и не стоял на ногах весь день. С благодарностью к Богу начинаешь вечернюю воскресную пассию.

Вот тогда-то я и понял, что Господь дает силы для служения Ему... И живое рвение к служению ходатайствовало обо мне пред Богом и людьми как о духовнике, а в то послевоенное время это было очень ответственно, серьезно и даже опасно. Но я отдавался этому служению полностью».

Троице-Сергиева Лавра, 1946 г.

Не связанный никакими житейскими попечениями и земными привязанностями, отец Иоанн самоотверженно служил Богу и людям. Учился сам и учил прихожан, как жить, угождая Богу, как спасаться в мире греха. Покоряясь воле Божией и только ее познания желая, он учил этому и тех, кто внимал его слову и примеру его жизни.

В 1946 году мечта отца Иоанна о монашестве неожиданно стала близка к воплощению. Он стал насельником готовящейся к открытию Троице-Сергиевой Лавры[23]. Ее наместник архимандрит Гурий (Егоров)[24] высказал свое желание видеть отца Иоанна первым постриженником и даже имя определил ему – Сергий. Так хотел наместник, этого желал и отец Иоанн. Счастье солнышком засветилось в его душе. Но было это счастье непродолжительным. Через полгода Божие веление указом митрополита Николая возвратило его на прежний приход, в мир. Отец Иоанн уже знал сугубые трудности жизни монаха в миру, а теперь он должен был возвратиться из обетованной земли, от вожделенного и радостного монастырского послушания в страну, где волч-

Первые насельники возрождающейся Троице-Сергиевой Лавры. Крайний слева – иерей Иоанн Крестьянкин

цы и терния ежедневно ранят душу и истязают сердце. Сердце оплакало свою мечту, но вскоре смирилось. С этого момента отец Иоанн даже в помыслах решил не желать своего, но беззаветно следовать воле Божией. Что пережил отец Иоанн в горниле этого болезненного искушения, знал только он. Но позднее своим духовным чадам он скажет: «Я знаю тяжесть брани духовной не по книгам».

А Господь Своей милостью не замедлил утешить смирившегося послушника. Ему было определено учиться экстерном в Духовной академии[25] в уделе преподобного Сергия. Утешение это пришло неожиданно по несокрушимой власти Божией. Это окончательно утвердило отца Иоанна в мысли, что только Господь знает его путь ко благу. Три года в академии, кроме радости от учебы, даровали ему утешение в дружбе с монашествующими. Общаясь с Павлом Голубцовым[26], с Анатолием Мельниковым[27], с Константином Нечаевым[28], с отцом Сергием Орловым[29], отец Иоанн и сам чувствовал себя монахом. Мечта опять получила право на жизнь: «Хочу быть монахом! Буду, буду монахом!»

От полноты пережитого и от возникшего у него реального чувства близости Божией он писал:

«Дар Божий – трезвенная свобода человеческая – всегда ставит нас перед выбором: через все события, все горести и радости идти или не идти к Божией правде и любви, которой нет конца».

Размышляя о современном историческом моменте, отец Иоанн пытался понять, что созидает Господь в этом видимом разорении. Верить в Бога-разрушителя он не мог. Он опытно знал Бога – Всемогущего Творца, воскрешающего умершее и дарующего всему сущему силу жизни. Но вот уже почти 30 лет Бог-Изгнанник, «не имеющий где главу преклонить», скитался по России.

Отец Иоанн, уже священник, мечтал о монашеском служении Богу. Разоренные же монастыри и рассеянные не только по России, но и по всему миру монахи не являлись ли указанием на отмирание этого пути? Мысль, как же служить Богу в нынешнее время, неотступно преследовала батюшку. Отказаться от всецелого предания себя Богу он не мог и возможность осуществления этого видел только в монашестве. И в момент, когда смущенный ум до смятения доводил его дух, на помощь пришел преподобный Серафим, которого отец Иоанн благоговейно любил с раннего детства.

Друзья по Духовной академии – Анатолий Мельников, Павел Голубцов

В селе Акулово, что под Москвой, жил иерей Сергий Орлов, в котором, по выражению отца Иоанна, открылся новый «служка»

Иерей Сергий Орлов

Серафимов. В маленьком домике отца Сергия нашли в ту пору приют многие святыни упраздненного Серафимо-Дивеевского монастыря[30]. Отец Сергий ежедневно возжигал живые огоньки перед иконами и молился, сохраняя не только святыни, но и монашеский дух Серафимов.

Вот к этим-то святыням и привел преподобный отца Иоанна. С отцом Сергием батюшка познакомился в Духовной академии, где они вместе учились. Близость устремлений и духовных чаяний сделала их друзьями. Отец Иоанн частенько оставался ночевать в этом тайном уделе преподобного и вспоминал об их совместных благодатных молениях с отцом Сергием. Чувствуя близость преподобного, он просил у него указаний, как в это время жить по-Божьи, а наипаче как жить монаху вне монастыря. Во время одного из таких обращений к преподобному Серафиму отец Иоанн услышал ясно прозвучавшие в сердце указания:

«Поработощи телом, душу же непоработощу соблюди».

Это и побудило его к внимательному изучению жизненного пути святого старца. Труд его вылился в курсовую работу, посвященную ему: «Преподобный Серафим Саровский чудотворец и его значение для русской религиозно-нравственной жизни того времени».

Вникая в тему, отец Иоанн получил важные для себя ответы на многие вопросы духовной жизни, касающиеся и настоящего времени. В начале XIX века общество не только утратило ясное понима-

ние истинной ценности жизни и ее цели, но еще и уклонилось в различные мистико-религиозные течения. «...Христианство у многих стало не тем, чем оно есть по существу, но чем кому угодно... О Церкви же и говорить не для чего; у всякого стала своя внутренняя, где молятся какому-то Господу, о котором, если судить по наружным их действиям... то сей Господь должен быть духом разрушения и разорения».

Преподобный Серафим Саровский

И вот в то смутное время из тишины Саровских лесов, из-за стен монастырских, на всю Россию зазвучал глас преподобного старца, и непостижимая сила его духовного влияния пробуждала уснувших и вразумляла заблудших к ясному пониманию главного, единого на потребу – цели жизни. А сам преподобный, до последних дней угнетавший себя страданиями, постоянный добровольный мученик, жизнью своей показал путь вослед Христа. Необходима полная готовность идти на всякое злострадание ради Христа и за Христа:

«Дайте крове, гришним Дусе». Только так возможно стяжание Духа Святого Божия.

Еще один важнейший момент уяснил для себя отец Иоанн, усердный ученик Серафимов, работая над этой темой, и написал в своей работе: «По учению Святых Отцов и подвижников Православной Церкви необходимым средством достижения реального соединения с Богом является деятельное общение с ближними». Мысль эта ясно и определенно звучит у многих святых и их жизнью подтверждается.

Святой Иоанн Златоуст писал: «От ближнего зависит и жизнь, и смерть. Ибо если мы приобретаем брата, то приобретаем Бога... Если кто упражняется даже в высшем любомудрии, но не заботится о других, погибающих, то не будет иметь никакого дерзновения пред Богом».

А епископ Верейский Акакий[31] вразумляет подвижника-пустынника: «Господь... показал апостолу Петру, каким подвигом он угодит Ему больше. Он говорит: «Если любишь Меня, паси овец Моих, паси агнцев Моих... стаду угрожает опасность погибнуть от волков... а его крепко любит Тот, Кто горячо любим тобою; любящим же свойство делать приятное любимым».

И сам преподобный Серафим, уже утружденный подвижнической жизнью и возрастом старец, выходит из затвора на подвиг служения людям.

Работа отца Иоанна получила одобрение Святейшего Патриарха Алексия I. Молодому священнику предложили доработать ее и сделать дипломной. Для всей последующей жизни отца Иоанна она имела решающее значение. Он усмотрел во времени Серафимовом начатки того, что разрослось через два столетия. Зародившееся в начале XIX века отступление от Бога уже через столетие принесло страшный плод – богоборчество и богоотступничество. Преподобный Серафим – монах, последовательно прошедший по всем ступеням лествицы монашеского подвига к высотам Духа, в конце жизни ступил на самую последнюю – служение людям. И если святой Божий старец, движимый состраданием к погибающим, идет к ним со словом любви и назидания, то, несомненно, это есть высший подвиг христианского делания. Отцу Иоанну открылся молитвами и помощью преподобного Серафима глубинный смысл монашеского делания: в нынешнее время стяжать и сохра-

нить для мира источник жизни истинной – Святой Божий Дух.

Старец – игумен Иоанн (Соколов)

Как ответ на внутреннюю работу души, отец Иоанн получает от Бога давно просимое, а теперь еще выстраданное и вымоленное – духовного наставника, старца-монаха. Оптинский старец игумен Иоанн в это время стал наставником и утешителем многих москвичей. После разгрома благословенной Оптиной пустыни он прошел по мытарствам: лечение в специальных психбольницах, инвалидный дом, который был столь же «щедр» на мучения для своих обитателей. Вызволить игумена Иоанна (Соколова) из «мертвого дома» удалось стараниями его духовной дщери Стефаниды, взявшей опеку над старцем. Она привезла игумена избитым, покалеченным, больным. Руки и ноги перебиты, зубы и один глаз выбиты. Живой преподобномученик. Старец никогда не жаловался, только о глазе вздыхал: «Вот фонарь-то у меня один остался и светит плохо». Но и этот один глаз высвечивал глубины духа у приходящих и зрел будущее как настоящее. Отец Иоанн вспоминал:

«Придешь к старцу, и вдруг мгновенно так озарит тебя светом, уже незримым, благодатным, он заляжет внутрь и начинает разговор. До сих пор трясешься в трепет от этого воспоминания».

Потянулся к старцу народ, но за ним последовали и «компетентные органы». Пришлось соблюдать осторожность, перевозя старца с квартиры на квартиру и ограничивая прием, но помогало

это плохо. Нередко он со скорбью говаривал: «Вот было бы мне свободно, сколько бы я принимал страждущих. А так сижу, как в клетке. Дар имею, а дать некому». Многие знали и ценили отца игумена Иоанна. Митрополит Николай говорил: «Как же должны мы благодарить Господа за то, что посылает Он миру людей не от мира сего». Отец Иоанн Крестьянкин после первой же встречи назвал старца «профессором небесной академии». И молодой священник пришелся игумену по сердцу. Именно ему завещал игумен Иоанн проводить себя из земной юдоли. И позже, когда отец Иоанн, отбыв в заключении, служил в Рязанской епархии, дал Бог исполнить волю старца. Не так часты были встречи отцов. Иногда со своими вопросами отец Иоанн посылал к старцу духовных чад. Приходилось беречь и его, и себя от «ока государева». Старцу это не мешало вникать во все обстоятельства жизни отца Иоанна, а смиренный послушник бережно хранил в себе дух блаженного ученичества. Игумен часто молился своими особыми «самоткаными» молитвами от лица скорбящих. Обличая же маловерие приходивших, буквально слово в слово мог повторить их разговор между собой: «Ничего не скажу, что я могу сказать, ведь я простой мужик-указник, так, плету кое-что», – чем приводил своих посетителей в чувство стыда и глубокого раскаяния. Запомнились отцу Иоанну ласковые, оберегающие от грядущих искушений слова старца: «Ванечка, не будь везде хозяином... Ванечка, будь посамолюбчивей». Как-то отец Иоанн спросил старца о возможности поступления в монастырь. Тот заволновался: «Куда? В какой монастырь?! Там нынче везде сквозняки. Подожди своего часа».

Прошло пять лет служения отца Иоанна у Престола Божия. Близилось окончание академии. Навестить его приехали из Орла сест-

Храм Рождества Христова в Измайлове

рички: родная Танечка[32] и двоюродная – монахиня Евгения[33]. В Измайловской церкви они встретились со старцем. Игумен Иоанн повел с сестрами странный, непонятный им разговор. Тане он сказал, что брата она больше не увидит. «Пишут, пишут, вот сколько написали! – он показал руками толщину папки. – Вот-вот постучат. – Помолчав, добавил: Отложили до мая». Сестры пророчеств не поняли, хотя вскоре они исполнились во всей полноте. Танечка умерла, не дождавшись возвращения брата из заключения. Сам же отец Иоанн Крестьянкин уже жил в предчувствии готовящегося для него нового пути – исповедничества.

Война окончилась. Внешний враг был побежден, но жить без борьбы Советское государство не могло, и опять Церковь оказалась под прицелом. Особенно стали ополчаться на тех, в ком теплился светильник Духа. Отец Иоанн чувствовал на себе «ласковое» внимание богоборческой власти, требующее очень и очень многих уступок. Смущение его развеял совет Патриарха, сказавшего твердо:

Иерей Иоанн Крестьянкин, 1946 г.

«Все написанное в служебнике надо неукоснительно выполнять, а что за тем последует – терпите».

Отец Иоанн принял слова Святейшего как Божие благословение на терпение. Его поколебавшееся было произволение стоять на страже души ободрилось. Он продолжал служить так, как был научен примером отцов, служащих не за страх, а за совесть. Надежды склонить молодого священника к покорности сообразно веку сему не оправдались. Тогда ему предложили соблазнительную командировку в Иерусалим – служить в Русской Духовной Миссии. Удивляло и настораживало то, что не от архиерея исходило повеление. Отец Иоанн, однажды испытав на себе действие всемогущих властных сил, понял все. Понял и написал на себя первый «донос». И в нем не было ни тени лжи, ни лукавства, ни умалчивания. В своей биографии он обозначил в их истинном значении для себя и уже расстрелянного владыку Серафима (Остроумова), и погибшего на лесоповале духовника архимандрита Пантелеимона[34], и тихо исчезнувшего из жизни отца Всеволода Ковригина[35], и даже владыку Николая (Ярушевича), которого в это время уже едва терпели. Ясно и просто он сказал о себе все, что хотел.

И сразу же отцу Иоанну открылось истинное лицо «ласкателей». За любовь людей к нему, за долгие проповеди, за всякую живую инициативу он стал получать не только грубые выговоры, но даже и заушения. Позднее, увидев следы постоянной «опеки» в своем следст-

венном деле, собранном на него к маю 1950 года, он писал: «Я прошел в свое время путем тяжким. Ведь мы были связаны по рукам и ногам, и каждое наше слово взвешивалось неправедными весами врагов Церкви».

Он узнал цену своей духовной свободы. В то время она стоила ему трех тюрем и семи лет усиленного лагерного режима. Одна скорбь передавала его другой, и были они вехами его духовного пути.

«Первое борение самый трудный. Но без него не будет здравия душевного», –

скажет отец Иоанн позднее. А еще он узнал и прочувствовал великую силу и власть незапятнанной компромиссом совести.

Порабощен телом, душу же непорабощену соблюди

Если жизнь монаха — всегда тайна, и о внутреннем делании можно догадываться только отчасти, еще более глубокая тайна покрывает жизнь монаха в тех условиях, в которых оказался отец Иоанн

В ночь с 29 на 30 апреля 1950 года окончился московский период жизни отца Иоанна Крестьянкина. Он стал заключенным № 13431. Ночью к нему постучали и увезли на Лубянку[36]. Отец Иоанн напишет в одном из своих писем об этом событии: «В академии учился экстерном. И за полгода до ее окончания, когда была уже и дипломная работа написана, Господь переводит меня на другое послушание: в заключение, к новой пастве... Помышлял ли я о таком проявлении воли Божией? Конечно, нет». Он не помышлял, но томление сердца говорило ему больше, чем ум. В такие моменты дух человека предощущает неведомое, и Дух Божий, испытующий глубины сердца, Сам указывает будущее.

Отцу Иоанну исполнилось 40 лет. За время служения в Церкви в нем уже зримо проявилась крепость веры, непоколебимая надежда и сила любви к Богу и людям – те самые добродетели, которые ведут к свету и дают силу жизни. Это и подготовило путь отца Иоанна, путь в новую «академию» – совершенную духовную школу.

В этих стремительно развивающихся событиях в памяти всплыло указание святого старца Серафима: «Порабощен телом, душу же непорабощену соблюди». Преподобный предуготовил отца Иоанна

к новому этапу жизни. Отцу Иоанну предлежал такой «затвор», где сохранять Дух Божий надо было с великим тщанием, трезвением и монашеским противоборством господствующему там духу вражию.

Спокойно принял это новое назначение отец Иоанн как возможность испытать и проверить себя, свою преданность Христу и Его заветам не во дни внешнего благополучия, но в суровой школе гонений. Он уже опытно знал, что духовные плоды взращиваются только в горниле испытаний и лишений.

И московские узилища* предоставили ему такую возможность. Отец Иоанн мало говорил об этой «пятилетке». Если жизнь монаха – всегда тайна, и о внутреннем делании можно догадываться только отчасти, еще более глубокая тайна покрывает жизнь монаха в тех условиях, в которых оказался отец Иоанн. Но все же скудные следы, свидетельствующие о духовном подвиге, совершавшемся в этот период, сохранились. Сам батюшка так вспоминал о начале нового этапа жизненного пути: «Меня забрали в тюрьму, и началось оформление, долгое и тяжелое: водят туда-сюда, и не знаешь, что ждет тебя за следующей дверью. Я совершенно измучился. Завели меня в какую-то очередную камеру и ушли. Огляделся – голые стены и какое-то бетонное возвышение. Лег я на этот выступ и уснул сном праведника. Пришли, удивленно спрашивают: «Неужели ты не боишься?» Отвечать не стал, но подумал: «А чего мне бояться, Господь со мной».

Матушка Лия Круглик[37] рассказывает: «После ссылки отец Иоанн вместе с иеромонахом Всеволодом** остановились в доме наших знакомых. Мы, узнав об этом, пошли проведать необыкновенных

---

* После ареста о. Иоанн Крестьянкин два месяца провел на Лубянке. 1 июля 1950 г. был переведен в Лефортовскую тюрьму, с середины августа до этапа содержался в Бутырской тюрьме.

** Речь идет о иеромонахе Всеволоде (Баталине). См. комментарий 45.

священников. Удивило то, что после всего пережитого в ссылке оба батюшки были необыкновенно радостны и приветливы. Они с любовью беседовали с нами. Осталось в памяти, как с большим воодушевлением и чувством они пропели молитву «Царице моя Преблагая» на печерский распев. Отец Иоанн рассказывал немного о пребывании в заключении: «На допросы, как правило, вызывали по ночам. Накануне кормили только селедкой, пить не давали. И вот ночью следователь наливает воду из графина в стакан, а ты, томимый жаждой и без сна несколько суток, стоишь перед ним, освещенный слепящим светом ламп». По отношению к следователям батюшка держался трех «не»: не верь, не бойся, не проси. И это давало ему внутреннее спокойствие и твердость.

Следствие по делу заключенного Ивана Крестьянкина длилось полгода. Впереди обозначилась новая ступень испытаний – лагерь строгого режима. И обстоятельства продиктовали ему образ жизни в Боге в этих исключительных условиях:

«Тебя лишили здравия, стали ли сами, тебя Промысел Божий послал в среду не ведающих Бога, показать им Божии Дары: теплоту искренней любви, простоту и глубину благоговения и смирения».

Нет ничего тайного, что не стало бы явным, и сокрытое временем всплывает теперь в воспоминаниях солагерников отца Иоанна. Один из них, Владимир Кабо[38], 24-летний студент Московского университета, ставший на три года «насельником» того же лагеря, приоткрыл завесу над той скверной, в которой им предстояло выжить, в своей книге «Дорога в Австралию»*. «Лесоповал – вот главное,

* *Кабо В. Р.* Дорога в Австралию. Воспоминания. New York, 1995.

чем занимались невольные обитатели Каргопольлага. На десятки, быть может, сотни километров от Ерцева тянулись в разных направлениях через леса и топи нити железных дорог. А к ним, как бусины, были привязаны ОЛПы – отдельные лагпункты, обнесенные высокими заборами жилые зоны с бараками для заключенных внутри. Вокруг каждого ОЛПа разбросаны были делянки, где пилили, валили и разделывали лес. Заготовленный лес трелевали к железной дороге и там грузили на платформы. Это был тяжелый физический труд, все больше ручной, в зимние морозы и от зари до зари». Позднее в личной беседе Владимир Кабо рассказывал: «Но это было не самое страшное. Убийственный, тлетворный дух лагерной обстановки, который создавали уголовники, всех держал в постоянном ожидании беды. Уголовники не работали, это была лагерная элита. Но их нормы обязаны были выполнять те, кто не принадлежал к их клану. Кровавые разборки внутри группировок не различали правых от виноватых. Человеческая жизнь не стоила ни гроша».

Владимир Кабо – бывший узник Каргопольлага

Отец Иоанн остался в жизни Владимира Кабо навсегда. «Его влияние на меня было очень велико. Мы много и подолгу беседовали. Когда Иван Михайлович говорил, его глаза и все его лицо излучали любовь и доброту. И в том, что он говорил, были внимание и участие, могло прозвучать и отеческое наставление, скрашенное мягким юмором».

Теперь, когда Владимиру Рафаиловичу исполнилось 80 лет, он говорит, что и по сей день два человека идут с ним по жизни: это его мама и отец Иоанн (Крестьянкин). Через три года совместной лагерной

Карандашный портрет отца Иоанна, 1954 г.

жизни обстоятельства их с батюшкой разлучили. Но он помнил об отце Иоанне и искал его след, затерявшийся во времени. В 1970-х годах Кабо нашел его в Псково-Печерском монастыре. «Там, в лагере, у нас возникли удивительно глубокие отношения ученика и учителя. Они были взаимны, я тянулся к отцу Иоанну, стремился учиться, а он хотел учить, делиться своим богатым духовным опытом. В словах его никогда не было ни укора, ни обличения, и тем назидательнее они действовали на меня. Я встречал немало православных священников, но, кажется, ни в одном из них не проявлялась с такой полнотой и силой глубочайшая сущность христианства, выраженная в простых словах: «Бог есть Любовь». Любовь к Богу и к людям – вот что определяло все его поведение, светилось в его глазах, вот о чем говорил он весь, летящий, устремленный вперед...»

Один журналист, в те же годы бывший в заключении на Черной Речке, в своей книге «Тяжелые годы» пишет о встрече с отцом Иоанном: «Когда я вошел в барак, мне бросился в глаза священник с длинными вьющимися волосами, с бледным одухотворенным лицом. Он взглянул на меня и предложил с ним покушать. Мы сдружились... Были мы на лесозаготовках, и я видел, как громадное дерево взвалили ему на плечо, и он нес его, шепча молитву».

А вот свидетельство заключенного с Гавриловой Поляны Левитина-Краснова[39], оставленное в его книге «Рук Твоих жар»*: «Лагерь

* *Левитин-Краснов А. Э.* Рук Твоих жар. Тель-Авив, 1979.

заброшенный. Почти не кормят... Здесь много было религиозных людей... Прежде всего духовенство. Наибольшей популярностью пользовался среди заключенных отец Иоанн Крестьянкин... Но он священник, и этого достаточно – и для прихожан, и для властей. Для прихожан – чтоб в короткое время стать одним из самых популярных священников в Москве; ну а для властей этого тоже достаточно, чтобы арестовать человека и законопатить его на много лет в лагеря...

В лагере он возил на себе, впрягшись в санки, воду. Много молился. Все лагерное население к нему сразу потянулось. Всеобщий духовник.

Начальство без конца его допекало и грозило тюрьмой. Приставили к нему специального наблюдателя... из проворовавшихся хозяйственников. Запомнилась мне почти символическая картина. Сидит на скамейке хозяйственник, читает газету... А за его спиной по площадке, окаймленной кустарником, бегает взад и вперед отец Иоанн. Только я понимаю, в чем дело. Это отец Иоанн совершает молитву... Несколько раз, приходя в барак, заставал его спящим. Во сне лицо дивно спокойное, безмятежное. Как ребенок. Не верится, что это взрослый мужчина... Раз, гуляя с ним по лагерю, у него исповедовался. Чистый, хороший человек».

Сам отец Иоанн мало говорил о жестокой повседневности лагерной жизни и еще меньше – о своем внутреннем состоянии. Осмысливая Божие определение о себе, он вспоминал, как на свободе мучился вопросом, возможно ли идти монашеским путем без путеводителя, не огражденным от соблазнов мирской жизни, без вдохновляющего примера единодушных путников-богоискателей? «И теперь Господь ответил на этот вопрос: «Да, да, возможно! Иди за Мной, иди по водам житейского моря дерзновением веры, держась крепко за ризу Мою».

Господь потребовал, чтобы я отринул в себе всякое представление о монашеском пути по примеру уже прошедших им. И принял путь, начертанный Его Божественным перстом.

И я преклонил главу, всем своим существом желая служить Единому Богу. И вместо молитвенного уединения в полумраке монашеской кельи, где трепетный огонек лампады дыханием Божиим наполняет душу, я получил «затвор» в антихристианской среде, за колючей проволокой, в бараке на 300 человек. Именно эта обстановка открыла мне смысл духовного покровительства святого Иоанна Пустынника[40], данного мне при крещении. Еще в юности я пытался понять сродство этого союза, но жизнь хранила от меня это в тайне. Только теперь все стало понятно. И лагерь для меня – «египетская пустыня», а душа должна стать глубоким кладезем, куда не могли бы проникать волнения, тьма и злоба безбожного мира. Там, на глубине, все свято и мирно, светло и молитвенно.

Мгла – Бог! И чем страшнее бушевало житейское море на поверхности, тем ощутимее была близость Бога и Его дыхание на глубине. Сила Божия надежно оградила мою немощь».

Так учил искателя монашеского пути Промысл Божий. Позднее же для насельников монастыря, проходящих искус монашескими прискорбностями, он вспоминал, что нигде так не молился, как в заключении. И там давал Господь возможность уединиться, чтобы припасть к Богу скорбной душой. Господь хранил батюшку. Тюремная шпана относилась к нему сочувственно. Называли его кратко: «Батя».

Вначале он ходил там в подряснике. Когда подрясник «измочалился», пришлось облачиться в «одежду поругания» – грязную тю-

ремную робу. Как всем. Батюшка вспоминал, что ему от подобной перемены стало даже удобнее. Незаметнее. Это было истинное испытание веры. Это была настоящая академия и сокровенное духовное возрастание.

Отец Иоанн так вспоминал о своей работе на лесоповале: «Лагерники подпиливают, а в мою задачу входило повиснуть на дереве и повалить его в нужном направлении. И вот я висну на нем да молитву дею. Со стороны кричат: «Давай, батя, давай!» – а дерево ни с места. Вот такая была школа молитвы».

В письмах же отца Иоанна из заключения (а их больше ста)*, сохраненных его духовными чадами, как в чистой капле росы, во всей полноте отражается это благословенное для него время жития. Они написаны аккуратным, красивым почерком. То чернилами, слегка расплывшимися на рыхлой бумаге, то карандашом. Они будто писались не на нарах в лагерном бараке, а в уютной домашней обстановке, за письменным столом. Благоговение и уважение к адресату водило его рукой. Всего несколько писем написаны скорописью, но скольких извинений стоила эта не свойственная ему небрежность: «Простите, великодушно простите, письмо писалось в очень плохом освещении, лампа висит у потолка».

Его письма – это документы, свидетельства любви, у которой нет правых и виноватых. В них бесчисленные просьбы об утешении для тех, кто в нем нуждался. И Божия любовь, через отца Иоанна обильно изливающаяся, распространялась на всех без разбора. И на тех, кто нес тяготы 58-й статьи, и на заплутавших по жизни уголовников. В одном из своих писем этого периода отец Иоанн пишет: «На опы-

---

* Речь идет о письмах, адресованных Г. В. Черепановой и М. Г. Ветвицкой. Через них о. Иоанн связывался с духовными чадами и друзьями. Они стали главными помощницами батюшки в период заключения: собирали посылки, выполняли поручения, ездили в лагерь.

Гаврилова Поляна, лагерный барак

те личной жизни я все более и более познаю сладость святого чувства: «Большие воды не могут потопить любви, и реки не зальют ее».

Весьма примечательны приводимые в письмах списки нужд самых разнообразных: лекарство для юноши, страдающего туберкулезом, словарик для филолога, краски для заключенного художника. А вот просьба «купить ниток мулине для супруги начальника охраны, такой же добросердечной, как и он сам». «Пользуясь разрешением, прилагаю список-перечень необходимого», – пишет он духовным чадам. Необходимого не ему, но тем, кто рядом.

А вот появляется пространный список нового просителя. Это уже от «учреждения», которое содержит заключенных под стражей. И «учреждение» не обделено вниманием и заботой. В лагере были и католические ксендзы, и протестантские пасторы, и баптисты. Когда до них дошел слух о помощи «учреждению», они подошли к батюшке с упреком: «Что же это Вы делаете? Это же наши враги!» «Выполняю завет Христов: «любите враги ваши», – услышали они в ответ. «Простите меня как неисправимого, – пишет он, – но моя излишняя отзывчи-

вость к просьбам и нуждам людей снова понуждает меня просить Вас». И снова списки, просьбы. И так все пять лет пребывания в неволе.

А есть и совсем маленькие приписки от самого батюшки. Прислать ему фотографию мамочки, крестики, венчики, разрешительные молитвы и немного лакомств: луку и чесноку. Ясно, что и в этом «аду» он продолжает нести свое священническое служение. В этом неутешительном месте служением ближним ободрялась и утешалась и его душа. Крестики для тех, кого просветит он Светом Истины. Венчики – погибшим от бесчеловечной злобы, а таких там было много. Он хотел по-человечески проводить их за те страдания, что испытали они на исходе из жизни.

«Жизнь наша подобна плаванию. И все происходящее в ней всегда совершается по благому Промыслу Божию.

Я по-прежнему жив. По милости Божией благодушествую. Наше будущее, как и настоящее, всегда находится в полном и непосредственном подчинении воле Божией, которая на время бывает от нас сокрыта для нашего же блага», – напишет в письме отец Иоанн, когда уже войдет в русло лагерной жизни.

Но сразу по приезде на ОЛП он пишет: «Я во всем, кроме праведности, подобен Иову». Непосильная непривычная работа угрожала телу, а бесчинства преступной мысли и лукавых пожеланий, господствующие в этой обстановке, покушались сразу и на душу, и на чистоту сердца. Устрашившись за свое духовное здоровье, отец Иоанн весь устремился к Богу в молитве. В бараке, наполненном до отказа людьми, он умудрялся находить уединение и чистоту живого общения с Богом то на третьем ярусе нар под одеялом, то в заброшенном бараке и даже среди толпы. Вспоминая то время, он скажет: «Молитве лучше всего учит суровая жизнь. Вот в заключении у меня была

истинная молитва, и это потому, что каждый день был на краю гибели. Повторить во дни благоденствия такую молитву невозможно. Хотя опыт молитвы и живой веры, приобретенной там, сохраняется на всю жизнь. А как часто душа без слов молилась Богу!»

В самом начале своего исповеднического пути отец Иоанн столкнулся со страшными, беспощадными сатанинскими силами, действующими через людей. Но природное смирение его, уже проверенное во многих искушениях, оградило отца Иоанна и здесь. Бесы и одержимые ими люди оказались бессильны над ним. Господь смиренным дает благодать. Силу Божией благодати отец Иоанн чувствовал и ею укреплялся. Благодаря ей он прошел тяжелейший полугодовой период следствия, из них два месяца провел в камере-одиночке и два месяца среди уголовников. Ни физические воздействия, ни злоба, ни коварство не сломили его. Не надеялся он ни на свою силу, которой от рождения не имел; ни на свой разум, который не прельщал его; ни на свое мужество, о котором не помышлял вообще. Осознавая свою полную беззащитность, отец Иоанн весь без остатка предался Богу. И Господь Сам поборал за него все сатанинские происки. Устоять человеческими силами пред силой безбожной власти целого государства невозможно. Во время заключения, когда и сама жизнь ничего не стоила, и неизвестно было, доживешь ли до вечера, а пережив день, встретишь ли рассвет, единственное, что оставалось и чем он обладал реально, – это вера. Ее отец Иоанн хранил как зеницу ока. Вот откуда появилось в нем полнейшее спокойствие и безмятежность лика и во сне, и при бодрствовании. В этом земном «аду» он пребывал с Богом. В письме из заключения он напишет: «С Богом самое трудное легко, а без Бога и самое легкое невозможно». Сердце его мирствовало в Боге, но оно и болело, изъязвленное жалостью и состраданием к тем, кто, погружаясь во тьму, забывал о своем при-

звании быть чадами света и попирал самый ценный дар Божий – жизнь во имя Любви.

Прошли первые два года лагерной жизни отца Иоанна. Его вера и преданность Богу победили страх смерти, и плоды духа, созревшие в горниле испытаний, Господь принял. И узы ослабли. Послушника Божия, заключенного Крестьянкина, перевели на новое послушание и на новое место жительства.

При дезкамере, где он должен был работать, находилась маленькая кладовка. В ней он поселился 30 декабря 1952 года. С воли прислали краски для пола, и кладовка стараниями отца Иоанна превратилась в чистую комнату. «В своем новом, довольно уютном уголке гораздо спокойней и тише. На праздник, благодаря елочке, занавескам и клеенке, все примет еще более благоустроенный вид и воскресит в памяти недавнее прошлое. Среди общей обстановки новый уголок является райским», – напишет отец Иоанн об этом утешении близким.

«Спешу, другини мои, поделиться с вами и своею духовною радостью, которой меня удостоил Сам Господь. В этом году, впервые за все время моего пребывания в изгнании, я имел возможность – хотя отчасти – встретить великий праздник Рождества Христова в более подобающей обстановке, которая возможна в условиях лагерной жизни. Своим духом и сердцем я, конечно, был в храме Божием и среди своих духовных детей, с которыми в продолжение пяти недавних лет я, недостойный, проводил в пламенной молитве эти святые незабываемые ночи.

В своем же небольшом, дарованном мне Богом уютном уголке я в Святую полночь стоял в коленопреклоненном состоянии на молитве к Господу за себя, многогрешного, за всех моих духовных чад, за всех заключенных (тружеников и мучеников) и за весь мир, значи-

тельная часть которого погружена в глубокий сон, позабыв Творца и Его святую волю.

По окончании молитвы я вышел во двор, и при нежном свете луны и мерцании множества звезд, при полной ночной тишине, я – убогий изгнанник – призвал на всех Божие благословение, нас ради Рождшагося, и послал мысленное приветствие с Высокоторжественным Праздником, исшедшее из глубины моего сердца и быстро полетевшее в сердца всех любящих и помнящих меня, недостойного.

После этого была зажжена елка, и началась праздничная трапеза вдвоем. Мы были объяты невыразимым простыми словами духовным восторгом и праздничным ликованием.

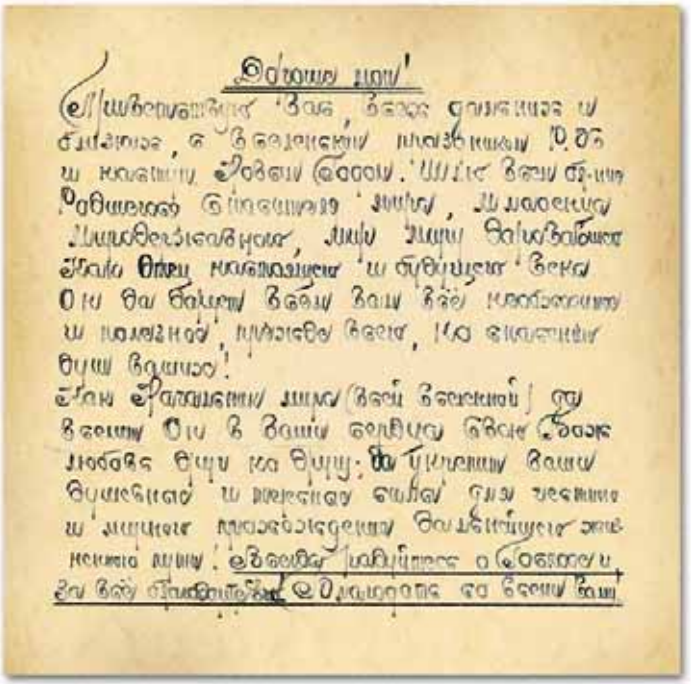
В продолжение всего первого дня праздника я почти беспрерывно принимаю приветствия от верующих и сам взаимно приветствую и утешаю их. Посылаю вам еще поздравительных открыток, изготовленных художником по моей просьбе. Пусть порадуются дети Божии. Вам же, мои дети, посылаю веточку со своей прекрасной елочки».

Так писал отец Иоанн о праздновании Рождества 1952 года.

Времена менялись. Зловещие вышки и колючая проволока лагерной ограды, соленый пот в глазах и бесконечные стволы и пни умирающих под вой пил деревьев – это двухлетнее марево смерти стало рассеиваться и будто бы уступать место жизни.

Он стал выращивать цветы, прикасаясь к тому, что неподвластно злой человеческой воле.

Возле нового жилья появился клочок возделанной его руками земли. А творческий Божий гений на глазах начал созидать жизнь во всей ее силе и красе. «Цветы растут во славу Божию и нам на утешение. Заниматься их разведением доставляет огромное удовольствие. Они о многом напоминают. Ожидаем солнышка с надеждой, что лучи его обогреют и людей, и цветы для прославления Творца», –



пишет он в весенних письмах. Эта его безмолвная «цветочная» проповедь собирала к нему и к грядке лагерных прихожан.

Был для заключенного иерея еще один неиссякаемый источник живой воды, из которого он обильно черпал силы жить. Это память о церковных праздниках. Среди сумрака, забот и тревог такое памятование приносило в душу мир и теплоту.

Вера отца Иоанна, согретая любовью ко Господу и его святым, таинственно давала ему благодатное радование. Он внутренне готовился, воскрешая в памяти празднуемое событие или жизнь святого. Задолго начинал писать утешительные письма-поздравления. Количе-

Матрона Георгиевна Ветвицкая

ство корреспонденции было строго ограничено, а порадовать хотелось многих. «Я люблю радовать и радоваться», – напишет он в одном из своих писем.

Так из мрака лагерного «затвора» текли в мир токи духовных утешений тем, кто был на свободе. «День Заступницы Усердной провел в особом молитвенном настроении и духовной радости... Внутренний мир мой наполнен одной Божественной любовью, а душа постоянно стремится к Вечности. И все переносит с радостью и покорностью во всем воле Божией, хотящей всех нас спасти и привести в Царство Небесное», – писал он в октябре 1952 года духовным чадам. Притом, что его собственную жизнь в это время еще накрывал беспросветный мрак.

«Праздничные дни протекли в возвышенной радости, которой лишить нас никто не в силах», – извещает он в сугубо дорогой для него день иерейской хиротонии.

«Да будет жизнь осеняема благодатью Всесвятаго Духа», – только ее он жаждал как единого на потребу, и она освящала его сердце, очищала чувства, укрепляла волю.

Тяготы первых лет лагерной жизни усугублялись еще и тем, что отец Иоанн был лишен возможности причащаться. Духовные чада, уже несколько раз навестившие его, предлагали привезти в очередной приезд Святые Дары. Отец Иоанн это категорически запретил, боясь своеволием навлечь искушение на святыню. Ограничивая настойчивость своих доброжелателей, он писал им: «В отношении причастия страшной жертвы Животворящего Тела Владычня, к Которому не

приступал три года, как находившийся в затруднительных обстоятельствах, обратиться надо только к дорогому Дедушке*, только его благословение будет для меня строго обязательным».

И, конечно, благословение архиерея было получено. В следующий приезд современные жены-мироносицы тайно передали заключенному Миро Жизни – хлебную булочку, в которую руками иерея, как в дарохранительницу, были вложены Святые Дары. Так испытаниями совершенствовалась душа, и в ней зримо являлись Божие всемогущество и любовь. Своеволие окончательно покорилось единой благой воле Божией.

Когда в 1953 году со смертью «вождя народов» многие заключенные начали хлопоты об освобождении, отец Иоанн оставался невозмутимо спокоен. Его воля безмолвствовала. Он тепло провожал тех, кому посчастливилось освободиться досрочно. На письма же духовных чад о хлопотах по его освобождению с непоколебимой твердостью отвечал «нет». Он призывал их не гадать о времени освобождения, не планировать ничего на будущее, предаваясь воле Божией. «Кого миловать, помилую; кого пожалеть, пожалею» (Рим. 9:15), – напоминал он обещания Господа. – Будущее предоставим водительству Промысла Божия».

Сам же батюшка хорошо помнил об уроке, данном ему жизнью, – о соблазне облегчить свою участь, перейдя с лесоповала на лесосплав. Только Господь остановил его от желания сбросить крест, возложенный Им, и взять свой, самодельный.

Чада не унимались, а он не уставал отвечать «нет».

«Хлопоты Тани** об освобождении считаю излишними и совсем ненужной затеей. Надо вооружиться терпением, приносящим огром-

---

* Дедушкой в письмах о. Иоанн называл митрополита Николая (Ярушевича).

** Речь идет о сестре о. Иоанна Татьяне Михайловне Крестьянкиной.

Галина Викторовна Черепанова

ную пользу каждому, с упованием на нашего общего Ходатая и Утешителя...

Решение важного вопроса должно зависеть не от настойчивости и упрямства, а от глубокого, с Божией помощью, рассуждения, сопровождаемого молитвой с упованием, смирением и кротостью.

Господь всеведущ, а мы близоруки. Помолимся, чтобы Господь устроил все наши дела по Своему Божественному Промыслу, который превыше всех наших дум, гаданий и опрометчивых решений. Положимся во всем на волю Божию, подчиним ей свою волю, но только добровольно, при наличии полного внутреннего и непринужденного расположения духа. Господи! Да будет воля Твоя!»

Поняв непреклонность духовного отца, чада решили идти к старцу, слово которого для отца Иоанна было непререкаемо. Об этом рассказала Галина Черепанова: «Поехали мы вместе с матушкой Евгенией к игумену Иоанну спросить у него благословения, чтобы написать от имени Танечки заявление об освобождении брата. Встретил нас старец хорошо, усадил пить чай. На наш вопрос он ответил, что писать никуда не нужно, а только просить «Верховную Верхушку», и добавил: «В неявности придет». Ушли мы от него расстроенные, больше обращаться было не к кому».

А слова старца «в неявности придет» исполнились в точности. Но для заключенного Крестьянкина «неявности» не было. Незадолго перед Сретением ему явился преподобный Серафим Саровский. Он, именно он в свое время прикровенно открыл иерею Иоанну

Монахиня Евгения (Овчинникова)

о грядущем заключении, теперь же он открыто сказал ему о готовящемся радостном изменении в жизни, об освобождении. «Будешь свободен!» – произнес святой старец и скрылся.

В день Сретения Господня 1955 года отца Иоанна вызвали в лагерное управление и вручили документы об освобождении. Начальник лагерного режима при этом задал ему вопрос: «Вот мы Вас освобождаем, что Вы будете делать?» Отец Иоанн ответил: «Пойду в Патриархию, так как я священник. И подчинюсь тому, что мне там скажут. А сам не знаю, чем буду заниматься. Может быть, и там меня заставят таскать в гору ведра с водой». Последним его лагерным «послушанием» было ежедневно поднимать по 40 ведер воды на верх высокой горы.

Приехав в Москву ночью и сойдя с поезда, прямо с вокзала отец Иоанн сообщил, что он уже в Москве, что его «затвор» кончился.

Период своего изгнания отец Иоанн благословлял еще более благоговейно, чем период детства. В этом отверженном месте, непрестанно пять лет предстоя Живому Богу, он познал своего Спасителя. Глубокую трагедию мира, находящегося в страдании и болезненном борении из-за оторванности от Бога, он увидел глазами Распятого по любви к миру и к человеку Спасителя.

И тайна монашеского становления в иерее Иоанне свершилась. Умно-сердечная молитва, «запульсировавшая»в сердце, известила его об этом. Для отца Иоанна Крестьянкина начинался новый этап жизни, и он ожидал, что речет о нем Господь.

Не может град укрытися верху горы стояй

Бог благословил его на путь бездомного странника на 12 лет. Все эти годы отец Иоанн будет с небольшим саквояжем переходить из села в село, от одной церкви к другой, из церковной сторожки в деревенскую избу

Ушли в прошлое пять лет сокровенной жизни в непрерывном напряженном внимании к себе, ко всему окружающему с молитвенным воплем пред Лицем Божиим. Отец Иоанн за все благодарил Господа. Душа его познала и чувства, проистекающие от единого источника – святыни, и немощь человеческую, и глубину человеческого падения даже до ада преисподнего при богозабвении. Личный живой духовный опыт борьбы с врагом спасения стал тем некрадомым богатством, с которым батюшка вышел из вынужденного «затвора». Предаваясь вполне воле Божией, отец Иоанн не нарушал мира души своими желаниями. Он отправился к митрополиту Николаю, чтобы из его уст услышать Божие определение о своей дальнейшей жизни. Владыка Николай благословил иерея Иоанна в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. И опять поманила его надежда о монашестве, но, как и в первый раз, ненадолго.

Отец Иоанн в беседе с иконописцем монахиней Иулианией[41] так рассказывал о том, как попал он в Псков: «Приехал я в Печоры под Вербное воскресенье. Владыка Иоанн (Разумов)[42] тотчас вызвал меня к себе и долго изливал горестные чувства, что дел кругом много, а человек он новый в Псковской епархии, верных людей нет, опереться не

на кого. Во мне он видел верного человека, который может помочь; убеждал ехать в Псков и позаботиться о соборе. Звонят уже ко всенощной, а мы все еще сидим, говорим...»

Пробыл отец Иоанн в монастыре всего две недели. Благословение правящего архиерея обозначило новый этап его жизни. Вместо монастырского послушания определились для него труды, за которыми не видно было не только далекого будущего, но и завтрашнего дня. Впоследствии отец Иоанн частенько будет напоминать духовным чадам:

Митрополит Иоанн (Разумов)

«Детки, усвой один очень важный урок, усвой на всю жизнь. Не смеши простираться в завтрашний день, живи сегодня, сейчас учись видеть волю Божию для себя, и не только видеть, но надо иметь еще непоколебимую решимость, чтобы ее исполнить».

Ни владыка, ни отец Иоанн не помышляли, что полагалось начало нового подвига. Бог благословил его на путь бездомного странника на 12 лет. Все эти годы отец Иоанн будет с небольшим саквояжем переходить из села в село, от одной церкви к другой, из церковной сторожки в деревенскую избу. Не обремененный попечением о себе, он будет заботиться о доме Божием и о детях Божиих, не имеющих пастыря. Не связанный никакими внешними обязательствами, он незримо для посторонних глаз будет делать Божие дело, совершая монашеский подвиг, – возжигать светильник Духа в тех, кого встретит на своем пути странника.

Когда вопрос о водворении отца Иоанна в Псков был уже решен, во время литургии, перед самым Великим входом, владыка вдруг спросил его: «Когда будете постригаться?» «Что я мог ответить в такой момент? – вспоминал батюшка. – Благословите, владыка, ведь Вы меня сами направили в Псков, – а сам думаю: – Если бы я был свободен, то постригаться поехал бы в Глинскую пустынь[43]. Там лучше всего сохранился дух монашества, и есть у кого поучиться». На этом разговор о монашестве был закончен. Ни архиерей, ни иерей не проявляли своей воли. И позднее, когда заговаривали о батюшкином постриге, он отвечал: «Я высоко ценю монашество и ничего не имею против пострига, но я также очень люблю народ и хочу ему послужить».

Во Пскове батюшку поразило отношение духовенства к состоянию храма. По определению отца Иоанна, это было «стоячее болото». Вместо лампад висели консервные банки и пудреницы, ризница в запустении, нет облачений и икон, полное небрежение к благолепию гробниц с мощами.

Троицкий собор в городе Пскове

О времени, когда отец Иоанн нес пастырские труды во Пскове, вспоминает монахиня Иулиания (Мария Николаевна Соколова), иконописец Троице-Сергиевой Лавры. Она встречалась с ним 14 августа 1955 года в Троицком соборе Пскова[44]: «Отец Иоанн встретил нас радушно. Мы много разговаривали, он рассказывал, что старается разбудить в людях уснувшее религиозное чувство и стремление к благолепию Дома Божия. Смущало батюшку, что в память духовной покровительницы Псковщины святой равно-

Иеромонах Всеволод (Баталин)

апостольной княгини Ольги* не было не только храма, но даже и придела. Он начал молиться, чтобы Господь помог ему: ни средств, ни возможности осуществить это желание не было. «Святая равноапостольная Ольга, ты сама позаботься об этом деле», – из глубины души вздыхал он, припадая к ее иконе. Вскоре он услышал о старых иконостасах, оставшихся в закрытых под Псковом церквах. С неимоверными трудностями ему удалось их вывезти. Но когда он привез иконы, то неожиданно услышал: «Стоило ли за такой рухлядью ездить и так мучиться?» Отец Иоанн делился с нами своей печалью о том, что нет ни материалов, ни средств, ни художников. Настоятель храма иеромонах Всеволод (Баталин)[45], только что вернувшийся из заключения, был с отцом Иоанном одного духа. Они взяли свое жалованье вперед за три месяца и потратили его на приобретение лампад к мощам и иконам. Питались же хлебушком с кануна.

«В Москве старались меня упрятать в дальний монастырь, чтобы ни слуху ни духу обо мне не было. А я опять в собор вылез, чижик такой», – пошучивал отец Иоанн. Матушка Иулиания вспоминает: «Батюшка бегал туда-сюда: то в алтаре он требуется, то в конце галереи, то зовут его к мощам. Во всем соборе кипела работа». Отец Иоанн не боялся трудов. Еще в лагере он прочувствовал, что дела во имя любви дают душе легкость, мир, сердечную теплоту и умиление в молитве. Он самоотверженно и бесстрашно трудился.

---

* *Святая равноап. кн. Ольга родилась в с. Выбуты, недалеко от Пскова, и происходила из династии князей Изборских.*

Сусанна Дмитриевна Валова

Сусанна Валова[46], ставшая в это время его духовным чадом, так пишет о нем в своих воспоминаниях: «В те времена креститься было опасно. Записывались паспортные данные и крещаемых, и родителей, и восприемников. А потом о состоявшемся крещении сообщалось по месту работы или учебы, что имело определенные последствия, вплоть до увольнения. Но мне не раз приходилось заставать отца Иоанна крестившим целые семейства в своей комнате в коммуналке. Вся мебель сдвинута, посреди комнаты стоит купель, а вокруг нее ходят человек шесть во главе с отцом Иоанном, воспевающим «Елицы во Христа крестистеся...» По тем временам это был подвиг мужества и веры.

В один из приездов, где-то в ноябре-декабре, погода жуткая: ветрище холодный, темень непроглядная, с неба сыплет косой дождь. Город-то провинциальный, освещение только по центральным улицам. Дело к ночи. Звонок. И в комнату входит пожилая женщина, вся мокрая: «Батюшка, помогите! Дочь родила двойню, детишки чуть живы. Врачи говорят: не выживут. Пошли, батюшка, скорее со мной, как бы не умерли некрещеными». Отец Иоанн немедленно одевается и идет в эту жуткую бездну...

Через некоторое время спрашиваю:

– Как ребятишки, которых Вы пошли темной ночью крестить?

– Замечательно! Вчера мать приносила в храм причащать. Два богатыря – Игорь и Олег. Один на одной руке, другой – на другой у счастливой мамаши!

Приезжаю. Обычная добрая встреча. Отец Всеволод, настоятель, «жалуется» на батюшку: «Посмотрите, Сусанна, в угол. Видите – икона. Несколько десятилетий висит тут в углу. Подумайте только: кто-то заказал молебен этим святым. В соборе их иконы не оказалось. Так отец Иоанн прибежал домой, взял лестницу, с трудом снял икону со стены и бегом в собор служить молебен. Этого можно ждать только от отца Иоанна!»

И опять «жалоба»:

– Подумайте, привезли отцу Иоанну из Москвы теплое нижнее белье (в те годы – большой дефицит). Я порадовался за него. Пошли в очередной раз мыться – опять какие-то обноски одевает.

– А где же белье?!

– Да вот тут приходил один...

И так всегда, и всю жизнь».

Батюшка шутил, а время-то снова было нешуточное. Над ним начали сгущаться тучи. Письмо игумена Иоанна (Соколова) о том, что батюшкину активность оценили и на него завели новое следственное дело, отправило иерея в дальнейшее странствие. Всего два года пришлось отцу Иоанну потрудиться в уделе Святой Троицы. Владыка не задержал его. Митрополиту было сделано от уполномоченного не одно замечание и предложение угомонить деятельного священника, а в интонациях уже звучала угроза.

И вновь изгнанник устремился к старцу в Москву, чтобы прояснить для себя волю Божию. Близкие, узнав, что отцу Иоанну надо искать новое пристанище, сделали попытку вернуть его на какой-либо столичный приход или хотя бы в Подмосковье. Дело было безнадежное, но любовь всегда надеется. После многих хлопот записались на прием к кому-то из «власть предержащих». Но когда позвонили секретарю, чтобы уточнить время приема, услышали суровое: «Он не

Архиепископ Николай (Чуфаровский)

прощен, а только помилован». В ответ на это отец Иоанн, показывая рукой на небо, неоднократно повторял: «Там бы быть прощеным». Напоминать о себе еще раз было опасно: Иоанн Крестьянкин – лишенец, и по законам тех лет он не мог жить в больших городах.

По благословению старца отец Иоанн едет в Рязань, где в это время служил знакомый ему архиерей владыка Николай (Чуфаровский)[47]. И рязанская глубинка надежно сокрыла изгнанника на 10 лет. Пять приходов за этот срок дали приют Божию страннику. Указы, продиктованные уполномоченным, смягчались припиской владыки: «Переводится иерей Иоанн Крестьянкин на благо Церкви и на пользу дела». В этой приписке, сделанной архиерейской рукой, просто и предельно ясно звучала воля Божия для отца Иоанна. Он шел по рязанской земле и приносил с собой на очередной сельский приход тихую внутреннюю радость о Господе, духовность и любовь к людям. На слезные же вопли обиженных переводом полюбившегося священника владыка Николай отвечал: «У вас он отогрел души, пусть и другим отогревает. Вы увидели настоящего Божия священника, пусть и другие увидят».

Властная государственная сила терпела поражение пред одним человеком, носителем Духа Божия. Бог торжествовал в этой неравной борьбе. Для христианской любви надо совсем немного времени, чтобы ее поняли и оценили. Все приходы, где послужил отец Иоанн, собрали ему духовных чад, сделав его многодетным духовным отцом.

Пользу от его странничества по Рязанщине получали не только храмы и люди, но и сам странник. Общение с простыми Божиими

Псков, 1956–1957 гг.

людьми приоткрывало ему богатство русской души, Богом отмеченной. И он любил их так же, как орловских блаженных в детстве.

Практические занятия в духовной академии жизни для него продолжались.

Пять церквей, пять сельских приходов! На каждом из них шлифовалась определенная черта его духовной сущности.

Первый приход Троица-Пеленица в селе Ясаково[48] стал для отца Иоанна прообразом монастырской жизни. И он, поняв особенности своего нового места служения, устремился в Глинскую пустынь. То, что он увидел, превзошло все ожидания.

Живой духовный оазис, благоухающий ароматом Небесного Царства, и воинство его – монахи, на лицах которых лежала его светлая печать. Среди воинствующего безбожия и тьмы

Троицкий храм в селе Троица-Пеленица

Иеросхимонах Серафим (Романцов)

они своей смиренной простотой и кротостью, своей верностью являли миру победу воскресения души в Боге. А молитвенный покров над монастырем, восчувствованный отцом Иоанном в первый же день приезда, оживил в сердце память его лагерной молитвы, творимой в кладезе души.

72-летний иеросхимонах Серафим (Романцов)[49], проживший аскетом-отшельником 12 лет в горах Киргизии и уже 10 лет руководствующий братию пустыни как духовник, после первой же встречи признал в приезжем иерее своего духовного сына, Богом ему посланного. Отец Иоанн благодарил Господа и всем существом отдался ученичеству. Окрыленным он вернулся в Ясаково. И там два иерея, настоятель-монах и он, усердный искатель монашества, взялись за рало одного плуга, чтобы возделывать Ниву Божию. Они были на редкость единодушны в своих устремлениях, а в деловитости не уступали друг другу. Настоятель отец Дорофей[50], бывший военный моряк, познал Бога в дышащем смертью Северном море, когда, держа на руках раненого друга, он, по слезной просьбе умирающего, стал отцом его сыну-сироте. По окончании войны по зову Божию он принял монашество и сан. Отец Иоанн глубоко уважал живую веру и жизненный подвиг отца Дорофея и с желанием и радостью подклонял свою главу послушанию монаху-настоятелю. Приемный сын доставлял отцу много хлопот и огорчений, не понимая, почему отец – поп, да еще и монах? Отец Дорофей, от природы горячий, стал вспыльчивым. Отец Иоанн всегда умел понять и оправдать его раздражительность, умел и потерпеть. «Мы с отцом Дорофеем как род-

ные братья от одной матери», – часто слышали от него прихожане. Жизнь обоих была отдана Богу с полным самоотречением, и это было главное. Сила их веры и молитвы давала приходу видимую для всех силу жизни.

Из писем отца Иоанна тех лет проступает мера их трудов.

«Я жив и здоров. Мое продолжительное молчание произошло по причине занятости служебными делами, поглощающими почти все время, конечно, кроме часов ночного отдыха. Слава Богу за все!»

Письма его становились все лаконичнее. Они начинались и кончались просьбами: «Постарайтесь прислать все готовое для храма до праздника. Вся надежда только на Господа. Да поможет Он и вам во всем...» И опять списки: чехлы и розовые облачения на престол и жертвенник, бахромы золотой 15 метров для сени над плащаницей, священнические облачения голубые, багет, гвозди, краски... И нет числа тому, что нужно для благолепия храма.

Внимательный глаз и заботливые руки касались всего. Храм преобразился, согретый любовью священников и их духовных чад. Под большие церковные праздники село оживало от верениц богомольцев, идущих из ближних и дальних деревень, что зримо для всех свидетельствовало о возрождении духовной жизни. Светлая радость трудов для Бога и ради Бога, общие благодатные молитвы сближали людей. Они становились родными великим духовным родством, которому не бывает конца.

В отдаленные же деревни, где церкви были порушены, священники шли сами, неся туда слово Жизни в таинствах и проповеди Любви. Они самоотверженно добирались до тех, кто не в силах был дойти до храма. В дальних селах появились их «уполномоченные» – старушки,

которые готовили свои избы к приходу священника. Молебны, исповеди, причастие, панихиды – служение с раннего утра и до позднего вечера. И преображенные благодатью лица были наградой батюшкам.

Отец Иоанн рассказывал, как однажды приехал в одно очень далекое село, где священника не было 30 лет: «Приехал и смутился: все село дышит праздником, все разодеты, никто в этот день на работу не вышел, а была страда, лето. Пронеслись мысли: «Ну, не миновать мне новой беды, дома будет ждать меня у крыльца «черный ворон»! Время-то было какое!» Но по милости Божией на сей раз все обошлось.

На Рождество и на Пасху батюшки обходили все село Троица-Пеленица. Не принимали только три дома – председателя сельсовета, директора школы и директора колхоза. И то жены приходили извиняться. Благословив их и покропив святой водой, отправляли утешенных домой. А село-то было большое, около ста домов.

Однажды отец Иоанн простудился, но уговорить его отлежаться было невозможно. Весь день он ходил по сугробам в рясе и кожаных сапогах. Снегу в этот год намело необычайно много. Когда почти через месяц он попал в Рязани ко врачу, у него нашли следы двустороннего воспаления легких. Врач удивлялся, как он выжил. Так сила Божия поощряла произволение священника. На этом приходе отец Иоанн учился монашескому терпению и послушанию. И это было не вынужденное послушание обстоятельствам, как в лагере, но добровольное и сознательное смирение и послушание человеку ради Бога.

Вспоминают духовные чада: «Решили мы на второй день Пасхальной седмицы поздравить отца Иоанна. Застали его в храме. Отца Дорофея не было, он уехал в Рязань к сыну. Встретил нас пасхальный батюшка: «Как я рад, как я рад! Хожу с утра, сердце полно любви, кому отдать, кому отдать? Спасибо, что пришли! Чем бы нам угоститься? Нет ли у вас чего с собой?» Мы в полном недоумении. Перед на-

шим мысленным взором – длиннющий пасхальный стол, уставленный яствами.

– Батюшка, куда же делось все со стола-то?

Отвечает:

– Так ведь нет благословения настоятеля что-либо брать с трапезного стола. Он уехал и ничего не сказал».

Троицкий храм стоял на высокой горе, омываемой полноводной в то время Окой. Напротив него расположилось старое, некогда церковное здание, а теперь сельская школа. Школа смотрела всеми своими окнами на храм, застывший в безмолвной проповеди о Боге и Вечности. Храм, давно не видевший ремонта, взывал о помощи. Но время было такое, что без санкции уполномоченного нельзя было и гвоздя забить. Начались усиленные молитвы и хождения по инстанциям. Милостью Божией получили разрешение привести в порядок стены. Наутро, когда работы по ремонту были закончены, преподаватели и школьники, придя на занятия, замерли от удивления. Со стен храма из ниш на них смотрели лики святых. Новые иконы, тайно от всех написанные, завершили внешнее убранство. Это было уже вопиющее «беззаконие».

Все притихли в ожидании бури, но на этот раз она пронеслась лишь над головами священников. Уполномоченный не скрывал своего гнева и слов не выбирал. На его неистовое «Пошли вон!» оба священника исчезли мгновенно и долго потом не напоминали о себе. А иконы в нишах так и остались.

Вернуться же к уполномоченному с новой просьбой все-таки пришлось – протекла кровля храма. От дерзости просителя даже глаза у начальства налились кровью:

– Рядом школа, крыша течет, забор валится, – выдохнул. – Мы не можем отремонтировать школу и вам запрещаем делать ремонт храма! Все, хватит!

– Да мы и вам крышу отремонтируем, и забор поставим в школе.

– Нельзя, церковь отделена от государства.

На этом разговор был окончен. Крышу храма пришлось крыть тайком, особым образом, невидимым для окружающих. Отец Иоанн с помощником из Москвы вдвоем закрепили железо под старой кровлей.

Так по-монашески жил приходской храм Святой Троицы: молитва и труд, труд и молитва.

Мирствовал Троицкий приход, но не дремал и тоже усиленно трудился «враг мира». То, что отец Иоанн в отношениях с настоятелем воспринимал для себя как монашеский искус, давно раздражало некоторых москвичей. В них назревал протест. Тайно от отца Иоанна они написали архиерею письмо-жалобу на настоятеля. Владыка Николай вызвал отца Дорофея для объяснения. Тот вернулся из Рязани чернее тучи: «Я думал, ты мой друг! Я полностью доверился тебе, полюбил! А оказывается, я змею пригрел на своей груди!» – обрушил он упреки на голову ничего не понимающего батюшки.

Когда выяснилось, в чем дело, отец Иоанн был потрясен, а отец Дорофей, успокоившись, сказал: «Чтобы теперь и ноги твоих духовных чад здесь не было!» Отсылая провинившихся с прихода и на полгода отлучая их от общения с собой, отец Иоанн с горечью сказал: «Я два года любовью и заботой согревал отца Дорофея, а вы по неразумию и своеволию разрушили то, что мне удалось достичь большим душевным трудом».

Так враг через самых близких, через тех, кого отец Иоанн как духовник буквально носил на руках, воспитывая для Вечности, с кем трудился на благо Церкви с самого своего рукоположения, наносил сердцу его болезненные удары. Но и это было для отца Иоанна школой пастырства, для своевольниц же урок оказался врачеванием.

Этим искушением началось и открытое гонение на священников. Вскоре отца Дорофея отправили с прихода и даже из епархии с «вол-

чьим билетом», отобрав регистрацию. Он не смог обуздать своей горячности в общении с партийным жуликом.

Отец Иоанн получил указ о переводе чуть позднее. Последняя служба в Троице-Пеленице. Праздник Воздвижения Креста Господня. На аналое – Крест, украшенный ветками кустарника с мелкими снежно-белыми плодами. У аналоя в облачении стоит грустный отец Иоанн, помазывает своих, уже бывших, прихожан. Хор поет «Крест начертав Моисей...» Служба кончается. Отец Иоанн воздвизает над головой Крест Господень, с амвона благословляет народ. Это прощание! Медленно поворачивается, и Крест уже на престоле. Все происходит в полной тишине, у многих на глазах слезы.

Так Крестом Господним благословен его дальнейший путь в новую церковь, к новым людям, чтобы за два с половиной года и они стали ему родными. В сердце же своем он уносит с собой и молитвенную память о тех, кого оставляет. «Благословен Грядый во Имя Господне!»

1959–1962 годы оказались для отца Иоанна богатыми на страдания. Неслучайно, видно, Крестом проводили его на новое место служения. Обстановка в обществе стала крайне напряженной. Прозвучавшее с высокой государственной трибуны обещание показать россиянам последнего попа делало свое дело. Местные власти усердствовали в выполнении данного указания. Опять Церковь и священники воспринимались как враги, которых надо уничтожать. Началось планомерное закрытие храмов и монастырей по всей России. Страшное давление властей выливалось в грозные указы о запретах и прещениях. В борьбу с православием воинствующее безбожие снова вовлекло подрастающее поколение. Молодая энергия была направлена на разорение Церкви. Вокруг храмов во время службы начались шумные гулянья и игрища. То и дело бились оконные стекла. Посыпались угрозы и предупреждения о готовящейся физической расправе со священ-

Храм Космы и Дамиана в селе Летово

никами. И под всем этим разнузданным бесчинством горделиво стояла подпись государственной молодежной организации. «Честное комсомольское» не обещало Церкви и ее служителям никакой пощады. Верующая молодежь стояла перед выбором: сохранять веру или идти в ногу со временем ради будущих земных благ. Враг Божий опять вызвал из бездны древнее искушение: «Поклонись мне, и все блага мира и славу их дам тебе». Священники объявлялись «наемниками-требоисполнителями», отстраненными от жизни прихода.

Отец Иоанн пришел вторым священником в храм Космы и Дамиана. Как всегда внешне спокойный, он сразу же оказался пред непроницаемой стеной недоброжелательности отца настоятеля. Готовый на всякую жертву ради церковного мира, отец Иоанн отвечал ему доброжелательным послушанием. А это тоже раздражало.

Не изменил себе отец Иоанн даже тогда, когда прямо у престола перед выходом на полиелей настоятель толкнул его так, что полетела с головы камилавка. Через несколько минут оба они вышли из Царских врат, а батюшка сиял благодатью. Он извинял тяжелый характер собрата его ранним вдовством и тяжелой неизлечимой болезнью дочери-подростка. Он его жалел.

Но когда раздражение настоятеля перешло на духовных чад отца Иоанна, батюшка, как кокош, раскинул крылья, защищая своих птенцов.

Вспоминает Сусанна Валова: «Мы пошли на кладбище навестить могилки. Кладбище рядом с храмом. Подходим и слышим: за кустами и деревьями разговаривают отцы. Говорят напряженно и громко.

Село Летово. Протоиерей Иоанн Смирнов и иерей Иоанн Крестьянкин

Мы застыли, чтобы нас не обнаружили. Отца Иоанна Смирнова[51] мы боялись. Настоятель требовал, чтобы никто к отцу Иоанну нашему не ездил. Слышим батюшкин голос, твердый и решительный: «Отец Иоанн, если Вы запретите моим духовным чадам приезжать сюда, меня здесь не будет». Он повторил это несколько раз. Мы так перепугались, что почти ползком выбрались с кладбища и припустили домой».

Так продолжалось служение. А отец Иоанн, помня, что Христос знаменует Своих печатью страданий, покрывал любовью немощи всех, с кем привел его Господь служить, и оставался верен евангельскому слову: «Молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5:44).

В 1976 году, поздравляя отца Иоанна Смирнова, хиротонисанного во епископа, он писал:

«Все годы, прошедшие с тех пор, как разошлись наши жизненные пути, я вспоминал Вас в своих убогих молитвах, а в оставшиеся мои дни жизни буду молиться о Вас как архипастыре. Я также

Митрополит Вениамин (Федченков)

молюсь о здравии дщери Вашей и о упокоении усопших родителей». Таково свойство христианской любви: «Любовь долготерпит, милосердствует, все покрывает, все переносит...»

По-прежнему чада отца Иоанна заботились о храме: писали иконы, шили плащаницы. Надо было все успеть. Один Бог знал, сколько времени будут терпеть их на этом приходе.

Отец Иоанн, как и раньше, ездил по деревням. Но в это время уже вышел строжайший запрет на все требы на дому, кроме Причастия Святых Таин и соборования больного. И что стоило ему, служителю Божию, объяснять плачущим навзрыд просителям о безбожном запрете? Что пережил отец Иоанн с его любвеобильным и сострадательным сердцем?

Но были и в этот трудный период утешения у отца Иоанна. Летом 1960 года он совершил паломничество в Пюхтицкий[52] и в Псково-Печерский монастыри, утешался общением с духоносными старцами: блаженной монахиней Екатериной[53], валаамскими старцами[54], с отцом Алипием[55]. В день отъезда его пригласил к себе владыка Вениамин (Федченков)[56]. Он всегда радушно принимал отца Иоанна, но на сей раз, предчувствуя, что эта их встреча в земной жизни последняя, долго не отпускал его. Уже у двери, прощаясь, он опять медлил с расставанием. Вот и благословились, и расцеловались, но владыка вдруг ушел, оставив гостя в недоумении. Архиерей вернулся не скоро. В руках он держал узенькую полоску бумаги, на которой было что-то написано. Обняв отца Иоанна за плечи и глядя прямо в глаза, произнес:

«Пора нам всем понять, что ни являемся существенной ненужностью никому, кроме Бога».

Потом владыка бережно свернул полоску бумаги и вложил в руку отца Иоанна, еще раз истово благословил его и легонько подтолкнул к двери. Воспоминание об этой последней встрече и дарованную бумажку отец Иоанн хранил как ценность до конца своих дней. Слова же, написанные на ней, повторял часто многим посетителям.

В Летово постигло отца Иоанна еще одно серьезное испытание. Предыстория его началась еще в Орле в пору его юности. Однажды на улице его остановил незнакомый человек и резко произнес: «Юноша, тебя ожидает трагическая смерть от ножа. И произойдет это в домике недалеко от железной дороги». Ваня опешил от неожиданности, усилием воли отстранил неприятное впечатление от услышанного. В короткое время все забылось. И вот Летово. Ночью особенно слышны гудки паровозов и на горизонте видны огни движущихся вагонов. Дом, где жил батюшка, недалеко от железной дороги. Через сорок лет из памяти высветилась та орловская встреча. Беспокойное ожидание чего-то поселилось в сердце и усиливалось угрозами комсомольцев. Желая освободиться от навязчивого воспоминания, отец Иоанн исповедовал искушение близкому другу-священнику, прося молитв.

Но вот это «что-то» произошло. В глухую ночь с 31 декабря на 1 января 1961 года его за бороду стащили с кровати, связали и бросили в передний угол под большую икону Евангелиста Иоанна Богослова. Разодрав подрясник и тыча в голую грудь ножом, у него стали требовать ключи от храма и деньги. Да, предсказание, оказывается, было пророческим. Холод металла на груди свидетельствовал об этом без слов. Ни ключей, ни денег у него не было, и откупиться от смерти бы-

ло нечем. Время для него остановилось. В мгновение ока промелькнула прожитая жизнь. Уйдя всецело в молитву, он стал читать себе отходную. Он не слышал, как стих погром, как исчезли зловещие звуки присутствия в келье разбойных людей.

Отец Иоанн вернулся в реальность земного бытия, только когда стали распутывать провод, которым он был связан. Что отвратило смерть? Это осталось тайной. Ясно было только то, что Промысл Божий властен и над пророчествами.

Разбойников нашли где-то далеко и не скоро, когда отец Иоанн был уже в монастыре. Один из них все это время жил по его паспорту.

Летовский приход по тем суровым временам все же жил очень активной жизнью. Появилось много молодежи, добиравшейся из Рязани, таясь от встречных. Исповедь и разговоры о насущном приходилось устраивать то в поле, то в лесочке. Люди тянулись к храму, не зная ни страха, ни уныния, ни ропота. Бог был уже не где-то рядом, но в их душах, свидетельствуя о Своем присутствии силой жизни.

Из воспоминаний монахини Марии. Мариюшка, так звал ее батюшка, тогда еще молоденькая девушка, оказалась на Летовском приходе в 1959 году. «У нас в Коломне все храмы были разрушены. Один-единственный храм, Богоявленский, не вмещал всех желающих молиться. Старушка Васса из города Луховиц стала ездить на богомолье в Летово и нам как-то говорит: «И что вы здесь так мучаетесь, руки не поднять, чтобы перекреститься. В Летово такие хорошие службы и два батюшки – Иван-большой и Иван-маленький». Поехали мы посмотреть. Стекла в церкви перебиты, престолы покрыты марлей, а батюшка отец Иоанн Крестьянкин сам с тарелкой ходит. Мы очень удивились, но когда службу отстояли, забыли о смущении. С тех пор и стали прихожанами Летовского храма. И многие из Коломны приезжали на службы в Летово. Матушка Платонида, вернувшаяся из ссылки, ча-

стенько в духовном восторге причитала: «Ох, какая у нас радость! Какие службы, какие батюшки! Они у нас праздничные!» Действительно, каждая служба была праздником, животворящим душу. Службы были долгие, но мы этого не замечали.

Приедем в 7 утра, а батюшка уже проскомидию совершает. Только и слышно его голос, такой проникновенный: «Помяни, Господи, рабов Твоих... Спаси, Господи, рабов Твоих...» Литургия-то начиналась в 9 часов. Проповеди. Исповедь. Людей полон храм.

Как-то приехала я с подругой, она модненькая, ну и я прихорошилась. Подзывает меня батюшка: «Мариюшка, ты что-то сегодня так нарядилась? Тебе это не идет. Подруга-то твоя выйдет замуж, а мы с тобой нет. Ты одевайся так, – улыбается, – один валенок белый, а другой черный, чтобы на нас не заглядывались. Ты должна быть одна». Так и стала я монахиней. Одна с Господом.

А другую мою подругу подвел отец Иоанн к Распятию: «Вот видишь Христа на Кресте? А рядом с Ним Матерь Его и Иоанн Богослов. Так вот и мы с тобой. Господь с нами, и никого другого нам не надо». Она тоже замуж не пошла, умерла в девстве.

А как храм-то преобразился, мы и не заметили! Одежды на престоле, пелены, аналои – все праздничное. Сердце радовалось всему».

Из воспоминаний Нины Варницкой: «В хрущевские годы, когда храмы закрывали, я была в монастыре[57]. Ну и наш монастырь разогнали. Наша игуменья матушка Арсения благословила нас вдвоем с инокиней Марией[58] ехать в Летово. Провели Страстную седмицу. После Радоницы подошли благословиться на отъезд к отцу Иоанну. А он спрашивает:

– А вам здесь нравится?

– Очень! – выдохнули мы обе разом.

– Аминь, аминь. В Летово вам и оставаться!

Помог он нам с жильем. Я стала управлять хором, Мария пела и читала вместе с отцом Иоанном каноны. А он еще канонаршил. Так у нас монашеский хор собрался. Еще монастырские сестры подъехали. Опять вроде монастырек негласный открылся. Да с таким духовником и в такое время! Монашеский дух в миру хранили. Среди людской толчеи монахами жили. Службы были особенные, все как пасхальные. Душа исполнялась радостью и сладостью. И этого состояния хватало на целую неделю. Паломников приезжало много из Москвы и ее окрестностей, из Питера и из Рязани».

В это же время из уст отца Иоанна впервые прозвучала весть о грядущих в конце XX века в России событиях. Вспоминает об этом Мария Ермолаева, летовская прихожанка из Рязани: «В юности я дружила с молодым человеком. Он приехал из Азербайджана и был мусульманином. Ни он, ни я не придавали никакого значения разнице наших верований. А мама моя заволновалась и поехала за советом к батюшке. И он вдруг сказал: «Придет такое время, когда все страны будут сами по себе, Союз распадется. И Машенька захочет остаться жить в России, а муж будет стремиться на свою родину. Пусть она об этом подумает». От такой неожиданности мне и думать не понадобилось – как это я из Рязани родной уеду?!»

«Не может град укрытися верху горы стояй...» И очередной указ о переводе иерея Иоанна последовал.

Новый приход отца Иоанна оказался в 40 километрах от железной дороги. Распутица же на сельских грунтовых дорогах прекращалась только с наступлением заморозков. Среди лета добираться до храма отцу Иоанну пришлось на телеге, на которой стоял крытый, кое-как сколоченный кузов. Путник то поспешал вслед за лошадкой, то забирался наверх кузова, чтобы миновать непроходимый участок. На этом кузове батюшка и въехал в село.

Село Борец. Храм Воскресения Христова

Собор с высоченной колокольней и огромным куполом поразил отца Иоанна своими размерами. Но, разоренный в революцию, он пустовал, действовал лишь один правый придел. Огромные итальянские окна, во многих местах побитые, устрашали будущими холодами. Даже беглый осмотр храма, требующего ремонта, обещал священнику тяжкий и прискорбный труд. Усилило это первое впечатление и знакомство с властями. Очевидно, извещенные о приезде нового священника и получившие соответствующие установки, они сразу предупредили, чтобы посторонних в церкви не было и к попу никто не приезжал. Староста тоже встретил нового настоятеля своеобразно: вошел, поставил на стол бутылку водки, рядом бросил петуха.

Церковный дом, где поселился отец Иоанн, был настолько ветхим, что от ветра шелестели отставшие от стен обои, а под ними шла активная жизнь мышей и всякой другой живности. Когда отец Иоанн немного обжился, да и верующие к нему присмотрелись, они попытались найти ему более пристойное жилье, но он отказался, помня на-

ставление Спасителя: «Если где войдете в дом, оставайтесь в нем, доколе не выйдете из того места» (Мк. 6:10).

Храм стоял на площади, которую батюшка назвал «Красной». Кроме храма на ней расположились и административные здания: сельсовет, правление колхоза и милиция. Церковь и вход в нее – как на ладони.

Без средств, без помощников, один на один с почти разоренной громадой здания – было о чем подумать. Недолго мысль его блуждала в соображениях человеческих, производящих одно смущение. Священник дерзновенно позвал на помощь Спасителя Воскресшего. И храм, стоящий на юру под пристальным недоброжелательным наблюдением, все же ожил. Появился второй придел, его украсил незамысловатый самодельный иконостас, спроектированный и созданный руками отца Иоанна. Вдвоем с помощником они смастерили раму для алтарной преграды и натянули на нее ситец. Когда отец Иоанн не мог справиться с работой один, то на помощь приезжал верный человек. Москвич преображался в деревенского мужика, что забрел в храм ради любопытства. Так появились Царские врата и боковые алтарные двери. Долго мужичок не задерживался, работал споро, прячась от властей с «Красной площади». В храме был освящен второй престол. Одним словом, глаза страшатся, а руки делают.

Наступившая зима обозначила такие трудности, бороться с которыми ни возможности, ни сил не было. Храм-дворец промерзал насквозь. Стеклянная перегородка, отделявшая летнее помещение от зимнего, не спасала. Периодически разбиваемые стекла не успевали вставлять, и по храму гуляли сквозняки. Было так холодно, что крест при целовании прилипал к губам и замерзала вода.

Но этот физический холод не шел ни в какое сравнение с лагерным духовным холодом, и отец Иоанн пытался сопротивляться молитвой.

Первую зиму он как-то еще пережил, она была помягче. На вторую – покрылся фурункулами, они прошли только с наступлением тепла, но на лице еще долго оставались от них шрамы. Холод в храме и почти такой же холод дома: стены кельи отца Иоанна зимой обрастали инеем.

Чем бы кончилось это единоборство человека с обстоятельствами и с природой, догадаться нетрудно. Но у Промысла Божия свои планы, часто недоступные пониманию человека. Только две зимы испытывались терпение и верность батюшки.

Храм свт. Николая в Некрасовке

Новый указ о переводе был для него милостью Божией и помощью.

Отец Иоанн учился видеть в делах человеческих невидимое, что уводило его от пустой суеты мира все дальше и выше.

Очередной приход был полной противоположностью прежнего. Районное начальство пожелало лично познакомиться с приехавшим новым священником. Испытующе глядя, его напутствовали такими словами: «Вот что, батюшка! Храм в Некрасовке существовал и будет существовать. Вы должны его хранить и быть на высоте своего положения».

Этот наказ о многом сказал отцу Иоанну. Священники долго не задерживались на этом приходе, начинали томиться, тосковать и искать утешений в вине. По тем временам Некрасовка была настоящим медвежьим углом. Добираться до нее даже летом было крайне трудно. 260 километров по железной дороге и 60 по грунтовой, немыслимо разбитой. Когда сходило весеннее половодье, от Рязани до Ермиши можно было долететь за час. Но час этот стоил дорогого: после путешествия на «ку-

курузнике» долго надо было приходить в чувство. Да и летал он не всегда, и мест в нем было всего восемь. Весной в половодье, осенью в распутицу, зимой в снежные бури край был полностью отрезан от мира.

На этом приходе у святителя Николая отец Иоанн был один – настоятель, хозяин. В церкви сразу воцарились мир, любовь, молитва и тишина. Храмик был деревянный и очень уютный, без электрического освещения. Отец Иоанн с головой погрузился в приходские дела. Его свободу и вдохновение никто не ограничивал. «Живешь долго, а побеседовать никак не получается, так он был занят, – вспоминает Сусанна Валова, – добираться трудно, но если доберешься, попадаешь в рай батюшкиных молитв, любви и добра».

О служении отца Иоанна в Некрасовке вспоминает жительница Ермиши Клавдия Енгалычева: «Шел 1964 год. Церковь в Некрасовке была на грани закрытия. Даже свечи для храма не на что было купить. Стали мы просить священника. Нам хотелось именно отца Иоанна Крестьянкина, о нем мы были наслышаны. Владыку кое-как уговорили, а уполномоченный регистрации не давал. В Борце-то строго, да и храм каменный – не натопить. Только там и место отцу Иоанну. Три месяца сопротивлялся уполномоченный, но все же уступил владыке.

Отец Иоанн приехал, дел-то в церкви непочатый край. Начался ремонт, требовался всякий материал. Доставали на месте, ездили в Ермишь за кирпичами, железом, олифой. Хозяин мой давал лошадку. Возили ночью, чтобы никто не видел. Закрывали церковь на замок, когда там работали.

Власти на словах-то хорошо встретили, а как на деле будет – неизвестно. Побаивались мы.

Ходил отец Иоанн и в Ермишь на требы. Пешком 10 километров, а в полую воду там много оврагов, так приходилось ему по ледяной воде босиком переходить.

Да всего-то один год и восемь месяцев длился наш праздник. Слез мы по нему пролили – не измерить!»

«По мере передвижения батюшки по Рязанщине, – рассказывает Сусанна Валова, – его духовная семья все разрасталась. Вот однажды сидим за столом. Открывается дверь, и на пороге древняя-предревняя старушка из Летовского прихода. Стоит и счастливо улыбается беззубым ртом. Батюшка ей:

– Да как же ты добралась-то?

– На шамолете, батюшка, на шамолете.

Вот так любили отца Иоанна, что в 90 лет на «шамолете» до него долетали!» Из Рязани к нему ездило много молодежи. «После трудового дня беседовали с батюшкой, сидя на больших бревнах около его домика под звездным августовским небом, – вспоминает иконописец Надежда Мизгирева[59]. – Отец Иоанн устраивал нам экскурсии по небу. Он, оказывается, хорошо знал астрономию. А сколько драгоценных назиданий получено от него в то далекое время – на всю жизнь хватает! А какие службы, праздники! Каждый с любовью подготовленный и молитвенно проведенный».

Священник со своими приезжими духовными чадами и местные прихожане и здесь самоотверженно трудились во славу Божию. Как и во всех сельских храмах, в которых послужил отец Иоанн, в Некрасовке появились плащаницы. И впервые услышали люди этого глухого края полные службы Страстной седмицы и чин Погребения Спасителя и Матери Божией.

Дамиан Круглик[60] прилетел в Некрасовку со своей невестой, приурочив приезд к празднику Успения. Все на приходе его поразило. Он впервые присутствовал на службе Погребения. Все торжественно и проникнуто благоговением, батюшкиным служением и пением небольшого хора. Дамиан оканчивал учебу в Духовной академии и хотел решить

На Святой горке с отцом Дамианом Кругликом, 1972 г.

с отцом Иоанном вопрос о своем будущем. «Учиться в аспирантуре батюшка мне не благословил, – вспоминает теперь уже протоиерей Дамиан, – на приходах всех епархий нужны священники». «Жатвы много, а делателей мало, как же хорошо служить Богу и нашему русскому православному народу!» – напутствовал меня отец Иоанн при отъезде. Возвращаясь, я вспомнил слова владыки Антония Сурожского: «Достаточно увидеть на лице человека сияние вечной жизни, чтобы все могло измениться». Это сияние я и увидел в лике и делах приходского сельского священника отца Иоанна Крестьянкина. Впервые я встретил идеального священника, такого, каким должен быть каждый из нас. Меня, студента академии, отец Иоанн оживотворил своей молитвой. В дороге я предался размышлениям, как бы хорошо каждому студенту поучиться практической жизни – за богослужением, в домашней обстановке, в отношении с прихожанами и певчими; проповедничеству, горению духа, ревности и любви – у отца Иоанна. И дал мне Бог на все время, пока отец Иоанн был жив, все серьезные проблемы решать с молитвенного благословения и советами батюшки».

Свою поездку на праздник Успения Божией Матери вспоминает доктор Алевтина Мизгирева[61], в ту пору студентка: «От Рязани до Ермиши летели на самолете, а до Некрасовки еще 8 километров добирались на лошадке. Мы везли корзину цветов к празднику. В храме вокруг плащаницы поставили белые гладиолусы по паре, и двенадцать лампад звездочками замерцали среди зелени. Богомольцев собралось множество: местные и из дальних деревень. Удивили дети. Их было так много, и все они с цветами и свечами. Отец Иоанн поставил их вокруг плащаницы. Еще до начала службы в храме чувствовалась атмосфера праздника. Сама служба прошла на одном дыхании, люди не хотели расходиться. Слышу разговоры: «Такой службы не помним, на небесах были!» Храм опустел, погашены все лампады, кроме двенадцати вокруг плащаницы. И дал мне Бог увидеть продолжение молитвенного предстояния отца Иоанна. Нас, четверых приезжих девушек, он оставил в маленькой комнатке при храме. За полночь мне захотелось пойти к плащанице, но я тут же тихонько вернулась. Перед плащаницей в слабом свете лампад на коленях стоял и молился отец Иоанн. На рассвете он позвал и нас помолиться вместе. Из храма мы вышли, когда занималась заря».

Свою встречу с отцом Иоанном в Некрасовке вспоминает Савелий Ямщиков[62]: «В 1964 году мы работали в экспедиции в Рязанской области, ставили на учет уникальные иконы, находящиеся в действующих церквях. Идиллическая картина открылась нашему взору, когда мы приехали в деревню Некрасовка Ермишского района. Красивая деревенька, посередине пруд, а рядом стоит свежепокрашенная деревянная церковка XIX века.

Навстречу нам из храма удивительно легкой походкой не шел, а как будто парил в воздухе священник. Его вид нас поразил. Доброжелательная улыбка, искрящиеся любовью глаза встречали не чужих не-

Савелий Ялищиков

знакомых людей, но близких и дорогих родных. Когда я рассказал о наших научных задачах, отец Иоанн активно включился в беседу. Сказал, что рад нас видеть, и привел благородный пример Новгородского митрополита Арсения (Стадницкого)[63], собиравшего иконы и помогавшего устроить Новгородский историко-церковный археологический музей. Рассказывая о том, что и сам он собирал иконы из закрывающихся молельных домов и подлежащих разрушению церквей, он ввел нас в храм.

Переступив порог церкви, мы замерли. Устоявшийся запах восковых свечей и ладана дохнул на нас живой благодатной силой. Основной иконостас был церкви родным. Зато на стенах висело около семи десятков икон, спасенных священником. Отец Иоанн радовался, что иконы будут поставлены на учет и не пропадут.

Мы провели в Некрасовке три удивительных, незабываемых дня. Осведомленность и просвещенность сельского батюшки нас удивила. Мы встретили священника высочайшей духовной наполненности и преданности Богу и Церкви.

Вместо настороженно формального общения, как это бывало часто, мы получили тепло дружеских бесед. Для нас, тогда еще совсем молодых, сама встреча с отцом Иоанном стала редчайшей находкой и важным событием в жизни».

Но и на сей раз духовное подкрепление среди напряженных трудов было дано отцу Иоанну ненадолго.

Снова перевод. Иди туда, куда ведет Господь. Теперь это городской приход – Никольский храм в граде Касимове[64]. В городском храме

прощай свобода, снова узы, снова борьба за выживание.

Храм свт. Николая в городе Касимове

«Перевода в городской храм отец Иоанн страшился, – рассказывает отец Владимир Правдолюбов[65]. – Истощенный физически от непосильных трудов, он хорошо знал, какие трудности ждут его там. В это время была от властей установка: не давать разрешения на рукоположение новых священников. А старые-то, их было большинство, умирали, и скоро служить будет некому. Когда я начинал, то был четвертым, потом стал третьим – и последним, потом вторым – и последним. Ко времени перевода отца Иоанна я остался первым – последним. От этой беды избавил наш храм отец Иоанн своим согласием. Да не очень-то и спрашивали его желания. Церковь святителя Николая в Касимове была единственной на весь город и его округу. Дел много.

Отношения с уполномоченным были у нас трудными. Да и староста наша к священникам жестоко относилась. По слову архиерея, она на священников смотрела гордым оком, а на церковный ящик несытым сердцем. Но с приходом отца Иоанна староста изменилась совершенно. В Касимове за ним шла слава, что он – батюшка «провидущий».

Стал отец Иоанн Крестьянкин настоятелем Никольской церкви. Храм был запущен, власти и староста активно осуществляли заданную программу: черные потолки, грязные иконостасы, отопление печное, все закоптело. Опять новому настоятелю тяжким трудом и напряжением всех сил душевных и телесных предлежало сломить противоборство начальствующих.

Сергей Правдолюбов

Отцу Иоанну было не привыкать начинать свое служение с благоустройства храма. С этого же начиналась и приходская жизнь. Общий труд и молитвы делали свое дело, сплачивая людей.

Вспоминает отец Сергий Правдолюбов[66], тогда шестнадцатилетний юноша: «Приезд в Касимов отца Иоанна стал особенным событием в жизни города и ближайших к нему сел. Все пришло в движение и неустанную деятельность. Во всем был какой-то подъем и горение духа. Из обрывочных записей моего дневника видно: то и дело мы, все бросая, отправлялись в Касимов. Стояли на службе отца Иоанна. Спали все на полу в доме бабушки, чтобы утром быть на службе здесь же». Он же рассказывает о первом впечатлении от нового настоятеля: «Мы стоим с отцом (протоиереем Анатолием)[67] и его братом, отцом Владимиром, ждем автобуса. Отцы прохаживаются, шурша прошлогодней листвой. Тема разговора – новый настоятель в Касимове, как все у него необычно. Не в прелести ли он? А какие признаки прелести? Спокойно, не торопясь, вдумчиво рассуждают. Позднее отец Анатолий всем сердцем принял отца Иоанна. Полюбил его. Избрал его в духовные руководители, признал в нем подлинного старца, хотя отец Иоанн никогда себя старцем не называл».

«В Касимове попасть к отцу Иоанну было еще труднее, – рассказывает Сусанна Валова. – Из-за явной слежки за ним приезд для чад был строго ограничен. Отец Иоанн сразу взялся за дело. Опять леса, опять забинтованные рукава подрясника и круглосуточная уборка храма. Даже регламент такой дома был: за трапезой никаких разгово-

Отец Иоанн с отцом Владимиром (слева) и отцом Анатолием Правдолюбовыми (справа)

ров, поели – и снова в храм, на леса. На просьбу поисповедовать батюшка отвечает: «Только вечером». И принимает исповедь, стоя на коленях, – ноги уже не держат».

«Отец Иоанн обновил храм внутри и снаружи. Летовские монахини пошили облачения недостающих цветов – эти облачения и по сей день называют Иоанновскими. К плащанице его духовные дети привозили из Москвы живые цветы. С тех пор и поныне этот обычай живет в церквах Касимова.

По молитве и благословению отца Иоанна и невозможное начинало осуществляться. Наглядный тому пример. В храме не на месте стояла чтимая икона Казанской Божией Матери. Но о том, чтобы ее передвинуть, нельзя было и помыслить. До приезда отца Иоанна настоятели пытались это сделать, но, кроме расстройства и нарушения мирных отношений, ничего не добились. Старые монахини воспринимали эти попытки как оскорбление святыни. Отец Иоанн, молча проходя мимо иконы, стал ее по сантиметру сдвигать. К концу его служе-

ния в Касимове икона стояла уже на новом месте, и на это никто, в том числе и монахини, не обратили внимания.

Несмотря на то что отец Иоанн знал уже тяготы неволи, в Касимове он действовал и говорил проповеди без страха и без оглядки на власть. Помню его грозные проповеди о безбожниках: «Ладонью солнце хотят закрыть, веру похоронить! Но она-то жива и будет жить, а тех, кто против нее, уже хоронят!» – вспоминает отец Владимир Правдолюбов.

«Только год, ровно год потерпели отца Иоанна на городском приходе. Не только храм успел облагородить отец Иоанн. Его доброе, сердечное отношение к людям, его искренняя вера были той живой проповедью, которая красноречивее слов привлекала многих к Церкви. Последнюю литургию отец Иоанн служил в Касимове на Сретение. Храм был переполнен, – вспоминает Соня Правдолюбова[68]. – Отец Владимир вышел на правый клирос петь концерт и говорит мне: «Посмотри, храм плачет». И у самого слезы на глазах. На другой день, в день отъезда, опять пришел отец Иоанн проститься с храмом. Помолился, приложился к праздничной иконе и благословил ею на все стороны Касимов». Утешая остающихся, он говорил: «Я вам дорожку топчу в Псково-Печерский монастырь».

Безропотно шел отец Иоанн по пути странника. А посылали его на самые трудные, угасающие приходы с надеждой, не угаснет ли и он вместе с ними. Он трудился, дорожа временем и обстоятельствами жизни, даваемыми ему Богом для спасения. Когда кто-то начинал говорить о его духовности, он решительно прерывал разговор: «Какая такая духовность? Одну греховность вижу. С ней-то никак не разберемся!»

Изредка в разговорах все же высвечивались тайны его сердца. С глубоким смирением он говорил про себя:

«Я как телеграфный столб – сигналы передаю, а сам остаюсь ни с чем. И сколько просишь я крыши над головой, но, видно, пока не время уособиться от людей».

Где-то глубоко под спудом в душе его жила печаль по оживляющей все духовной силе. Он уже передавал Божии повеления, сам же не простирался думами и трудами дальше завтрашнего дня. «Если живы будем и Бог благословит, сделаем то-то и то-то».

Частенько в это время в его пастырских беседах звучала притча о том, как задали мудрецу три вопроса: какое самое важное время в жизни, какой самый значительный человек в твоей жизни, какой поступок важнее всего совершить? (Ответы на эти вопросы отец Иоанн произносил с таким вдохновением, что они оставались в сердце слушателя во всем богатстве их смысла и чувств, с какими говорились. Они становились достоянием еще одного сердца.) «Самое важное время в жизни, – отвечал мудрец, – это настоящее мгновение, потому что прошлое минуло, а будущее еще не настало. Самый значительный человек в твоей жизни – это тот, кто сейчас пред тобой и которому ты можешь сделать или добро, или зло. Самое важное дело – в это самое мгновение дать человеку, который перед тобой, все, что может быть ему дано». Так батюшка жил сам и к этому призывал своих чад.

Истощенный трудами страннической жизни, как бы ни было ему тяжело, отец Иоанн ежегодно ехал повидаться со своим духовным отцом – старцем Серафимом, нашедшим приют после закрытия Глинской пустыни в Сухуми. Отец Иоанн укреплялся обилием Божией благодати от отца, слыша от него слово воли Божией о себе.

После служения в селе Борец отец Иоанн начал побаливать, в Касимове болел уже тяжело. Отслужив полгода на новом приходе, он

приехал к старцу в таком состоянии, что тот засомневался в его жизнеспособности.

Оживленные радостью встречи, они поверяли друг другу сокровенное. И тут отец Иоанн вдруг услышал слова, сказанные без связи с предыдущим разговором. Старец отвечал на какую-то свою мысль: «Сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Немного помолчав, отец Серафим решительно обратился к нему: «Отче, не торопитесь умирать в своем произволении. Предадим Вас и срок Вашего земного странствия постригом в волю Божию». Так совершенно неожиданно пришло к отцу Иоанну то, к чему он стремился с отрочества. Сейчас же он о монашестве не думал, по его состоянию ему ближе были думы о смерти и ее вечном покое. В сознании промелькнул весь жизненный путь и отметились моменты зримого Божия касания в нем.

Первое благословение на монашество в отрочестве. Монашество манило и звало его, мучило и радовало, но ускользало в тот момент, когда постриг должен был совершиться. Полгода он жил насельником Троице-Сергиевой Лавры, две недели пробыл в Псково-Печерском монастыре с указом о водворении в него.

Но, по неисповедимым судьбам Божиим, Промысл властно вторгался в намеченный ему людьми путь. И неведомое «завтра» вело его дальше, в обетованную землю, сквозь мрак и трудности жизни к свету богопознания.

После первого зова к монашеству отец Иоанн оказался в лагерном «затворе», после второго для него определился путь странничества. Теперь третье – «Любиши ли Мя», изреченное Господом устами духовного отца, – ждало ответа.

Отец Иоанн всем существом ощутил Божие присутствие здесь и сейчас. В смятении ответил: «Ей, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя. Ты видишь, что я люблю Тебя. Но немощь моя, понесет ли она

теперь монашеские труды? Яви, Господи, Сам обо мне Твою святую волю».

И постриг состоялся. 10 июля, в день Сампсона Странноприимца, в келье старца отверзлись отцу Иоанну объятия Отчи. Вдвоем в дерзновенной молитве они предстали Богу. Мантия старца-отца покрыла духовного сына. Монашеские обеты, столько лет вынашиваемые сердцем, были произнесены «в слух Господа». Апостол Любви Иоанн Богослов принял от преподобного Иоанна Пустынника народившегося монаха.

Схиархимандрит Серафим (Романцов)

Молитвой старца и милостью Божией новопостриженный несколько окреп. Провожая его в обратный путь, отец Серафим вручил ему письмо для Святейшего, в котором испрашивал прощение за самочинный постриг – ради смертного случая. Отцу Иоанну он порекомендовал приложить к этому письму прошение от себя благословить его на труды и жительство в монастыре. По мысли старца вручить это надо было лично. Встреча со Святейшим состоялась. Указ, подписанный Патриархом Алексием, определил дальнейший период жизни отца Иоанна (Крестьянкина) – быть ему, Божию послушнику, иноком монастырским.

Когда Бог принял иноческие обеты Своего послушника? То ли когда детские уста лепетали первые, еще бессмысленные слова о будущем монашестве, то ли когда в сердце затеплилось еще невысказанное, но уже осмысленное желание безраздельно служить Богу, то ли когда, возмужавший в служении у престола, он явил веру, верность и любовь в своем избрании? Да важно ли, когда? Бог провел его иноком по жизни 50 лет, послушническими искушениями воспитывая в нем монаха.

Божией помощью и силой благодати отец Иоанн противостоял бореniям видимым и невидимым не день, не месяц, но годы. Многие годы.

Он не изнемог в надежде, хотя истощился в этой борьбе и трудах физически до последнего предела, возрастая живой верой до полной покорности Богу. С чем входил иеромонах Иоанн (Крестьянкин) в монастырские ворота? Что собрал он на том поле, которое возделывал полстолетия?

Оставив в прошлом все пережитое и даже попрощавшись с духовными детьми, он мнил умереть для мира: «Я буду монахом, буду в келье находиться, потому такого близкого общения, как на приходе, не будет», – сказал он чадам на прощание. Отцу Иоанну снова открылась чистая страница, на которой будет писаться пока неведомая ему, новая, теперь уже монашеская, жизнь.

А указание о будущем монашеском делании отец Иоанн получил ранее, но этого не понял. За год до пострига он был озадачен видением. Он увидел монашескую келью и ангела в ней, который сладкозвучно произнес: «Всю жизнь будешь мотаться». Видение это он воспринял как указание на продолжение странничества на всю оставшуюся жизнь. Истинный же смысл сказанных слов прояснился лишь самой жизнью в монастыре. И монашеский его путь был начертан перстом Божиим, как и ранее жизненный путь в миру. В житнице же своего сердца он нес сокровище живой веры – Боговедения.

В превратностях прожитого он понял, что только Промысл Божий и воля Божия имеют реальную свободу и силу жизни. На каждом этапе своего жизненного пути он ощущал эту невидимую руководящую Божественную силу. И к нему пришло безропотное желание предать себя Божественной воле. Какие бы неожиданности ни предложили ему внешние обстоятельства, он не смутится, не содрогнется, не изнеможет в вере и доверии Богу, но скажет:

«Промысл Божий прав всегда. И если он попускает нам испытать горечь современной жизни, то это при несомненном доверии Богу есть единственный спасительный путь для нас. Миром правит Бог, только Бог, и никто другой! Таков Богу изволился. Будь имя Господне благословенно отныне и довеку».

И еще одно сокровище обрел он на этом тернистом поле – Любовь. Бога он полюбил до самозабвения. К Небесному Отцу обращена была вся сила жизни, каждый шаг, каждый вздох. Отсюда явились благоговение и осторожность и одновременно порывистость на дела любви. Христовы слова «Кто любит Меня, заповеди Мои соблюдет... и Я возлюблю его и являюсь ему Сам» навсегда запечатлелись в душе отца Иоанна. Принял отец Иоанн в свое сердце великий и страшный закон жизни: «Умереть для греха, чтобы жить для Бога».

Инок Божий, он полвека прожил в миру свободным от общепринятых в нем норм. Постепенно, не сразу, он вышел произволением из мира. Мирские искушения и соблазны, как репей, цеплялись к нему на протяжении всего московского периода. Духовно не возделываемое поле российской жизни к этому времени успело зарасти таким бурьяном и чертополохом, что пройти по нему, не поранившись, было невозможно. Да и молодость, не огражденная опытом, доставляла немалые неприятности. И получал раны, и страдал. Но произволение его не было ни холодным, ни колеблющимся. «В этой борьбе надо стоять насмерть», – скажет он позднее.

Так в нем рождался навык к самоукорению, который к концу жизни буквально стал его тенью. Освещаемый Солнцем Правды, отец Иоанн легко наблюдал за своей тенью. Как он каялся, было его тайной. Самоукорение же то и дело шепотом или вслух проры-

В молитвенном уединении

валось наружу, выдавая ту работу, которая в нем совершалась.

Пройдя путь ученичества в строгой богоборческой школе с самого начала, он, как прилежный ученик, станет в свое время и хорошим учителем: «А погрешности, малые и большие, у кого же их нет? Кто свободен от человеческой немощи и от набегов врага, когда мутится сознание? Но бури проходят, и опять согревается человек в тепле Божественной Любви. И так, можно сказать, всю жизнь: падения и восстания, спотыкания и выравнивания. Почему так попустил Господь? Не потому ли, что Он пришел спасать не праведников, а грешников, от них же первый есмь аз».

Мир не мог простить дерзости восстающему против его диктата. Он начал гнать отца Иоанна и гнал без устали, желая сломить или уничтожить. Злоба вражия через людей не раз подступала к нему со смертными страхованиями, пока не истощилась от его готовности безропотно, вот тут же, и умереть.

Вспоминая прошлое мирской жизни, отец Иоанн не раз говорил: «Уж чего я только не видел! Чего только не претерпел! Все, всякие грехи к сердцу прилагались, но душа осталась чиста. Совесть чиста. Как зато теперь хорошо. Если бы вы знали, как хорошо про все это вспоминать и знать, что я совесть сохранил. От этого на сердце легко и радостно». Так формировался в нем инок Божий. Правда Божия и правда человеческая в неустанной борьбе за его душу постоянно стояли рядом. И скольким нынешним правдоискателям помог опыт отца Иоанна в борьбе за правду Божию.

Живо воскресает в памяти ответ отца Иоанна по поводу священника, имеющего несчастье выполнять поручения органов в отношении его. Отец Иоанн стал живо искать этому «подсудимому» облегчающие вину обстоятельства. И человек-то он хороший, и семейный, и деткам-то кормилец, и всякое другое. Но закончил свою «оправдательную речь» неожиданно: «А ты сам-то знаешь ли, как поведешь себя, когда к тебе приступят с угрозами? Да еще не тебе угрожать будут, но детям твоим».

Правда Божия в нем попирала человеческую правду. Подумать было о чем. Истинное формирование монаха в отце Иоанне началось не от желания подвига и даже не от вожделения духовного совершенства. Его детская любовь к Богу, взрослея, не растеклась на влекущее богатство познаваемого мира, но изумилась безграничному Божию явлению в нем. И любовь стала искать во всем следы Божии, сознательно и сильно отметая от себя все, в чем не чувствовала Бога.

В первую очередь от этого искания пострадал грех. Смрад его побуждал отца Иоанна на всякого рода уловки, чтобы не омрачать сердца, дышащего одной любовью. Так вошел в жизнь его подвиг. А с ним не замедлила явиться и помощь Божия, и научение.

«Господь, только Господь привел меня в заключение, чтобы показать глубину падения человека, принявшего в себя пророков дрязг», –

скажет позднее батюшка. Отец Иоанн увидел устрашающую картину – ад здесь, на земле. Увидел и заплакал о человеке непрестанным плачем. Его глаза, по свидетельству соузников, излучали любовь и сострадание, а что делалось в сердце, видел только Бог.

Вмененный Самим Господом со беззаконными, отец Иоанн не отчуждался от общей чаши греха и страдания за него. И принес ко Кре-

сту, с которого светила на мир правда Божия, боль сердца за себя, за всех и за вся. И эта болезнь не диагностировалась, только молитва несколько облегчала боль. Молился он сердцем.

Именно страдание за поруганный в человеке до последнего предела образ Божий породило в нем Иисусову молитву. Пять лет стоял он у Креста, врачуя плачем душу. Господь взращивал в нем монаха.

Послушание же, нестяжание и целомудрие были данью обстоятельствам жизни, а наипаче – даром любви Богу. И если послушание обстоятельствам порождало тугу и горечь, то послушание Богу и Его Промыслу, принимаемое безропотно и сознательно, примирялось с испытующими обстоятельствами. На смену туге приходило благодушие, а иногда и духовное утешение и обвеселение.

Двенадцать лет странничества отец Иоанн водился живой верой и непостижимым чувством сердца – призванием – «тако Богу изволися». Будучи на приходах, он, при всей своей занятости, умудрялся много читать святоотеческих книг, осмысливая их учение для обстоятельств нашего времени. Он выписывал то, что находил для себя важным. В особой папке хранились эти сокровища.

Вот одно из них: «По слову аввы Иоанна Лествичника, иное есть Промысл Божий, иное – Божия помощь, иное – хранение, иное – милость.

Промысл Божий простирается на всякую тварь.

Помощь Божия подается только верным.

Хранение Божие бывает над такими верными, которые поистине верны.

Рядом приписка рукой отца Иоанна:

«Верна всегда, верна во всем! Верна даже до смерти!!! Милости Господней сподобляются работающие

Богу, а утешение дается от Бога любящим Его».

Духовная беседа с протоиереем Сергием Правдолюбовым

Трудная дорога жизни пролегла для отца Иоанна. В отрочестве выросший в любви и тогда же давший залог своей любви Богу, он, казалось бы, превратностью обстоятельств попал в замкнутый на себе холодный мир эгоизма, где не помнили Бога. Позднее он это осмыслил как ответную любовь Бога, чтобы и его человеческая любовь расширилась, разгорелась и смогла согревать замерзающий в нелюбви мир.

И Господь достиг цели: 20 лет прожив среди людей, отец Иоанн получил дар просвещения и уже зрел в человеке не его суетливость и мелочность ничтожных интересов, не борьбу самолюбия и тщеславия, но всматривался в волю Божию об этом человеке и видел его душу, в какой мере она способна откликнуться на зов Господа.

22-летнее испытание верности отца Иоанна подошло к концу. Его вера, верность и любовь за годы жизни в миру познали во всей полноте все: и помощь, и хранение, и милость, и утешения Божии. Он вступал в новый этап жизни, и только благодарность Богу сопутствовала ему.

Монастырь — обетованная земля

Монастырский период стал вершиной служения отца Иоанна. Здесь он получил от Господа энергию и силы на многие годы, в которые раскрылись все стороны его духовного дарования, здесь явилось в нем истинное старческое служение

Колокольным звоном гудел воздух, изливая радость на город и его окрестности, когда новый насельник вошел в монастырские врата. Праздновали день памяти игумена Печерской обители преподобномученика Корнилия*. И все вокруг свидетельствовало, что жизнь, отданная Богу, благословенна Им вовеки.

Монастырь! Обетованная земля! Желанная и выстраданная! Как же долго отец Иоанн до нее шел! Душу его переполняла благодарность Богу за все: за прошлое, настоящее и даже за будущее. С этим чувством он припал к раке преподобного, его принес Богу за Божественной литургией и, скрыв радость за монашеской строгостью, пошел к наместнику архимандриту Алипию. Он и привел собрата в келью, которая стала его домом до конца дней земных. Слово отца наместника, сказанное им при расставании: «Отсюда тебя и выносить будем», – оказалось пророческим.

Псково-Печерский монастырь в 1967 году в буквальном смысле был воином-богатырем. Его доспехами были не стены и башни (что они могли значить в то время?!), но дух насельников. Молитвами и бесст-

* Преподобномученик Корнилий (1501–1570) прославлен в XVI в. Его святые мощи покоятся в Успенском храме Псково-Печерского монастыря.

рашным мужеством совсем недавно, в 1961 году, они отразили осаду всемогущего государства, снова воинствующего на Церковь. Насельники, бывшие воины, сменили солдатские гимнастерки на монашеские подрясники. Они хорошо знали цену жизни. И как не выдали врагу свою земную Родину, так могли ли отдать свое Небесное Отечество, обретенное в страданиях военного лихолетья. Приняв в сердца живую веру, они вооружились страхом Божиим, чтобы воинствовать против греха. Вера в Бога, любовь к Богу и молитва освящали жизнь обители.

Монастырский период стал вершиной служения отца Иоанна. Придя в монастырь уже в преполовении своего жизненного пути, он получил от Господа энергию и силы на многие годы, в которые раскрылись все стороны его духовного дарования, здесь явилось в нем истинное старческое служение. Все в монастыре вызывало в душе его глубокое благоговение. Стены и храмы воскрешали богатую событиями и духовной жизнью историю. Насельники во главе с наместником – богомудрые старцы. Паломники, притекающие в обитель из безбожного, утопающего во грехах мира, воспринимались как истинные подвижники благочестия. Отец Иоанн видел людей в ограде монастыря ангелами. Частенько из толпы, сопровождавшей его из храма, был слышен его веселый возглас: «Да что ты, миленькая, что ты?! Какие здесь враги? Вот вокруг меня – все ангелы, и ты тоже».

«Мир ти, вослед Христа идущий…»

Отец Иоанн стал седмичным иеромонахом. А это значит, что за месяц душа его питалась обилием благодати полного круга богослужений: литургия, вечерняя служба, испо-

ведь, молебны, панихиды. В этом была радость полноты общения земной Церкви с Небесной. Его мысли и чувства, освобожденные от житейских попечений, переставали влаяться в видимых мелочах. Душа зрела во всех проявлениях монастырской жизни Всемогущую Божию руку. Монашеские обеты, которыми отец Иоанн руководствовался, живя в миру, были той нерушимой оградой, где хранилось главное сокровище его души – любовь к Богу. Она научила отца Иоанна послушанию Промыслу Божию. Он не искал в людях источника ни бед своих, ни радостей. Все принимал из руки Божией. Даже недоброжелателей и врагов благословлял как орудия Промысла Божия.

Послушание Христу – главное. В исполнении этого обета проявлялся внутренний мир послушника-старца. Батюшка частенько напоминал монастырским насельникам:

«Послушание – цепочка от Господа через священноначалие к монаху».

Многим приходилось слышать от отца Иоанна, что наместник в монастыре – пастырь, а все остальные пасомые: «Бог его терпит, и Сам с ним разберется, а в нас Он видит сейчас нетерпение и непослушание. Именно это изгнало наших прародителей из рая, а из нашей души оно изгоняет мир. Стяжи дух мирен – и не только сам спасешься, но и вокруг тебя многие». Отец Иоанн вносил спокойствие в жизнь братии и направлял их не на бунт и ропот, а на терпение. Он часто говорил:

«Если нечего будет терпеть, как научишься терпению – этой драгоценнейшей добродетели? Не место спасает человека, а терпение. От себя не убежишь. И в другой монастырь принесешь те же страсти, и опять все вокруг будет плохое».

Старческое назидание иеромонаху Филарету

Вспоминает архимандрит Филарет (Кольцов)[69]: «Приду к отцу Иоанну возбужденный, обрушу на старца свои неудовольствия и претензии к старшим. Духовник не помогает, послушники не слушаются. Отец Иоанн молчит, не перебивает. Выговорюсь и успокоюсь. А батюшка задаст несколько таких вопросов, что я начинаю понимать свою неправоту. И отец Иоанн итог подводит: «Видишь сам, вину-то в себе поискать надо, как найдешь, так и обстоятельства изменятся».

«Нестяжание чуждо печали», – пишут святые отцы. И пасхально светлый лик отца Иоанна свидетельствовал о его нестяжательности без всяких слов. Всегда спокойный, радостный он повторял: «Человек с благодарным сердцем никогда ни в чем не нуждается». Нестяжательность отца Иоанна распространилась до того, что на исходе из земной юдоли у него остался лишь «смертный чемодан», где все до малейшей детали было приготовлено к погребению, и раздавать было нечего. Период странничества, когда все попечение его было только о Доме Божием, приучил его к такому нестяжанию, что он ничего не искал

Иеромонах Иоанн (Крестьянкин), 1967 г.

для себя, вверив попечение о себе Богу. Единственное, что он позволял себе неограниченно, – это стяжание добрых дел Христа ради. В этом он был неутомим и ненасытен. Истинная нестяжательность привела его к стяжанию Духа Святого.

Целомудрие отца Иоанна заботилось лишь о чистоте сердца. «Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5:8). Любовь к Богу ограждала его даже от помыслов. И то, что в страстном человеке вызывает вожделение, в душе отца Иоанна порождало славословие и благодарение Божией премудрости: «Бог видел, как ткалась и моя плоть, и как же я Божиим велением дивно устроен. Сеяние – зачатие новой жизни – это ли не чудо?» Защищая от нападок труждающихся в монастыре «жен-мироносиц», отец Иоанн говорил ревнителям древних порядков: «Так-то оно так, но не Господь ли благословил в нашем монастыре постриг первой труженицы преподобной Вассы? И не от трудов ли и потов преподобных Ионы и Вассы[70] ощущаем мы благодать в Успенском соборе[71]? Как должно быть в других монастырях, я не ведаю, но то, что в нашем Божиим благословением спасаются и матушки – это я знаю точно».

В монастырь он пришел, уже утвердившимся полностью в монашеских обетах, и никто не видел его борений, но то, что духовные плоды процвели в отце Иоанне до совершенного идеала, было очевидно всем. К нему пришло духовное просвещение ума и сердца, а с ним – ясное познание путей спасения в настоящем, казалось бы, таком не спасительном времени.

Чин о Панагии, 1970 г.

Вспоминая первый год жизни в монастыре, отец Иоанн говорил, что в это время ощущение разделения между видимым земным и невидимым вечным стиралось до такой степени, что он переставал его воспринимать. Все живущие ныне и некогда жившие, и те, кто сегодня стоит у престола в храме монастырском, и те, кто стоит у Престола Божия уже столетия, – одна семья, запечатленная духом Божией Любви – ковчег спасенных. И все они здесь сейчас, рядом. Сердце его слышало звуки нездешнего мира.

И чем острее проступало это чувство, тем сильнее была и сердечная туга по погибающему в безверии миру. Позднее эти переживания продиктуют ему много писем к живущим в миру и тоскующим душой по Истине спасительного пути: «В это время, когда оскудевает мир духом Православия, сохранить веру и доверие Богу, не поколебаться, не возроптать, сохранить любовь к заблуждающимся и жалость к врагам – это путь Божией правды. Это значит соделывать свое спасение».

Только несколько месяцев провел отец Иоанн в своем умозрительном понимании монашеского образа жизни: службы, молитвы

Отец Иоанн с панагиаром

в полумраке освещенной лишь лампадой кельи. Жизнь властно стала вносить поправки в такое «идеальное» житие. Мимоходом благословив человека, он пробегал в свое спасительное уединение. Но, оставив просителя на монастырском дворе, не уделив ему минуты, он приносил в сердце своем память о нем в келью на целый день. Это разрушало мир в душе. Он стал молить Бога о вразумлении. В памяти воскресло видение из недавнего прошлого, и в сердце опять прозвучали слова ангела: «Всю жизнь будешь мотаться». Не значит ли это, что в монашестве его удел – утешать людей, нести с молитвой вместе с ними тяготы жизни, направляя это крестоношение в спасительное русло?

Пришли думы о монашеской жизни дорогих Глинских старцев. Он сам видел, как они, выпестованные Богом в уединении пустыни, в отшельничестве, открывали страждущим свои сердца и души, чтобы привести к Богу, «аще возможно, некоторых».

Отец Иоанн вспомнил и свое сновидение: Оптинского старца Амвросия в толпе мирян и себя, ожидавшего старческого благослове-

ния. Он все понял. Так милостью Божию он получил ответ на свои недоумения. Многие святые старцы в конце жизни приняли на себя как высший монашеский подвиг служение погибающим. Преподобный Серафим Саровский напомнил о конечном подвиге своего монашеского пути – выходе из затвора к людям. А позднее письмо-завещание духовного отца Серафима (Романцова) подтвердило выводы отца Иоанна: «Помяните любовь мою к вам, ради которой я пренебрегал собственною моею пользою, но всегда искал только вашу пользу: всем вам сострадал и во всей скорби вашей сочувствовал вам... Ах, отцы, братья и сестры мои возлюбленные. Воздайте мне вашими слезными молитвами к Богу за мою любовь к вам, ибо вы все были в моем сердце».

Мир и спокойствие, водворившиеся в душе, известили отца Иоанна, что он понял все правильно. Послушник-инок принял Божие благословение на свое духовничество и стал должником и монахам, и мирянам – всем, кого Господь пошлет ему на пути. И вышел иеромонах Иоанн (Крестьянкин) на «стогна града», терпя при этом многие укоризны, бросаемые и в спину, и в лицо: «Как был приходским попом, так им и остался!»

Благословение детей

И тропа в монастырь, которую отец Иоанн обещал проложить касимовцам, очень скоро превратилась в дорогу. Благочинный отец Александр[72] не раз говорил: «И что это за Касимов такой? Не перенести ли его к нам на Святую горку? Уж очень много касимовцев едет к нам теперь!» Но скоро потянулись к отцу Иоанну паломники из Орла,

Проповедь в Михайловском соборе

Москвы, Ленинграда, Рязани. Орловчане претендовали на первенство по праву первородства: у них начинался жизненный путь отца Иоанна. Москвичи не уступали: его пастырское служение началось в Москве. Ленинградцев ободряли давние права близости к Псково-Печерскому монастырю и к старцу Симеону[73]. На Рязанщине отец Иоанн служил последние десять лет и стал ей родным. И не перечесть, кого только и откуда не привел Господь на эту тропу-дорогу. «Живем на улице Международной, вот и сами стали международными!» – пошучивал батюшка.

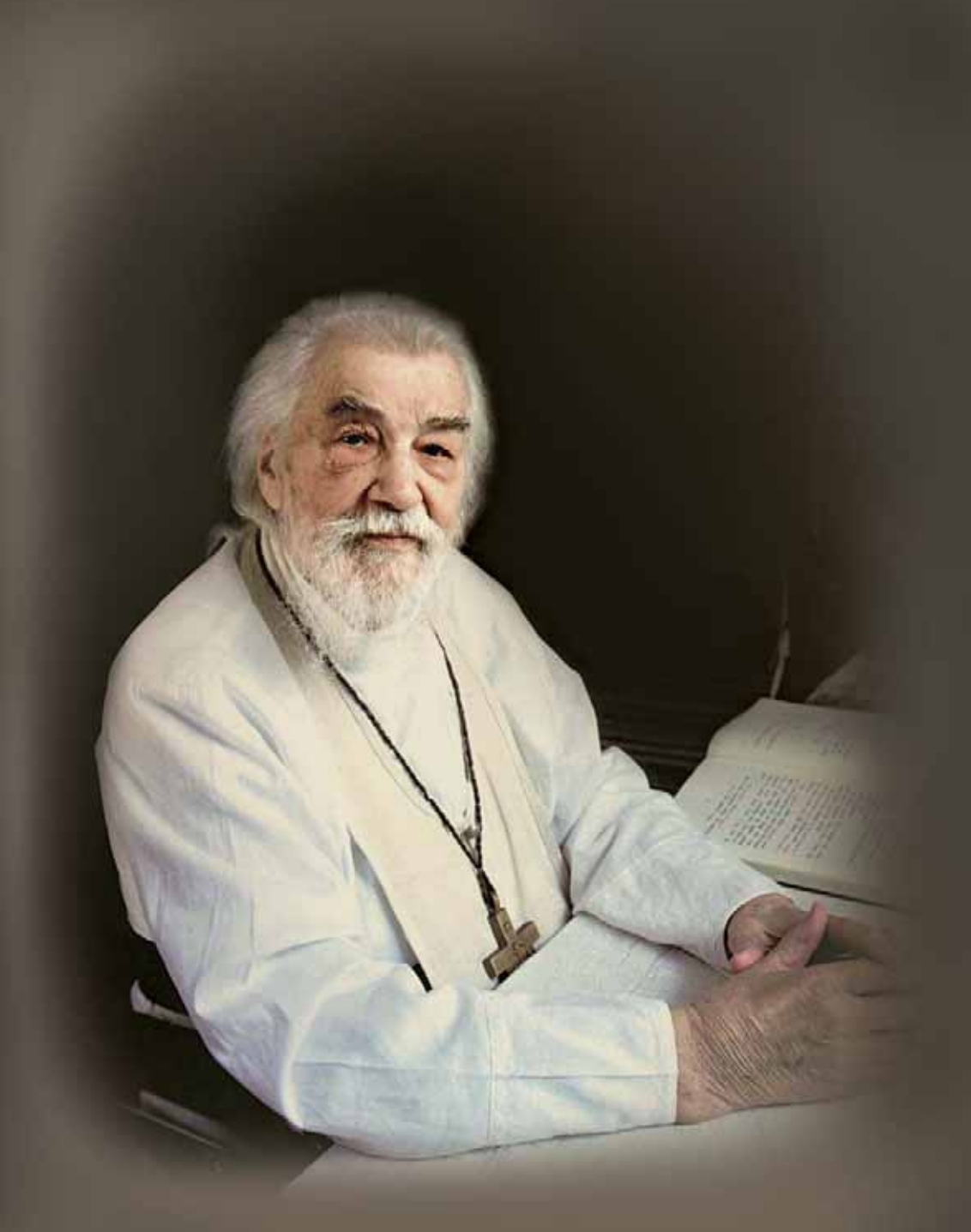
Вокруг отца Иоанна очень скоро образовалась община – невидимый «монастырь», без обетов, без постригов работающий Богу во спасение души, во благо Церкви и ближним. И много-много лампад зажглось в миру от его монашеского духа. Были в нем молодые и старые, ученые и простецы, все с любовью и желанием предавшиеся послушанию на пути к спасению. Чего только не делали его трудники! Сестры – современные жены-мироносицы служили ближним от имений своих, а чаще от своих трудов: шили плащаницы, облачения, параманы. Братья резали кресты, писали иконы, издавали книги, трудились над диссертациями.

Опыт общения с самыми разными людьми и в самых непростых жизненных обстоятельствах выпестовал в отце Иоанне такого христианского педагога, который прозревал человека до той глубины, где хранился замысел Божий о нем. Безошибочно и ненавязчиво, не вмешиваясь своей волей в Богом данную личность, он помогал най-

Предстояние у престола

ти человеку ту единственную стезю, которая определена ему волей Божией. Учил, как укорениться на ней. То и дело слышалось из уст отца Иоанна:

«Деточки, деточки! Спешите делать добро! Не скупитесь делать добро! Это то, что впереди нас пойдет в вечную жизнь и встретит нас, когда будем покидать землю».



Надо так жить, чтобы и в сердце, и в уме всегда был Бог

Скажу о главном завете отца Иоанна — о вере в Промысл Божий, ведущий человека ко спасению. Эта мысль часто согревает, утешает и направляет меня в теперешней жизни…

О своем послушничестве вспоминает ученый-генетик Евгений Андронов[74]. «Я хочу поведать, как под руководством старца, благодаря его духовному опыту, святым молитвам и трудам человек меняется. Старец был, не побоюсь сказать, великий православный педагог, по словам апостола Павла, «детоводитель ко Христу», полагающий за овцы своя не только время и силы, но и жизнь свою. Но писать об этом невозможно, не рассказывая о себе, о своих грехах.

Рос я в хорошей, но нерелигиозной семье. Однако Церковь всегда была где-то рядом, прежде всего в лице мой бабушки, крестившей меня и научившей первым молитвам, поившей святой водой с просфорами. Кроме того, город, где я жил, напоминал о Боге своими храмами, в том числе действующими, куда я изредка забегал. Бывал я в детстве и в Печерском монастыре. Но со взрослением многое переменилось, и враг рода человеческого начал вершить свою работу, апофеоз которой пришелся на время моей учебы в институте. Опущу подробности, скажу лишь, что оказался я на краю пропасти, расстроив совершенно не только внутреннего человека, но и отчасти повредив здоровье. Тогда неожиданно и раздался в душе моей голос Божий, который известил меня о причине моего падения. Я ужаснулся и начал сопротив-

ляться греху. Помощью в этом явились книги святых отцов, которые открывали мне мир, доселе неизвестный.

Евгений Андронов

С тех пор прошло много лет, сейчас я имею возможность отстраненно взглянуть на себя тогдашнего. И вот что вижу. Молодой человек, успевший разрушить и душу, и тело, захотел эту-то разруху принести в дар Богу – то есть уйти в монастырь или, в крайнем случае, стать священником (!). Когда я все это вспоминаю, то прихожу в трепет. Скажу, забегая вперед: одна из моих великих благодарностей отцу Иоанну – та, что по его совету я не стал священнослужителем, хотя предлагали и даже просили меня об этом не раз.

А вот те реальные проблемы моего перевоспитания, за которые взялся отец Иоанн. Прелесть бесовская. «Игралище бесов», прекрасный святоотеческий термин, и самое печальное, что это «игралище» может развернуться на чисто религиозной почве. И первая бесовская забота – все перевернуть вверх ногами: вместо смиренного размышления о своих грехах – пост и самовольное подвижничество, ну а печальные следствия таких «подвигов» общеизвестны: скрытые самомнение и гордость – почва для дальнейшей разрушительной работы. Действительно, враг тогда просто хозяйничал в уме. Я пережил многие умственные вражеские искушения и до сих пор поражаюсь, насколько правдоподобны для человека вкладываемые врагом измышления и конструкции, за которыми следуют и исступление, и безумие, и даже смерть! И вот в этой брани я выжил только благодаря святым молитвам отца Иоанна. Не раз я убеждался в том, что ему было известно про меня все. Старец ясно видел мое внутреннее духовное состояние. Незадолго до одного из самых

Молитва о чадах

тяжких моих искушений он предупредил меня, куда я направляюсь. Это и помогло мне не пасть духом окончательно в те страшные дни, без отца Иоанна я бы просто погиб. Прелесть – болезнь страшная. Как чуткий доктор, своей целительной молитвой, постоянным вниманием и сердечной памятью выхаживал отец Иоанн меня многие годы. Могу ли я сказать сейчас, что свободен от прелести? Нет. Но то страшное помрачение, которым я недуговал, все же минуло, и я теперь, как гадаринский бесноватый, свидетельствую о том, что сотворил со мной Господь.

Другая напасть – следствие первой: полное отсутствие способности слушать, слышать и слушаться. Поразительно, но при этом кажется, что ты-то как раз и пребываешь в полном послушании. Это – тоже прелесть. Когда я впервые попал в келью к отцу Иоанну, ощущения мои были, наверное, как у послов великого князя Владимира в Константинопольской Софии: где я был? Почувствовал только безграничную любовь Божию, явленную мне через старца. Ничего не запомнил, не услышал и не понял, кроме того, что здесь – место святое, что здесь я найду ответы на все свои вопросы.

Перечитывая теперь батюшкины письма, я с удивлением вижу, что в самом первом письме он сказал мне все. Разумный человек, цель которого – следовать воле Божией, довольствовался бы этим единственным письмом всю жизнь.

Но со мной было иначе. Три воли действуют в человеке – и воля Божия у меня была тогда только на языке и на «кончике ума», а в реальности мною активно пытались руководить две другие: человечес-

кая и вражья. Я приходил и приходил к батюшке, не желая принять сердцем то, что было мне сказано ясно и надолго.

Теперь я сам имею учеников и смею утверждать: молодые люди противятся совершенно ясным путям, и их все время тянет на пути бесплодные, сомнительные. Они не хотят просто послушаться либо слушаются, в душе противясь этому. Как это тяжело мне, а как было отцу Иоанну со мной! А как Господу нашему Иисусу Христу со всеми нами! Господи, прости нас, грешных!

Но, молитвами отца Иоанна, понемногу пришел я все же в такое устроение, при котором следование воле Божией доставляет радость и утешение. И сегодня, когда отец Иоанн присоединился к сонму подвижников веры и не напишет письма, его заветы часто спасают меня в житейских обстоятельствах. Если скорби, грехи или другие обстояния пытаются потопить мой кораблик, я двумя руками хватаюсь за то жизненное послушание, которое дал мне батюшка, этим и спасаюсь.

Христианское отношение к жизни – как об этом мало пишут, мало говорят! Отец Иоанн сразу сориентировал меня: «Учись христианскому отношению к жизни у своей бабушки». Он ее хорошо знал. Но как я мог учиться у бабушки? Я люблю ее (она еще жива), но чтобы учиться у нее? Я недоумевал. А учиться-то было чему. Учиться жизни в ее человеческих проявлениях, ценить и саму жизнь. Учиться любить людей, тебя окружающих, дорожить жизнью своей и тех, кто рядом, без всяких различий, верующие они или нет, грешные или праведные...

У меня расставание с грешной жизнью прошло слишком резко: я решил забыть все прошлое. Отец Иоанн сразу же меня предостерег: не бросаться ни людьми, ни даже вещами. Благодаря этому совету я начал всматриваться в ближних и дальних и только тогда понял, что говорил мне батюшка. Позднее, когда я научился ценить жизнь, рядом со мной появились удивительные люди, настоящие христиане, живу-

Бабушки – хранительницы православного духа

щие в богоборческом государстве, но сохраняющие веру, простоту, не имеющие и тени «показного» христианства. Раньше я не заметил бы их, пребывая в своем первобытном состоянии.

Скажу о главном завете отца Иоанна – о вере в Промысл Божий, ведущий человека ко спасению. Эта мысль часто согревает, утешает и направляет меня в теперешней жизни...

Я приезжал к отцу Иоанну один-два раза в год рассказать о прожитом и получить благословение на дальнейшие труды. Сначала я писал письмо с изложением текущих обстоятельств, по дороге в Печоры молился, все как-то выстраивалось, прояснялось. В монастыре либо в келье самого батюшки, либо через келейницу я получал вразумление и благословение. Возвращался домой со всеми решенными проблемами, полный сил к своему послушанию. И так много лет!

Однажды я очень тяжело заболел, на целый год пришлось оставить работу. Тогда-то я особенно ощутил на себе силу молитв батюшки о моем исцелении. К удивлению врачей, от болезни не осталось и следа. Я же, выздоровев, изменился внутренне. Меня лечили сильными анти-

биотиками, от которых я чуть не оглох. Было это во время Великого поста. Приехал я к отцу Иоанну попросить благословение на употребление молока, чтобы нейтрализовать лекарства. Я был уверен, что батюшка разрешит. Но услышал от него: «Дорогой мой, не могу тебе дать такого благословения. Церковные правила придумал не я, а Святые Отцы, и не мне их отменять!» Отец Иоанн посоветовал мне, употребляя молоко, не забывать приносить в этом покаяние на исповеди. Батюшка всегда говорил для пользы конкретного человека. И по сей день я продолжаю получать несомненную пользу именно от этого совета.

Важное воспоминание связано с диссертаций, писать которую мне отец Иоанн настоятельно рекомендовал и благословил. Начал я это дело с желанием побыстрее защититься и заняться чем-нибудь более интересным. Но эксперименты растянулись на многие годы. Было трудно! Я терял все добытое, начинал снова и снова. Наконец диссертация состоялась. Там нет ничего лишнего, красивые эксперименты, показательные результаты... Приехал я к отцу Иоанну доложить о научных свершениях и уже на пороге его кельи услышал от батюшки: «Женя, я писал эту диссертацию вместе с тобой!» Что тут скажешь! Батюшка проживал вместе с нами наши жизни, скорбел, горевал, радовался и, главное, молился за нас, призывал Божие благословение на наши труды.

Ненаписанного и нерассказанного осталось много. И было бы прекрасно завершить это повествование тем, что я решительно стою в русле Божественного Промысла и успешен в жизни земной. Но слабость и переменчивость человеческой натуры, познанная практически, заставляет меня опасаться за возможные повороты в жизни и надеяться больше на Господа Бога и молитвы отца Иоанна, чем на свое христианское благоразумие. Не могу не рассказать о последних встречах с батюшкой. Это было поздней осенью 2001 года. Старец опять явил мне

свою необыкновенную любовь. Он помазал меня елеем, окропил святой водой, облобызал... А сделать это ему было уже непросто. В то время у меня появилось сомнение в смысле моих научных трудов и чувство никчемности собственной жизни. На это старец, приблизив свое лицо к моему, произнес слова приснопамятного митрополита Вениамина (Федченкова): «Действительно, давно пора нам всем понять, что мы представляем собою существенную всестороннюю никчемность и не нужны никому!» Старец помедлил, а потом торжественно закончил: «Кроме Господа Бога! Кроме Бога! – повторил отец Иоанн четко и ясно несколько раз, как бы запечатлевая это в моем сердце. – Ты рад? Ты удивляешься?» – спрашивал он меня, имея в виду нашу неожиданную встречу. И опять я уезжал полный новых сил, с благословением.

На следующий, 2002 год, в пасхальные дни произошла последняя встреча с дорогим батюшкой. Я подошел к батюшкиной постели и встал на колени. Батюшка помазал меня маслицем из Иерусалима. Он был очень слаб после болезни. «Женя, как я рад, что могу приветствовать тебя в эти пасхальные дни: Христос Воскресе!» – это приветствие батюшка повторил много раз и подарил живое яйцо-писанку с изображением иконы Воскресения Христова. Тогда у меня не ладилось с работой, и батюшка обещал помолится обо мне. «Ученье свет, а неученье – тьма», – напутствовал он. И, как последний завет, произнес:

«Женя, надо так жить, чтоба и в сердце, и в уме всегда был Бог!»

Я стоял на коленях, и мы опять христосовались. Батюшка очень твердо благословлял меня. Когда я собирался уходить, он звал меня к себе, протягивая руки, и я возвращался, не в силах уйти от любимого старца. Больше утруждать его было нельзя. Я ушел. И последнее, что я видел, – это протянутые ко мне руки дорогого Отца моего...

Чадца Божии, Христос Воскресе! 2002 г.

Сейчас я смотрю с надеждой и страхом туда, где конец жизненного пути, где дам ответ о том, как использовал дары Божии, и где, может быть, ожидает встреча с дорогими моими отцами. Их же молитвами, Господи, спаси и помилуй всех нас!»

Как всегда, жизнь в послушании не была ежедневным праздником. Были труды и борения, падения и восстания. Болезненное возрастание от земной дебелости к тому, чтобы видеть над головой «чистое небо – небо Божие». Послушники в миру отличались от монастырских тем, что не было над ними ежедневного надзора начальствующего ока. Только Господь зрел их, да совесть была на страже. В тихости, в незримости от людей, в безвестности жил и трудился произвольный послушник. Но отеческое внимание батюшки и его молитва сопровождали трудника по жизни.

Возникающие опасности и преткновения учили молиться не кончиком языка, но сердцем. Живой религиозный опыт созидал и живую веру.

Об одном из таких опасных происшествий рассказывает Александра Дмитриевна Баранова[75]. «В начале 1972 года позвонил мне друг

батюшки отец Порфирий[76], священник Богоявленского собора*. Когда-то давно они вместе служили в Измайловской церкви. В разное время их репрессировали, в лагере они вновь встретились. Общность судьбы и духовность устремлений их сблизила.

Встретилась я с ним. Подает мне отец Порфирий запечатанный пакет со словами: «Сделай милость, отвези это отцу Иоанну. Он знает, что с этим делать». Поручение я выполнила. Провожая меня в обратный путь, отец Иоанн вернул мне этот пакет нераспечатанным, но приложил список вещей. Чего там только не было: Евангелия, чаши, паникадила, подсвечники – не перечесть! Все это надо было изготовить. Я взмолилась: «Батюшка, у меня и знакомых-то таких нет, кто бы мне помог. И мастеров не знаю где искать!» Благословляя, он меня успокоил: «А молитва-то на что? Попросим преподобномученика Корнилия да княгиню Ольгу. Для монастыря и Троицкого собора заказ этот. Мастера-то сами и прибегут». По молитвам отца Иоанна все устроилось чудесным образом. Мне оставалось только готовые изделия переправлять в Печоры.

Но с этим делом не обошлось без приключения. Позднее об этом мне поведал сам батюшка: «Просыпаюсь в 4 утра. С изумлением вижу, как в открытую форточку тянется рука. Перекрестился, наваждение какое-то. Стал молиться, не пойму, к чему страхование сие? А после литургии подошли пожилые паломницы-москвички, и мне стало все понятно. Это их молитвы стучались в окно, извещая о грозящей опасности. Старушки везли в монастырь паникадила. В вагоне ими заинтересовался мужчина: «Ну, бабки, доездились. Будет вам нынче праздничек», – бесцеремонно подсел он рядом.

Вот тут-то они всех святых вспомнили, а особенно звали на помощь преподобномученика Корнилия. Скоро уж и Печоры, а «страж»

---

* *Богоявленский собор в Елохове г. Москвы. С 1938 по 1991 г. Патриарший кафедральный собор.*

все при них. Когда за окном показались первые печорские огоньки, неожиданно он вскочил и опрометью бросился к туалету. А старушки с той же поспешностью выскочили в тамбур. Дверь у проводника была уже отперта. Побросали они вещи свои в темноту и вернулись в вагон. А провожатого так больше и не видели. Сошли спокойно, вернулись за грузом и благополучно добрались до монастыря».

В разговорах отца Иоанна часто возникал образ ученичества. Были и экзамены, но не теоретические, а жизненные, которые давали почувствовать ученику истинное положение дел в отношении его духовности и ограждали от обольщения. А батюшка ободрял: «Очередной жизненный экзамен подарил тебе Господь. Прими его от Господа с любовью, без ропота, без уныния и досады. Молись! Согрей унылое сейчас твое сердечко молитвой Оптинских старцев, чтобы живая покорность твоя пред всемогущей волей Божией скорее даровала тебе желанную ослабу и печаль преложилась на радость».

Постепенно он приучал чадо к необходимости сознательного отношения к своему жизненному кресту: «Пусть для тебя всякая прискорбность жизни станет любезна обетованиями той радости, которая живет и животворит навеки. Божие благословение тебе и неизменная молитвенная память в укреплении твоих немощей, чтобы никогда не предаваться унынию, зная о том, что никакая горесть земли не может пересилить нас, потому что «довольно для нас Его благодати на всякое время».

Отец Иоанн, проживший в миру почти 60 лет, на опыте познал, что монах формируется только в сердце. Никакие жизненные обстоятельства, даже самые противные монашеству, не смогут исторгнуть у взрастившего в себе это Божественное семя. Поэтому сам он никого не подталкивал на монашество, терпеливо ожидая, когда сердце человека самой его жизнью правдиво и явно скажет об этом.

Жди, Господь Сам все управит!

Общение с ним способно поставить любого священника на путь истинного пастырства. Он — тот камертон, по которому нужно многократно сверять свою духовную тональность

О духовническом участии отца Иоанна в своей жизни рассказывает епископ Зарайский Меркурий[77]. «Говорить о дорогом батюшке и просто, и сложно одновременно. Так происходит, когда люди, находясь еще в земной юдоли, становятся причастными к сообществу Небесному... С трепетом называю отца Иоанна своим духовником или духовным руководителем. Такие отношения подразумевают постоянное духовное окормление, даже в самых, казалось бы, маловажных вопросах. Все самые значительные ситуации в моей жизни были решены с его благословения, его молитвами, его добрым пастырским советом. Потому мои воспоминания о батюшке – это несколько памятных историй из жизни. Не будь в ней отца Иоанна – Бог знает, как она сложилась бы...

Мне было лет четырнадцать, когда я впервые увидел отца Иоанна. Ольгин день в псковском Троицком кафедральном соборе. Людей собралось очень много. Все стояли плотной стеной в ожидании приезда к литургии приснопамятного владыки митрополита Иоанна. Что и говорить, любили горячо псковичи «нашего дедушку»! Где-то на солее тихо читали часы, и сама атмосфера, наполнявшая собор, была очень напряженной, готовой разразиться ярким и значимым «От вос-

ток солнца до запад хвально имя Господне!» Я стоял почти при входе в собор, поближе к ковровой дорожке, чтобы была возможность поближе увидеть владыку.

Вдруг среди стоявших рядом со мной бабушек раздался шепот, который подобно волне прокатился по всему храму: «Печорские приехали!» Кто такие «печорские», было несложно догадаться, зная о близости к Пскову монастыря. Сначала прошествовал отец наместник, рядом с ним келейник, архидиакон, а затем как будто пролетело что-то, и возникло трепетное чувство света, теплоты, радости и любви.

Епископ Зарайский Меркурий (Иванов)

Это состояние в душе вызывал невысокий священник средних лет, в клобуке и мантии, с небольшой седой бородкой, в очках. Голова его была немного поднята вверх, как будто он хотел разглядеть кого-то в толпе. Он прошел среди людей так стремительно, что мантия походила на два несущих его крыла. Быстро благословляя народ, он «возлетел» в святилище, и, казалось, ничего не осталось уже от его вида в памяти, кроме необыкновенной чистоты и свободы в душе, только появилось доселе неизведанное чувство умиротворенности и гармонии.

Потом много раз я видел этого человека – и столь же стремительно ступающего, почти бегущего, старающегося успеть за отлаженным ритмом благовеста монастырской звонницы, и идущего размеренно, несколько устало, походкой степенного человека; видел его шествующим, опирающимся на трость. Я видел, как батюшка с трудом поднимался в собор, крепко держась за руку келейника. Он был разным внешне, он

Монашеские будни

по-человечески старел. Но его появление, встреча с ним оставляла всегда то же самое ощущение – ни с чем не сравнимое чувство внутренней чистоты, любви и свободы!

В студенческие годы возможностей бывать в обители у меня прибавилось, а вместе с этим и возможностей видеть старца. Вот он выходит через боковую дверь Михайловского собора[78], где его уже ждет солидная группа людей. Они такие разные – мужчины, женщины, старушки, девицы, дети и юноши. Кто-то знает, с кем ждет встречи, кто-то просто слышал об отце Иоанне. В их среде то и дело слышится шепот: «Он же святой... Прозорливец... Он мне всю жизнь изменил...» Мгновение – и батюшка уже спустился с высоких ступеней собора, люди обступают его плотным кольцом, тянут к нему руки, хотят только прикоснуться – «Святой»! А он просто, с улыбкой, но очень убедительно громко говорит:

– Ну что вы! Что вы! Вон святой пошел – великой жизни! – И рукой показывает на совсем еще юного иеромонаха.

– Все скорее к нему!

И народ наш, «жадный до святыни», слушая его веление, мчался осаждать иеромонаха, рукоположенного несколько дней назад, а около батюшки оставалась небольшая группка людей, которых он обнимал, благословлял, целовал в голову и снова благословлял. Они ждали именно его и с ним удалялись от собора, провожали до кельи, иногда ждали около нее, а иногда на Святой горке. С ними он говорил, ими он руководил, им открывал волю Божию, но не как Моисей, сходящий с Синая, а как один из них самих – знающий досконально их

жизнь и нужды. А если быть точным, то говорил не он, а его любовь к тем, кто в нем нуждался. Он жил для них и ими.

Мне, наблюдавшему эти беседы со стороны, всегда хотелось устремиться за отцом Иоанном. Быть рядом. Просто слушать, что он будет говорить, стоять незамеченным за его спиной или сесть где-нибудь у его ног и молчать. Молчать и слушать. Я был абсолютно уверен, что батюшке и так все ведомо, он знает, что говорить, и мои вопросы – это время, отнятое у него, не знающего покоя от тех, кто сотнями и тысячами стремится к старцу, пишет, ждет ответа, ищет своей возможности открыть глубинные миры страдающей души.

По юности мне казалось, что отцу Иоанну будет совсем не до меня. Или, может быть, вопросы моей жизни будут для него, мудрого и опытного, нелепыми и смешными. Поэтому я все время откладывал встречу с батюшкой, довольствуясь тем, что могу его видеть. Так продолжалось несколько раз, до тех пор, пока один из семинаристов, с которым я приехал на Светлую седмицу в монастырь, буквально не затащил меня для беседы с отцом Иоанном.

Беседа была назначена после вечернего пасхального богослужения на Святой горке. Гудел праздничный звон. Он наполнял собою всю обитель, крепкие монастырские стены не могли удержать его внутри себя – он вырывался, благовествуя о Воскресшем Спасителе в мир, который не хотел принять этой радостной вести, но не в силах был противиться торжествующему победоносному гимну. Пасха была поздняя: деревья начали облачаться в новый зеленый наряд, пахло свежими листочками, щебетали птицы. Солнце клонилось к закату, сияли позолотой кресты и маковки монастырских церквей. Как богатырь в золотом шлеме, над всем возвышался Михайловский собор. Все было таким разным по цвету, звуку, укладу жизни, но слилось в единый земнородный хор, «победную поющую» Великому, Победившему смерть Богу.

Мы так были увлечены дивным видом обители, так им восхищены, что даже не заметили приближения дорогого батюшки. Он был, как всегда, радостным, одетым в простой подрясничек, препоясанный трехструйным монашеским поясом, и аккуратную, чистую, но «знающую цену жизни» скуфью.

«Как славно! Как замечательно, что вы приехали к нам в обитель в такую дивную пору! – еще издали, простирая к нам свои объятия, восклицал отец Иоанн. – Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе! – все повторял он восклицания и, достигнув нас, высоко запел, приглашая подпевать. – Вои-и-стину Воскре-е-се! Вои-и-истину Воскре-е-се! Вои-и-стину-у Во-оскресе Христос!» И вот мы уже сидим рядом с ним на лавочке, один справа, другой слева. А он обнял нас за плечи и все целует в голову да повторяет: «Ну как это замечательно, что вы к нам приехали!»

Будто бы это была не первая наша встреча, а сотая, и знал нас батюшка с пеленок, и воспитывал, и учил, да и расстались мы не более как несколько минут назад. Какая легкость!

Потом разговаривали о жизненном пути, о том, как правильно определиться человеку, желающему служить Церкви. Мы пытались о чем-то его спросить, даже рассуждать о жизни. А он улыбался, трепал нам волосы, прижимал наши «буйные головы» к своим плечам, целовал в макушки. Руки его были сильными, но трепетными и заботливо-нежными, пожалуй, как у мамы. Трудно найти такие руки, как у мамы, а него такие. Да запах розового масла запомнился – очень тонкий, очень церковный.

Беседовали долго. Точнее, мы больше слушали. На вопрос о женитьбе или монашестве батюшка, помню, ответил так: «Что сказать вам на это, други мои?! В юности своей видел я на стене у одного священника картину. Река жизни. На одном берегу мы сейчас, на другом

Царство Божие. А река полноводная, бурная! И каждый хочет через эту реку переправиться. Вон – гляди, батюшка приходской на ладье переправляется. Устал, бедный, утрудился. Матушка у него в ладье сидит, детки, а вокруг еще прихожане уцепились за края. Батюшка из сил выбивается – гребет веслами, вспотел, рукава рясы засучил. Тяжело ему, а лодочку-то сносит. А рядом в маленькой лодочке монах плывет. Оди-и-н сидит. Непросто ему, он ее и так повернет, и так приловчится – удачно выходит... Так кому же, други мои, легче переправиться на тот берег? А?»

Уединение

Безусловно, ответ напрашивался сам собою. Но поскольку мы считали, что до окончательного решения еще очень много времени и воды утечет много, приняли это как доброе пожелание батюшки и радовались тому, что он продолжал с нами сидеть и говорить, говорить...

Пройдет много лет, я уже буду епископом. Вновь приеду к отцу Иоанну. Встану на колени, как малое дитя, перед креслицем, в котором он сидит, и вспомню ту Пасху, Святую горку и наш разговор:

– Батюшка! Какими мы были дурными! Сидели с Вами часами, слушали Вас. Вы столько сил отдали нам. А у нас «в одно ухо влетало, а из другого вылетало»... Батюшка глубоко-глубоко заглянул мне в глаза и сложенными в троеперстие пальцами правой руки постучал в грудь – там, где сердце:

– А здесь-то? Здесь-то что?

– Здесь все запомнилось, но только без слов. Здесь все осталось, – ответил я.

– Во-о-т! Это и есть самое главное. Это – память сердца.

В годы студенчества, как я уже упоминал у меня было больше возможностей приезжать в Печоры. Правящим архиереем Псковской епархии тогда был архиепископ Владимир[79] (впоследствии митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский), я нередко приезжал в Псков, исполняя иподиаконское послушание. Владыка часто служил в монастыре, и мы, сопровождая его, ездили в обитель.

К тому времени у меня все более формировался интерес к монашеству. Я боялся делиться с кем-либо своими мыслями на этот счет, и не только из-за того, что даже среди близких может возникнуть непонимание, сколь оттого, что считал свои мысли еще недостаточно сложившимися (было мне тогда неполных 22 года). А вдруг меня только монашеские одежды привлекают? Чтобы разобраться в себе, стал читать Отечник, Добротолюбие, Авву Дорофея, Патерики. Чем больше я читал, тем больше у меня крепла мысль, что это мой путь и обязательно с чего-то нужно уже начинать – испытать себя в монашеской жизни. Прекрасно понимая, что сейчас это совершенно невозможно для меня в обители, я решился спросить отца Иоанна: «Что такое монашество в миру?»

Сам я интуитивно понимал, что эта форма монашеского служения не совсем приемлема и применяется только в исключительных случаях. А может быть, для меня она и возможна: буду скрывать под белым халатом параман и исполнять послушание, как это делали многие в советское время... Набравшись храбрости, я решил подойти к батюшке с этим вопросом. Нужно только выбрать время.

Приезд в обитель архиерея, а соответственно и мой, состоялся в Михайлов день, 21 ноября по новому стилю. Сопряженная с праздником суета передавалась всем. Да и у батюшки чад прибавилось. И вот, улучив момент на запричастном, в алтаре Михайловского собора я обратился к нему с этим вопросом. Сказал, что решение созрело и, хотя не-

обходимо закончить светское образование, я просил бы благословить мне принять рясофор.

Отец Иоанн очень внимательно меня выслушал, сказал, что не может сразу ответить на мой вопрос и даст ответ несколько позднее. «Нужно помолиться», – добавил старец.

Только потом я понял, кого в большей степени касались эти слова. Времени для разговора больше не было. Такой краткий ответ мне показался достаточно холодным.

В сердце тут же поселилась неуверенность: «А может, и не стоило спрашивать? А может, и не нужно было подходить?» Бесовский дух сомнения сразу же овладевает человеком, стоит только ему позволить себе хоть на мгновение заменить веру рациональным подходом к вопросам жизни духовной. Я не был здесь исключением. Что творилось в моем сердце, знает только Господь. Казалось, что все рушится в моей жизни, что все, к чему стремлюсь, неверно, и как дальше мне жить, неизвестно – впереди пустота. А батюшка как бы и не замечал моего состояния. Он уделял время приехавшим издалека чадам, беседовал со священниками, с владыкой, раздавал из своего «поминального мешочка» маленькие просфорочки в благословение, одаривал всех любовью...

До братской трапезы времени оставалось мало, а после нее мы должны были уезжать, и вернуться к разговору с отцом Иоанном уже не было возможности. И вот тогда ко мне вернулась вера, и я возопил к Небу: «Матерь Божия! Я ведь в Твоей обители, в Твоем уделе и прошу Тебя через старца благословения не для красования в одеждах, а для спасения. Мне не понести будет тягот мирской жизни, а в монашеской Ты будешь мне опорой. Тебе доверяюсь – помоги!»

Внутри все мгновенно успокоилось: краткая, но исходящая из глубин сердечных молитва явила свое чудесное действие, воцарились мир и уверенность. Абсолютная убежденность в том, что Матерь

Шествие на трапезу

Божия не оставит Своим предстательством, привела меня в должное расположение духа.

Погода была осенняя, хмурая. Монастырские деревья потеряли свой летний наряд и стояли понурыми и обреченными. Только зеленые ели на клумбах, не унывая, напоминали о вечном и от порывов осеннего ветра небрежно стряхивали капли дождя с ветвей, окропляя все вокруг. Праздничный колокольный звон входил в диссонанс с погодой. Братия шла в трапезу стройными рядами. Монахи спускались по лестнице, по дорожкам, вымощенным булыжником и присыпанным сверху песком, влажным от дождя. Звук ударяющих о брусчатку сапог как бы подчеркивал, что идет воинство. Длинные черные рясы и мантии касались сырого песка и оставляли его на себе.

«Интересно, почему у них такое небрежение к одежде, – подумал я, – жалко ведь, испортится. – Но вспомнив, что мое желание рясофора не связывается с красивой одеждой, одернул себя: – Не в одеждах же дело...»

Батюшка тоже был на трапезе. После нее, по уставу, все подходили под благословение к владыке. Подошел и отец Иоанн и удалился к се-

бе в келью. Иподиаконы подходили после братии. Шел уже четвертый час вечера – нужно уезжать. «Так и не удалось еще раз поговорить с батюшкой», – подытожил я.

И буквально через несколько мгновений после этой мысли один из братии дернул меня за рукав:

– Отец Иоанн благословил Вам прийти к нему в пять часов, перед всенощной.

– Мне?

– Да, Вам. Ему Вам нужно что-то сказать.

Сколь долго для меня тянулось это время до пяти часов – вечность! С каким трепетом я приближался к его келье! Келейница ответила, что батюшка с кем-то еще беседует, и просила немного подождать. Прошло около получаса. Посетитель вышел. В проеме дверей показался как всегда радостный, немного уставший батюшка: «Други мои! Времени мало, а сказать нужно много – скоро всенощное бдение. Ну, самое главное: мысли твои правильные, и все в свое время. Я вот собрал тут тебе пакетик, по пути домой посмотришь. – Раздался первый удар колокола ко всенощной, затем другой, третий... – Ой, ой! Пора идти, – засуетился батюшка, – ну, ты поезжай, Господь Сам все управит!»

С этими словами, благословением и маленьким пакетиком отпустил меня батюшка. На сердце было снова спокойно и радостно. Казалось, что благовест дразнил хмурую погоду, как бы говоря ей о том, что она – земная и не может спорить с радостью небесной.

Устроившись поудобнее на сиденье в автобусе Печоры–Псков, с нетерпением развернул пакетик. Там маленькая брошюрка, переписанная от руки, – послушническое правило «сотницы», простенькие черные четки, иконочка Божией Матери «Скоропослушница» и, как всегда, немного сладостей.

Икона Божией Матери «Скоропослушница»

Вот так, под праздник в честь иконы «Скоропослушница», отец Иоанн преподал мне несколько уроков духовной жизни. Я получил от него благословение на выбор жизненного пути. Вспомнил при этом рассказ крестной моей о том, что в течение всей своей жизни, утром и вечером, совершала она за меня перед этим образом земной поклон с простой молитвой: «Матерь Божия! Наставь крестника моего на путь спасения!» Получил я и урок веры, и опыт все превозмогающей молитвы. Как тут не вспомнить ирмос Великого канона св. Андрея Критского: «Возопих всем сердцем моим к щедрому Богу, и услыша мя от ада преисподняго, и возведе от тли живот мой». И наконец, замечательное правило преподал мне батюшка на всю жизнь – Господь Сам все управит!

Прошло несколько лет с того момента, как было получено благословение на послушничество. Для меня это стало очень важным событием в жизни. В сердце опытно укоренилось понятие того, что Господь реально присутствует в моей жизни, и не просто «наблюдает», а ведет меня по ней Своею незримою рукою. Только нужна несомненная вера и абсолютное доверие Ему.

Просто сказать или написать: «Не сомневайся в вере и во всем доверяй Богу». Но за этими словами стоит огромная напряженная борьба с самим собой, преодоление внутренних противоречий, укоренение в том, что в жизни духовной нельзя руководствоваться привычными для нас критериями «мира сего». Осознание всего этого – трудный и радостный процесс. Подходило к окончанию обучение

в институте, и все чаще возникал вопрос о дальнейшем определении. Безусловно, невозможно было и помыслить себя вне Церкви и священнослужения. Но существовала и другая реальность – сделать это сразу после окончания института в СССР в середине 1980-х годов было сложно. Все опять решилось чудесным образом и опять с благословения батюшки.

Предыстория такова. В начале 1988 года мне случилось посетить Калининград. Настоятель тамошнего кафедрального собора после нашего с ним долгого разговора, более похожего с моей стороны на исповедь, предложил, согласовав вопрос с правящим архиереем, совершить мой постриг в мантию. Предложение абсолютно неожиданное.

Принять постриг – желание всей жизни, но ведь еще не закончен институт. А как же работа по распределению в течение трех лет? И что будет дальше? Эти и множество других вопросов не давали покоя. Разрешить их мог только тот человек, молитве и благословению которого я доверял безгранично.

Ответив настоятелю собора, что должен испросить на это благословение отца Иоанна, я уехал в Ленинград, с тем, чтобы при первом удобном случае отправиться к нему в Печоры. Эта возможность появилась на Сретение Господне.

Ехать от Ленинграда до Пскова на скором поезде четыре с половиной часа. Плацкартный вагон был полупустым. В двух или трех купе ехали степенные пожилые люди, вели тихую беседу. Ранние сумерки заволокли все за окном, лишь изредка на переездах огни фонарей выхватывали из этой морозной тьмы кусочек, радуя взгляд блестками недавно выпавшего снега. Морозно и пустынно.

В душе было все как за окном. То проблеснет мысль: без воли Божией ничего не происходит! То: от решения этого вопроса зависит вся

будущая жизнь, и надо сто раз подумать, то мысль о родителях: а смогут ли они принять этот мой выбор, или отношения будут окончательно испорчены? Полное смятение усугубляло еще и то, что поделиться своими переживаниями было не с кем. Напомнив себе о том, что не мне разрешать эти вопросы, а благословению старца, я попытался успокоиться. Как бы не так! Помыслы роились, как пчелы в улье: «Вот ты уже решился, а если старец скажет – нет?», « Придется тебе искать невесту после твоего послушничества», «Ишь ты, в монахи захотел – рановато еще». Единственным спасением в этом пути стал для меня дневник святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, который я взял с собою в дорогу.

В полном духовном смятении открыл его на первой попавшейся странице и прочитал всего несколько строк, которых мне хватило, чтобы побороть все сомнения и помыслы одновременно: «Сердце, сомневающееся в том, что Бог может даровать просимое, наказывается за сомнение: оно болезненно томится и стесняется от сомнения. Не прогневляй же Вседержавного Бога ни тению сомнения, особенно ты, испытавший на себе Божие всемогущество многое множество раз. Сомнение – хула на Бога, дерзкая ложь сердца или гнездящегося в сердце духа лжи на Духа истины. Бойся его, как ядовитой змеи, или нет – что я говорю! – пренебрегай им, не обращай на него ни малейшего внимания. Помни, что Бог во время прошения твоего ожидает утвердительного ответа на вопрос, внутренне Им тебе предлагаемый: «Веруеши ли, яко могу сие сотворити?» Да, ты должен из глубины сердца ответить: «Верую, Господи!» (ср.: Мф. 9:28) И тогда будет по вере твоей».

«Верую, Господи! Верую!» – подумал я, закрыв книгу. С этим «верую» я и приехал на архиерейскую службу в Печоры. Служили в Михайловском соборе, в Сретенском храме[80] был ремонт. Перед началом

Михайловский собор в ожидании богомольцев

службы я подошел к отцу Иоанну и попросил его уделить мне несколько минут для разговора.

Надо сказать, что просить благословение на постриг, находясь в миру, будучи иподиаконом архиепископа Владимира, было достаточно рискованно. Дело в том, что владыка твердо придерживался правила – монах должен жить в монастыре, и потому им пресекались всяческие попытки решить этот вопрос каким-либо иным образом.

И вот, после принятия Святых Таин, батюшка позвал меня выйти из алтаря на клирос. Кто бывал в Михайловском соборе в Печорах, тот знает, что клиросы соприкасаются с ротондой – иконостасом и совсем недалеко от диаконских дверей в алтаре собора находится архиерейское кресло. Рассказываю об этом к тому, что все, что происходит на клиросах, слышно в алтаре.

Батюшка присел на низенькую скамеечку буквально у диаконских дверей. Я опустился перед ним на колени и, чтобы никто не слышал, начал излагать ему суть своего вопроса почти шепотом, «на ухо». То ли я говорил сбивчиво, то ли излагал достаточно долго, но чувствова-

лось, что батюшка хочет от меня нечто другое. В конце моего повествования батюшка взял меня за руку и требовательно спросил:

– Вам что, предлагают постриг в мантию?

– Да.

– Так что Вы хотите?! – спросил он меня и посмотрел мне в глаза так, будто достиг самых глубин моей души.

Я же, пытаясь не привлекать чьего-либо внимания, тихо ответил:

– Батюшка! Я хочу быть монахом.

– Что-что?! Не слышу! Повторите.

– Батюшка! Я хочу быть монахом, – сказал я уже громче и тверже. Мне показалось, что вокруг все умолкло.

– Не слышу! Повторите громче! – твердым и повелительным тоном произнес отец Иоанн. При этом он как-то выпрямился, расправил плечи. Напряжение чувствовалось во всех его жестах и движениях. Было чувство, что он беседует не с молодым послушником на темы его духовной жизни, а торжественно принимает присягу.

– Батюшка! – стараясь вторить его твердости и столь же громко, произнес я. – Я хочу быть монахом!

Вокруг все оглянулись от этих почти выкрикнутых слов. Мне показалось, что их слышали не только священники, стоявшие рядом, а весь собор. Что теперь будет?! Все. Я пропал. Закрыл глаза. Пауза была мгновением, затянувшимся в моем представлении на минуты. Открыв глаза, увидел стоящего передо мной старца, он весь буквально светился, какая-то особенная радость переполняла его. Он поднял вверх обе руки и ими двумя осенил меня крестным знамением.

– Бог Всемогущий и Всеблагий да благословит Вас на это делание!!! Еще дважды осенив меня крестным знамением, как всегда, поотечески поцеловал в голову.

– Так как мне сейчас быть, батюшка? Когда поехать?

Эти вопросы были столь малозначимы и неуместны после «присяги», что просто пропали в окружающем.

– Ибо, Господь Сам все управит!

И действительно управил. Чудесным образом все необходимое для пострига было приготовлено в Лавре преподобного Сергия, чудесным образом у меня появилась возможность снова поехать в Калининград. И не менее чудесным образом утром в Неделю Крестопоклонную перед Царскими вратами с крестом и свечой в руке стоял уже монах Меркурий.

Вот еще один урок духовной жизни отца Иоанна – верую, Господи, и исповедую. Многое изменилось с той поры. Я стал священником. Десять лет служил в Калининграде и области. Затем Господь призвал к епископскому служению, и надлежало отправиться в далекую Америку, о которой я практически ничего не знал.

Только многотомник сможет вместить все сложности, с которыми пришлось встретиться вдали от России. Это и совершенно отличное от российского отношение к Церкви и Православию, это и другое восприятие жизни и мира, это и другой язык – все иное. В дополнение ко всему необходимость в кратчайший срок провести реставрацию Патриаршего собора, в котором никогда за сто лет существования не было капитального ремонта. Все это требовало огромных сил и средств. Не обошлось и без «доброжелателей», кои ради спасения нашего посылаются Господом приумножать скорби жизни, и когда хочет нам спасения Господь, посылает обидчиков и скорби. В этот период Господь спасал меня полною мерою. Чувствовалось, что силы уже на исходе. Внутри стало темно, пусто и холодно, как в могильном склепе. Единственное, что позволяло не утратить жизненных сил, – это служение Божественной литургии, после совершения которой наступало настоящее воскресение.

В это время один из священников, отправлявшихся в Россию, поведал мне, что собирается поехать в Печоры к отцу Иоанну. В ответ на его слова у меня что-то встрепенулось в душе: «Поклонись за меня батюшке. Скажи, что один недостойный епископ, если он помнит еще меня, очень просит молитв».

Комок подошел к горлу, когда я произнес эти слова. Как я мог позволить забыть за всеми делами, заботами, словом, за всей суетой, о том, что есть батюшка Иоанн, что он молится за меня, что он ждет. Что-то произошло в этот момент, казалось, еще немного – и в этом порыве брошусь в сторону Печор, буду бежать до изнеможения, упаду, поднимусь и снова буду бежать к отцу Иоанну. Бежать с одной лишь только целью – упасть ему в ноги с просьбой о молитве. Мне показалось, что он ждет меня. Да, я был в этом абсолютно уверен. Отправлявшийся в Россию священник подтвердил мои мысли: «Вы же скоро сами будете в России, владыко, спланируйте себе один день на посещение Печор. Вот и с отцом Иоанном повидаетесь, и молитв попросите...»

Решение было принято. Боже мой! Как я ждал этого дня, когда ранним февральским утром поезд остановится у станции Псков, и до Печор останется всего несколько десятков километров. На перроне меня встречали родители с надеждой на то, что этот неожиданно выдавшийся день мы сможем побыть вместе дома.

– Ну, вот и хорошо, что смог найти денек. Поедем домой – отдохнешь немного.

– Нет. Отдых потом, а сейчас едем в Печоры. Побудем в обители, а потом заедем домой. Странно, ведь обычно всякое мое желание побывать где-либо, кроме родительского дома, во время краткосрочного отпуска, вызывает у родителей понятное неудовольствие, но, видимо, мой вид был таким, что возражений не последовало, и мы отправились в обитель.

Михайловский собор

Был будничный день. Только что закончился братский молебен. Тишина и покой разлились по обители. Под ногами похрустывал снег, и от этого отчетливо слышен был каждый шаг. Ели, покрытые инеем, переливались в первых всполохах восходящего солнца и казались очень торжественными, боящимися растерять свою хрупкую красоту от любого неловкого движения или шума. Восход был замечательным! Красное солнце высвечивало Михайловский собор, играло бликами на его золотом куполе и белизне стен, и, отражаясь от них, достигало глубин монастырского оврага. Казалось, что монастырское старое забытое било у Благовещенской церкви совершенно озябло и еще больше выгнулось от стужи. Утренняя красота зимней обители радовала глаз, но душе хотелось тепла и уюта.

Литургия совершалась в Сретенском храме. Людей было не так много. Вошли в храм. Стало очень уютно, и не оттого, что было тепло. Ощущалась особая теплота, которою называют «теплотой веры». Стены храма хранят эту теплоту веками и пополняют в себе, как в драгоценном сосуде, щедро раздавая ее оскудевшим. Сама собою прошла дорожная усталость.

Любезное попечение отца наместника архимандрита Тихона[81] совершенно уверило меня в том, что в этих стенах я у себя дома. После завтрака я сообщил отцу Тихону о своем желании побывать у отца Иоанна и причинах, побудивших к этому. «Владыко! Батюшка чувствует себя неважно. Мы, конечно, сообщим ему о том, что Вы приехали и хотите посетить его, но сможет ли он Вас принять, зави-

сит от состояния его здоровья. Ведь у старцев свой распорядок, и мы не смеем его нарушать», – предупредил отец наместник.

Было начало десятого утра. С отцом Тихоном мы подошли к батюшкиной келье. Постучали с молитвой. Открыла келейница отца Иоанна. Наместник зашел в переднюю. Обмолвившись несколькими словами с келейницей, вышел и сообщил, что батюшка плохо себя чувствует, ему ставят капельницу, и принять меня он, вероятнее всего, не сможет. «Не может такого быть! – подумал я. Сердцем же чувствовал, что он ждет. – Нет! Это просто искушение. И тут же вспомнил батюшкины слова: – Не унывай – Господь Сам все управит!»

Ничего не сказав отцу наместнику о том, что творится у меня в душе, я вместе с родителями отправился осматривать монастырь, поклониться его святыням. Благо, что и для них, не очень часто бывающих в обители, от этого польза была великая. Затем последовал обед, и пришло время покидать обитель. «Отец Тихон! – обратился я к наместнику. – У меня к Вам огромная просьба. Давайте еще раз пойдем к отцу Иоанну. Я все понимаю – здоровье батюшки немощное. Помолимся и постучим. Если старец не сможет меня принять, тогда... тогда еще одна просьба. Оставьте меня одного у дверей его кельи. Я там постою и у дверей старца скажу все, что должен был бы ему сказать. Он и так услышит и помолится. Мне станет легче». Совершенно уверив себя в том, что именно так все и будет, мы отправились в корпус, где живет отец Иоанн. Мысленно я уже стоял в пустом коридоре корпуса на коленях у кельи старца. В сердце определилось словесно то, что хотел сказать.

– Господи! Только бы никто по коридору не ходил! – молился я.

Отец наместник снова постучал, и вдруг из-за двери услышал голос келейницы:

Радостная встреча в день Успения Божией Матери

– Батюшка примет владыку. Он его ждет!

Не знаю, что произошло в этот миг! Отворилась дверь передней и сразу же дверь кельи. В полутемный коридор корпуса ворвался свет из кельи старца. И в этом свете в проеме двери весь в белом стоял отец Иоанн, он руками опирался о косяки дверей, но казалось, что из этого света он простирает объятия. Свет был такой сильный, что невозможно было смотреть.

Из оцепенения, в котором я пребывал несколько мгновений, меня вывел знакомый голос батюшки: «Дорогой владыко! Как хорошо, что Вы приехали!»

Начисто забыв о предупреждении отца наместника быть недолго и стараться не тревожить батюшку излишне, я упал ему в ноги:

– Благословите меня, дорогой батюшка!

– Нет! Это Вы меня благословите, владыко! – и старец тоже упал на колени.

– Нет! Это Вы меня благословите, батюшка. Вы старец. Я к Вам приехал за благословением!

Отеческое напутствие епископу Меркурию

– Нет! Вы меня благословите – Вы епископ, а я недостойный архимандрит!

– Батюшка! Вы монах, смиритесь и благословите меня не как епископа, а как самое недостойное Ваше чадо!

– Бог Всемогущий и Всеведущий да благословит Вас Своею щедрою десницею! – высоко и торжественно произнес отец Иоанн, обхватил мою голову обеими руками и, как всегда, поцеловал в лоб.

Пока длился этот диалог на коленях, отец наместник и келейница были в полном замешательстве и не знали, кого поднимать – старца или архиерея... Мы вошли в келью батюшки. Он повернулся ко мне и почти повелительным тоном произнес:

– А теперь и Вы, владыко, благословите мою келью!

– Благословение Божие да пребывает неотступно на месте сем и на Вас! – произнес я и осенил келью обеими руками.

В ответ раздалось глубоко взволнованное, немного высокое, спетое из глубины сердца:

– Ис полла эти деспота!!!

Так спеть может только батюшка. Он всегда будет петь так же при наших новых встречах, отчего я заметил:

– Батюшка! Вы – самый лучший и самый дорогой исполатчик при моем епископском служении.

Дальше был недолгий разговор. Я попытался изложить все, что было у меня на сердце. Отец Иоанн крепко сжал мою руку, второй обхватил за шею, склонил голову и на ухо произнес:

– Не стоит много говорить об этом. Я все знаю. Давайте помолимся.

Он повернулся к иконам, висевшим в красном углу, оперся на стоявший под ними аналой с крестом и Евангелием, осенил себя медленно и истово крестным знамением:

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков! Аминь!

И далее стал читать молитвы обычного начала с «Царю Небесный» по «Отче наш». Никто и никогда не читал так при мне молитвы, как он. Это было необыкновенное чтение – это была беседа с Богом. То батюшка умилительно просил, то благоговейно и настойчиво требовал, то убеждал Его в необходимости. Происходило нечто особенное – это было таинство молитвы. Я смотрел то на отца Иоанна, то на образа и видел, что телесно он пребывает здесь, но духом предстоит там, у Престола Божия. Стены кельи не могли удержать ни его пламенеющего духа, ни его молитвы. «А сейчас, уж простите меня, убогого, дорогой Владыко, я помажу Вас освященным в стенах нашей обители елеем» – батюшка достал маленький флакончик благовонного масла и, опираясь на мою руку, второй начертал от края до края моего чела крест.

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! Аминь.

И далее также глаза, уши, уста, руки.

– Откройте сердце!

Я расстегнул ворот подрясника и рубашки, отодвинул параман, открыв область груди, где располагается сердце.

– Здесь надо особо, – заметил отец Иоанн и начертал крест трижды.

Я стоял, ничего не понимая. Чувство было такое, что из меня через стопы стал вытекать свинец, наполнявший меня до сих пор. Появилась возможность двигаться, дышать, прояснились мысли – все внутри ожило, возвратилось к жизни.

После этого еще несколько минут мы целовали друг другу руки: я с благодарностью и сыновней любовью исцелившие меня руки старца, а он по глубочайшему своему смирению руки молодого епископа. От переполнявших меня чувств я как-то нелепо попрощался и направился к двери.

– Постойте, постойте, – окликнул меня батюшка. – Как же Вы уйдете без утешения?!

Я обернулся и увидел сияющего любовью дедушку Иоанна, который протягивал мне коробку шоколадных конфет «Золотые купола».

– А это обязательно. Непременно усладите жизнь!

Когда я сел в машину, мама спросила меня:

– Владыко, что случилось? Ты весь другой. Прямо светишься.

– Я был у отца Иоанна. Он ждал меня.

Отец Иоанн обладал удивительным даром любви к людям. Даже тогда, когда он казался суровым и требовательным, заставляя чад своих задуматься о смысле происходящего в духовной жизни. Но стоило только человеку вспомнить о Боге, обратиться к Богу, начать трудиться, исправляя свои ошибки, батюшка менялся. Он весь становился светом, дающим возможность душе в греховных сумерках жизни не потерять правильного пути, он весь – теплота любви,

своим обаянием и многолетним пастырским опытом взращивающий любую добрую поросль мысли, он – мудрый и терпеливый отец, ожидающий до последнего мгновения возвращения оступившегося чада.

Вся жизнь его, все служение его – ожидание чад, вверенных Господом его попечению, для того чтобы им отдать всего себя, чтобы, увидев их на пороге своей кельи, всплеснуть руками в порыве духовного восторга и с умилением, только ему свойственным, воскликнуть: «Слава Богу! Как хорошо, что Вы пришли!»

От этих слов забывается все ненужное, мелочное, суетное. Сердце, подобно растению, раскрывается под лучистым взором его глаз, чтобы как можно больше вместить этой возрождающей к жизни, исходящей от него благодатной силы. Так происходит всегда, когда есть счастливая возможность встать на порог его кельи.

Если же случается это не часто, тогда есть возможность беседовать со старцем, обращаясь к его письменному наследию: слушать его наставления, вчитываясь в его проповеди, каяться в грехах, перечитывая «Опыт построения исповеди», утешаться и возобновляться через его письма разным людям, относя их к себе.

Священнослужение, пастырство – смысл и содержание всей его жизни. Это таинство каждодневного, деятельного откровения и созерцания Божественного присутствия и действий Бога в мире и в человеческой жизни. Это особый крест и особая радость – непонятные и непостижимые для тех, кто не знает их опытно. Это невыносимые страдания и боль, подобные открытым язвам на теле, которые остро воспринимают любое прикосновение, любое дуновение, поскольку обнажены нервы. Эти язвы – боли и радости паствы, «язвы Господа нашего Иисуса Христа», которые пастырь несет в себе, иначе ведь невозможно. Если священник утратит эти язвы, он станет бесчувст-

венным, безразличным и огрубевшим, он никогда не сможет понять вверенных ему Богом овец словесных, он не сможет «соплакать и сорадоваться» им, как учит Апостол. Нести этот крест выше человеческих сил. Только одна сила может укреплять священника в этом крестоношении – сила Божией благодати, получаемая в молитве и служении Божественной литургии.

Это опыт всей жизни отца Иоанна. Об этом опыте пастырской жизни батюшке нет необходимости читать лекции или писать книги. Он сам – живая книга. Общение с ним способно поставить любого священника на путь истинного пастырства. Он – тот камертон, по которому нужно многократно сверять свою духовную тональность. Сделать это просто: «Приди и виждь».

Священнослужители – тоже люди, со своими немощами и недостатками. Они несут бремя и время от времени, изнемогая, падают, пытаются встать и ждут – молчаливо ждут «Симона Киринейского», которого пошлет нам Господь, чтобы поддержать «подобное подобным».

Для сотен священников и архиереев отец Иоанн является таким утешителем. Невозможно описать все тяготы, переживания и скорби, возникающие в душе в брани духовной. Для служащего у алтаря Господня они сугубые. Иногда кажется, что все силы ада ополчились на душу, и эта безудержная стихия зла устрашающей величины и силы способна уничтожить все, что станет на ее пути. В какую бы ни посмотрел сторону – везде одно и то же: «Обышедше обыдоша мя» (Пс. 117:11). Порой даже возникает чувство, что Небо закрыто для тебя. В это время, как никогда, нужна духовная поддержка.

В моей жизни так было не единожды. И в эти самые сложные моменты опытно или повинуясь некоему душевному движению, а веро-

Келейная служба на Погребение Божией Матери

ятнее всего, по воле Божией я обращался мыслями своими к дорогому батюшке. Обращался просто, по-детски, взирая на его фотографию, шептал какие-то несвязные слова, просил о помощи, о молитвах, об утешении. Тысячи километров разделяли нас! Но чувство реальности того, что он слышит и молится, побеждало всякую человеческую логику. Воистину – «Идеже восхощет Бог, побеждается естества чин!»*

И в ответ на молитвы старца Господь благословлял миром душу, и свет Божественной благодати озарял и согревал ее, ослабевшую и изможденную. Иногда казалось, что я совершаю что-то неправильное, обращаясь таким образом к батюшке с молитвой. «Может быть, это некое духовно прельщающее явление духовной жизни?» – так думал я, пока не посетил «малую Гефсиманию» отца Иоанна в один из праздников Успения Пресвятой Богородицы. «Малая Гефсимания» – это келья дорогого батюшки. В праздник Успения Пресвя-

* *Догматик 7-го гласа.*

Прощальное благословение

той Богородицы в ней стоит маленькая плащаничка Божией Матери, вокруг благоухают цветы, горят свечи и лампады, и рядом с ней, как у Гроба Пречистой, неотступно в своем креслице, облаченный в белый подрясник и епитрахиль, сидит наш старец, истово шепча слова богослужебных песнопений праздника, запечатлевая выразительно каждое слово. Это слово богослужения для него не просто история, это слово – жизнь. Вот он, радостный, смотрит на лик Пречистой, «во Успении Своем нас не оставляющей», и его радость, и его счастье от предстательства за мир Богородицы не может не передаться тем, кто с ним рядом. Она буквально окутывает, стоит только переступить порог кельи. Верю, что и Сама Пречистая Покровом Своим покрывает эту келью.

«В рожде-стве-е девство сохрани-и-ла еси», – запел батюшка тропарь праздника, увидев меня. Затем кондак и сугубая ектения. Благословения. Особая радость от встречи – такой радости нигде нет больше. Тихий разговор, молитва. И среди прочего мой недоуменный вопрос:

– Когда мне бывает невыносимо тяжко, батюшка, я к Вам обращаюсь с просьбой молитв издалека. Гляжу на Вашу фотографию и прошу молитв. Простите меня, я даже через океан Вам не даю покоя...

– Дорогой Владыко! Не смущайтесь этим. Будем молиться друг за друга – это так важно! По молитвам Господь чудеса творит!

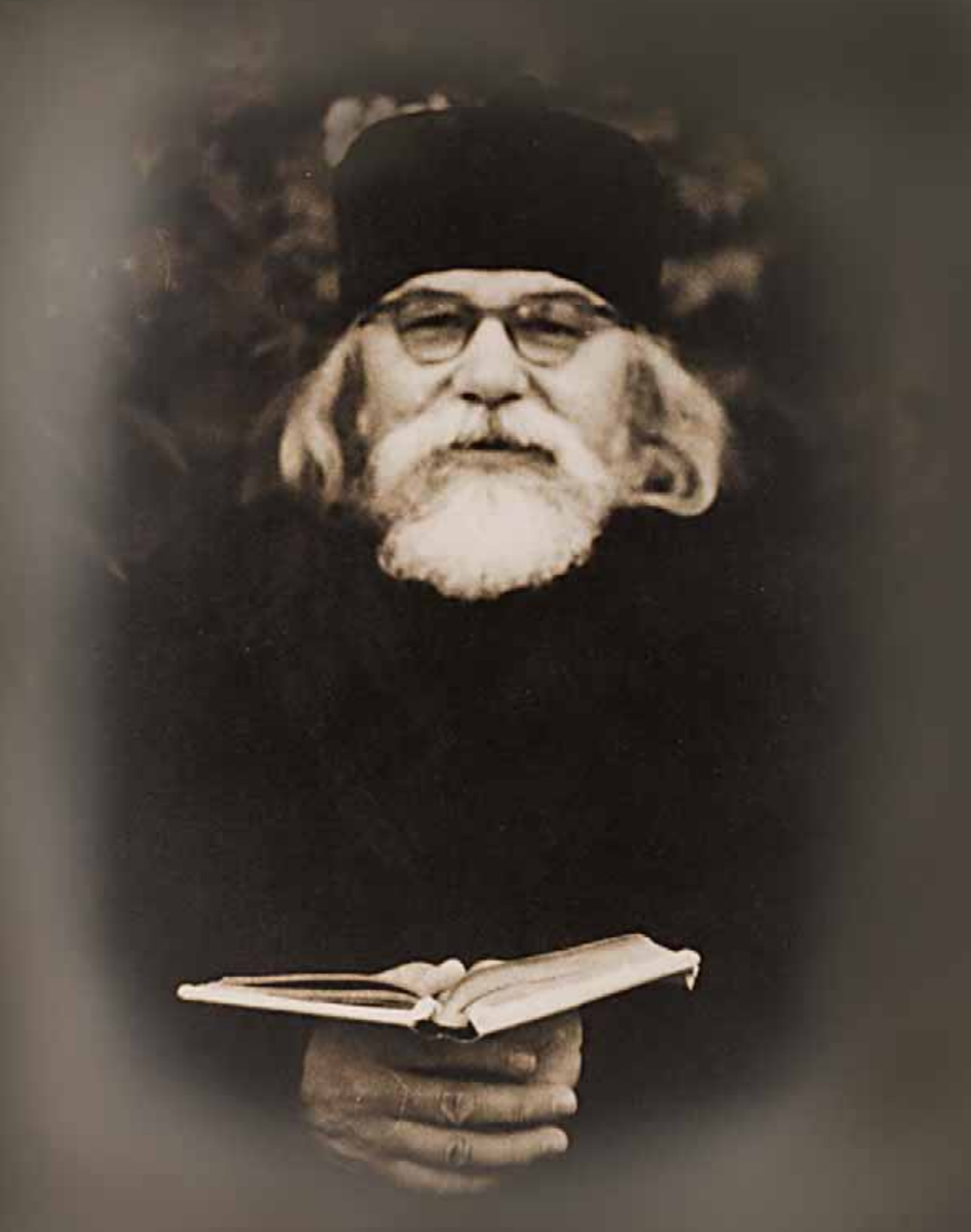
И совсем тихо добавил:

– Я всегда знаю, когда вам тяжело, когда вы нуждаетесь в моих молитвах и обращаетесь ко мне, я это чувствую. Я знаю, что вы просите молиться, и всегда молюсь за вас.

Батюшка обнял мою голову своими руками, прижал к груди, и, как всегда, все тяготы, заботы и переживания исчезли. Была только одна мысль: «Подольше бы батюшка так не отпускал».

Что может быть важнее и утешительнее этих слов? Что еще нужно мятущейся по волнам моря житейского душе, как не быть удерживаемой любовью в отеческих объятиях старца? Что еще хочет услышать ухо, как не тихое биение любящего сердца.

Можно преодолеть все тяготы и лишения, зная, что есть на земле человек Божий, который может сказать такие слова и так помолиться за тебя».



Господь Сам вас привел сюда.
Вы понимаете ли, что это чудо?

Огромная редкость такой дар —
жить жизнью того человека, с которым
разговариваешь. Батюшка обладал им в полной мере.
Святые от грешных людей тем и отличаются,
что проживают не одну, а тысячи жизней

О своем возвращении в лоно Православной Церкви под руководством и молитвенным покровом отца Иоанна рассказывает художник Геннадий Усачев[82], ставший монахом Михаилом.

«Мы познакомились с отцом Иоанном в 1970 году. Ни о Боге, ни о том, что Он – источник жизни, мы с друзьями не задумывались. Всеми страстьми одержимые молодые художники, и было нам в ту пору чуть больше тридцати. Единственное, до чего смогли «дотянуться» в этом возрасте – до «духовной науки» Штейнера[83], которой мы и руководствовались. Мой друг Алексей Чухин[84] (позднее он станет священником) повстречал в Ярославле Татьяну Сергеевну Смирнову[85]. Выслушав его рассуждения о «духовности» Штейнера, она предложила ему поговорить на эту тему с отцом Владимиром Правдолюбовым, который жил в Касимове: «Хороший батюшка, не пожалеешь!»

В свои 34 года я был уверен, что священники – народ недалекий, выдумали себе какую-то идею и на этом зарабатывают деньги. Такого же мнения придерживался и Алексей. Только ради любопытства пошел он к отцу Владимиру. А тот в первом же разговоре разнес любимого нами Штейнера в пух и прах. Математик по образованию, отец Владимир рассуждал о штейнерианстве без запальчивости и очень

Монах Михаил (Усачев)

убедительно. Нас это удивило. Появилось желание видеться со священником почаще. И мы стали ходить к нему в храм, где и узнали, что совсем недавно служил в Касимове замечательный священник, звали его отец Иоанн (Крестьянкин). Поведала нам о нем бабушка Христина. Кто она была такая? Да просто бабушка. Все в ее жизни было подчинено Богу и Церкви. Она-то и рассказала нам, как все полюбили отца Иоанна, да так, что и отпускать не хотели. При нем много народа стало ходить в церковь. Словом, она нам посоветовала: «Поезжайте в Печоры к отцу Иоанну».

Мы послушались. Приехали в город, о котором ничего не знали, смотрим: народ куда-то идет, мы – за ним. Пришли в церковь, отец Иоанн как раз служил молебен. Молящихся толпа. В то время молодежь редко в церковь заходила. И нас сразу заметили. По окончании службы и отец Иоанн обратился к нам с вопросом:

– А это кто к нам приехал? Такие молодые да симпатичные!

И так весело, радостно спросил:

– Кто вы такие? И зачем сюда приехали?

Мы подошли ближе, отвечаем:

– Приехали из Питера. А мы в Касимове были. Нас прямо оттуда к Вам и направили.

Отец Иоанн:

– Да-а? Это хорошо! Касимов – град святой, и люди там Божии!

И начал вспоминать отца Владимира, отца Анатолия, касимовских прихожан. Люди кругом стоят, слушают. Потом спрашивает:

– Где вы остановились?

Печоры, 1970-е гг.

– Нигде, мы только что приехали.

Он сразу закричал:

– Кто возьмет их, кто?

И с улыбкой на всех смотрит. Раздались крики: «Мы возьмем!» Тут подходит бабуля, Анна ее звали, она трудилась в овощном складе в пещерах. Ревностная подвижница. «Я забираю!» – говорит. А оказалось, что у нее и дома-то нет. Ее саму местные прихожане, Володя с женой Евгенией, взяли к себе пожить на какое-то время. А она еще и нас с собой приводит, хозяин дома глаза вылупил! А что поделаешь? Они с женой тоже были особой закваски. Каждое утро бежали на раннюю литургию, вера была стержнем их жизни. Они приехали в Печоры из Белоруссии, купили избушку – сплошные щели. Ноябрь, холодина жуткая в доме. Хозяева нам отдали свою кровать односпальную, а сами спали на плите: печь протопят и ложатся.

Мы ежедневно стали ходить в монастырь, и всему, что видели и слышали, поражались. Таких людей, как отец Иоанн, в своей жизни мы еще не встречали – прямо фонтаном из человека бьет любовь к людям, он себя как бы забывает совсем.

Батюшка уделял нам много внимания. После службы подолгу разговаривал в келье, помазывал маслицем, кропил святой водой. А мы-то что? Замученные питерской жизнью, затырканные суетой мрачные люди. Постепенно мрак этот стал отходить, уступая место радости и надежде. Отец Иоанн расспрашивает:

– Кто мы, как живем, к чему стремимся?

Узнав, что мы художники, просиял.

– Как хорошо-то. Из художников многие приходят к Богу. У нас наместник отец Алипий – художник-иконописец. Иконы его видели? Не видели? Сейчас же пойдите и посмотрите. Вы иконы пишете?

Такой разговор состоялся при первой нашей беседе.

– Да нет, пока не пробовали, – мямлили мы в ответ.

– Надо учиться иконы писать, служить Церкви. Хватит на всякие лозунги время тратить. – Руками замахал:

– Все, все, все! Господь Сам вас привел сюда, это же чудо! Вы понимаете ли, что это чудо?!

А что мы там понимали... Нам говорили, что отец Иоанн святой человек, но мы и представить себе не могли такой любви, такой непосредственности и свободы. Батюшка сразу вошел в нашу жизнь. Уехали из Печор в восторге и по приезде в Питер заявили нашему штейнерианскому «гуру»: «Мы были в Печорах и поняли: Штейнер – полная туфта, а вот Православие-то – это да!» И, естественно, наши пути разошлись навсегда.

В Питере стали ходить в церковь . В те времена все было непросто. Причащаться приходилось в разных храмах, повсюду наблюдали за молодыми, да еще и с детьми, «государевы очи». А отец Иоанн нас благословил причащаться каждое воскресенье, но только с подготовкой:

– Главное в том, чтобы видеть греховность свою. Видите вы ее?

– Не видим, батюшка.

– Будем учиться. Это у Отцов называется трезвение. На исповеди надо не перечислять грехи, а каяться в них... Таинство Покаяния!

Эти слова отца Иоанна: «Каяться надо на исповеди, видеть свою греховность и каяться» – мне с самого начала запали в душу. Позже я в книгах об этом прочел сам. Но наставил-то на путь верный нас отец Иоанн! Он прекрасно видел, что мы ничего не понимаем в Пра-

вославии, и терпеливо разъяснял нам, что такое исповедь, что такое молитва. Для нас это было откровением.

Батюшка стал приучать нас к чтению святоотеческих книг. Много позднее большим открытием для меня стали труды святителя Игнатия (Брянчанинова). Ясным взглядом на христианство и на монашество они меня потрясли. Прочитал я первый том и узнал, что есть еще четыре. Но где их достать? Стал искать. Нашел в Киргизии и туда поехал. Всю зиму переписывал эти книги, чтобы иметь постоянное духовное руководство. Так труды святителя Игнатия легли в основу нашей духовной жизни. Отец Иоанн порадовался за нас:

«Святитель Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник – это великие учителя, Богом данные России».

Отец Иоанн предоставлял нам полную свободу действовать в духе тех истин, которые открывал перед нами. Это была премудрость, в ту пору нами не осознаваемая, поскольку гордости и себялюбия в нас тогда было «выше крыши».

Взаимная радость

Около батюшки мы чувствовали себя совершенно свободно, воспринимали его как обычного человека, а о том, что он старец, святой, не думали. Сядет рядом на диване, обнимет тебя, прижмет твою голову и говорит целый час, слышишь, как у него сердце стучит. Он, видимо, специально так делал, чтобы дух мирской нас оставил, страсти покинули... Тогда я этого не понимал, а сейчас знаю, что он в это время о нас молился: «Господи, дай Духа Твоего, дай благодати этим безблагодатным людям, чтобы увидели они положение

свое и начали каяться». Он настраивал нас на то, что пора жить трезвенно, бороться со своими страстями. Это и есть покаяние, это и есть постоянная молитва. А еще в беседах он нас спрашивал:

– Вот даны тебе творения Святых Отцов, книги даны. И ум дан. Дан тебе ум? – И по голове так выразительно постучит.

– Не знаю, батюшка.

– Как не знаешь? Ведь голова-то не для того только, чтобы шапку носить. Мы же не можем жить одним плотским умом, для спасения нужен разум духовный. Для этого-то вы и читаете!

Сидим с открытыми ртами – какой там «духовный разум»? Долго не понимали, что это такое. После бесед с отцом Иоанном у нас все пошло иначе: началась борьба с грехом и со страстями. С теми, которые мы сами в себе за долгие годы взрастили, которым позволяли порабощать себя. И стыдно сказать, даже не понимали и значение этого слова – «страсти».

Человек я был семейный. Ездили мы к батюшке всей семьей. Чудо и то, что жена относилась к отцу Иоанну точно так же, как и я, с такой же любовью, благоговением и получала от него не меньше, чем я. Возвращалась из Печор укрепленной и терпела всю нашу несуразную жизнь. Я работал то плотником, то художником-оформителем, зарплата была не больше семидесяти рублей – просто издевательство какое-то было с моей стороны над нашей семейной жизнью. Жена была смиренной, теперь ума не приложу, как она все это выдержала. Жили мы очень бедно, тогда я этого не осознавал. Но дело даже и не в бедности, а в крайнем неразумии такой жизни. Несмотря ни на что мы радовались, отец Иоанн был нашей опорой.

Вспоминаю, как-то батюшка нам рассказывал про свое детство. Дело было на Пасху, ему в ту пору едва минуло семь лет. Дома никого нет, он один. На столе пасхальные яства. И руки у него сами потяну-

лись к куличу, отщипнул и попробовал. И тут же подумал: «А ведь я согрешил». Потекли слезы. «Я помню до сих пор этот грех», – говорил батюшка. С раннего детства он имел понятие о том, что такое грех. При этом разговоре вспомнил и я, как рос: блатная обстановка, матерщина, воровство... Его детство и мое – как небо и земля.

Ко времени нашего знакомства отец Иоанн был уже всецело предан водительству Божией благодати. О раннем же периоде своего духовничества он вспоминал:

«Иногда я от своего ума говорил, то иногда ошибался, а когда слушаю, что Дух Божий шепчет, ошибок не бывает».

Доберешься до батюшки, о жизни своей расскажешь, все тайны раскроешь, и благодать Божия через него тебя приголубит, согреет и очистит, и всякие страхи, все скорби уходят.

Мы благоговели перед самой кельей отца Иоанна. Вспоминаю такой случай: сижу в келье, вдруг стук в дверь, и орет кто-то басом. Думаю: «Ничего себе!» Дверь открывается, и на пороге священник, собой всю келью заполняет, меня не видит, кричит: «Батюшка, у меня к Вам три вопроса!» В ответ слышен спокойный ласковый голос отца Иоанна: «Смирение, покаяние, терпение, страх Божий». Тот успокаивается, на лице появляется умиротворенная улыбка.

Я был свидетелем разных бесед отца Иоанна и всегда поражался: с людьми плотского духа он говорил о духовном, но на их языке, так, что они понимали его и уходили приподнятые над собственной жизнью. Он сразу видел, с кем говорил. Помню, приехал я к нему, сидим в келье, и вдруг его наместник вызывает. Закрыл меня батюшка, и долго его не было. Вернулся, только начали разговор – опять стук в дверь; перед кельей его почти всегда стояла очередь: священники, паломни-

ки... Его постоянно отвлекали. Выскочит, там поговорит с кем-то, возвращается, и всякий раз улавливаешь его настрой именно на беседу с тобой. Огромная редкость такой дар – жить жизнью того человека, с которым разговариваешь. Батюшка обладал им в полной мере. Святые от грешных людей тем и отличаются, что проживают не одну, а тысячи жизней.

Отец Иоанн частенько говорил со мной об иконописи. Однажды мы идем с ним со службы и проходим мимо иконы Благовещения, которую написал отец Зинон[86]. Батюшка остановился: «Вот, Геннадий, смотри, разве это Благовещение? Архангел наступает на Богородицу, словно спортсмен, и Она в испуге отпрянула от него, Та, которая рекла «Се раба Господня». А ведь Архангел-то подходил к ней со страхом и благоговением. Суть иконописи – в духе Православия, а дух Православия есть дух покаяния, смирения. Сие – в иконе, сие и в пении...»

Потом я над его словами много думал, особенно когда взялся писать иконы в храм деревни Хвоенка. Все там пребывало в ужасном запустении, а работу надо было делать очень быстро. Я приехал к отцу Иоанну, а он с испугом на меня смотрит: «Ты взялся за это дело, а сможешь ли?!» Я самоуверенно говорю: «А чего, батюшка, не смогу-то? Я ведь учился на монументальной живописи». «Ну-ну, учиться-то ты учился, но ты не представляешь, какое это ответственное дело, ведь там многих икон вообще нет, они двухметровые, их надо писать заново. – И меня при этом по колену постукивает: – Пока не поздно, откажись». А как я откажусь, когда сижу без копейки, а тут мне обещают, что будут платить.

А вскоре приехал в храм митрополит Иоанн (Разумов). Он смотрит на меня так сурово:

– Ты иконописец или художник?

– Художник.

После праздничной службы Пророку Илии, село Юшково

– А ты иконы-то писал когда-нибудь?

– Писал.

– Что ж, благословляю тебя, трудись с Божией помощью.

А дело действительно непомерное: пятиярусный иконостас, да еще там ничего не видно, одна чернота, все голубями засижено. Отец Иоанн переживал: «Митрополит тебя благословил, все, что можешь, делай и молись, и мы будем молиться». Все лето, начиная с мая и до конца октября, всей семьей жили в деревне. Трудился я ревностно. Приехали на освящение и митрополит, и отец Иоанн, много народа. После окончания службы за трапезой кто-то говорит владыке:

– У нас священника столько времени нет, когда Вы нам его дадите?

Владыка помолчал. И вдруг неожиданно, глядя на меня, сказал:

– Вот художник сидит, я вам его рукоположу.

Отец Иоанн наклоняется и говорит митрополиту:

– Владыко, у него есть каноническое препятствие.

А батюшка ранее говорил мне: «Найдется владыка, который не посчитается ни с какими препятствиями и тебя рукоположит, но мне хотелось бы, чтобы все у тебя было чисто». В отношении к канонике отец Иоанн был очень строг: «Апостол Петр на Страшном суде скажет о тебе: «Вот он наши Апостольские правила презрел!» Напугал меня. Куда мне прыгать через Апостольские правила? Я даже мысли о священстве старался не допускать, хотя меня со всех сторон подталкивали к этому. Сан я так не принял, но по любви к Господу стал монахом.

Случилось так, что в жизнь моей семьи пришла беда: жена угасает от рака и, как любой человек, боится смерти. Поехала со своим горем к отцу Иоанну. И чудо – возвращается от него совершенно успокоенная. Бояться смерти перестала. Как-то так сумел он поговорить, что стала ждать она не смерти, а перехода в радость Вечности, в обитель Света. Позднее и сам батюшка, готовясь к смерти, говорил о крае небесной лазури, которую уже видел за порогом жизни.

После смерти жены я остался с двумя малыми детьми. И отец Иоанн ни о священстве, ни о монашестве со мной не говорил, но все напоминал: «У тебя дети на руках, подрастут – тогда и видно будет. Сейчас же твое дело – воспитать их не на погибель, как это теперь у многих. Вот когда твой сын Илья пойдет в армию, тогда я тебя благословлю на монашество».

Отец Иоанн мудро определил главное для меня на этот отрезок жизни и стал в этом помогать. Я-то никаких понятий о воспитании не имел. Отец Иоанн неустанно повторял, что для детей важен пример отцовской жизни. А еще советовал читать с детьми жития святых. «Ты не представляешь, каким чудесным образом это потом отразится на жизни детей», – говорил батюшка. Я следовал его совету, читал им Димитрия Ростовского и Киевский Патерик посто-

янно. И помню, живо переживая прочитанное, мы плакали, и я сам, и дети...

Ребята мои подросли, я неожиданно и самовольно принял монашество. Поехал я на Валаам писать иконы, и пример монашеской жизни увлек меня. Помолился я Богородице: «Матерь Божия, Ты знаешь, как я хочу быть монахом, как я люблю монашество. Но у меня на руках сын, дочери к этому времени уже вышли замуж. Возьми моего сына под Свой Покров и благослови меня принять постриг».

Сыну я написал письмо: «Если ты не против – я стану монахом». И он меня благословил: «Папа, это прекрасно. Не бойся – я проживу».

Первый раз после пострига ехал я к отцу Иоанну со страхом. Думал, что он отругает меня. А батюшка увидел меня: «Слава Богу! Монах Михаил приехал». Обнял, целует, как будто ничего не произошло. И для него это характерно. Он давал свободу, если человек решает что-то сам, слава Богу, это очень хорошо, значит, он на своих ногах стоит. Мы нередко сравнивали отца Иоанна с Иоанном Кронштадтским. Батюшка, как и он, был редким самородком, с детства предназначенным к служению Богу. Вся жизнь его, Господом направляемая, и дары имела соответствующие.

Первый дар – это любовь ко всем людям, а не только к хорошим, как и у праведного батюшки Иоанна Кронштадтского. Оба они беззаветно служили всем, совершенно забывая себя. Память их сохраняла огромные синодики, потоки людских жизней... Сам отец Иоанн Кронштадтский перед смертью скорбел, видя, что безбожие набирает силу. Также и отец Иоанн (Крестьянкин). В своих проповедях он взывал: «Что мы делаем? Что творим? Мир гибнет!»

Какие же это были проповеди! Люди впитывали его слова, как губки. У него такой дар: говорил простые вещи, а прямо в душу вклады-

Монах Михаил с сыном иеромонахом Авелем

вал. Это не проповедь, не гомилетика, это излияние Духа Святого через Слово... И все у него так было. Даже простое каждение. Идет батюшка по храму с кадилом. Не только иконы, а каждого кадит с такой любовью, что все поворачивались к нему, как к солнышку.

А чтение Евангелия! Это не чтение, это излияние благодати. Сейчас я это хорошо понимаю. Он имел особый дар быть проводником благодати Божией! Через него любовь Божия наполняла наши души. Бывает ли большее чудо на свете?»

Отец Филипп Филатов познакомился с отцом Иоанном тоже в начале 1970-х годов, он был светским человеком. И эта, казалось бы, случайная встреча изменила его духовное устроение. «Вспоминаю свою первую поездку в монастырь. У меня сразу возникло ощущение, что я приехал к родным и мне здесь искренне рады. Встреча с отцом Иоанном меня поразила, я увидел старца, благоговейного к людям и заботливого отца. Господи, Милостивый! Какой необыкновенный человек, какой энергичный, его тепла хватает на всех! И откуда такие люди берутся? Хоть побыть бы рядом, пару слов сказать». Позднее

Проповедь в Михайловском соборе, 1970-е гг.

я узнал, что и за малое время общения он успевал столько вложить доброго и светлого в твое сердце, что хватало надолго.

Отец Иоанн, узнав, что я собираюсь пробыть в монастыре не день-два, а две недели, обрадовался и сам повел меня к благочинному. С пропиской возникли проблемы, но отец Иоанн ласково, но настойчиво убеждал: «Нет-нет, человек потрудиться приехал. Нельзя его не прописать. Он непременно должен у нас пожить, непременно!» – так началось наше знакомство.

По благословению батюшки я стал приобщаться к монастырской жизни. Утро. Братия, вернувшись из храма, трапезуют за длинными столами в коридоре. Вдруг по столам проходит волна – батюшка отец Иоанн идет, батюшка Иоанн идет! Батюшку тотчас окружили плотным кольцом. Те, кому посчастливилось оказаться в центре рядом с ним, о чем-то спрашивали, те же, кто не мог пробраться ближе, через головы протягивали руки за благословением. На ходу благословляя самых шустрых, отец Иоанн постепенно продвигался по коридору к выходу. При этом он периодически выставлял руки ладонями вперед и, ласко-

во улыбаясь, скороговоркой повторял: «Скорый поезд, скорый поезд. Наместник вызывает. Что будет-то, что будет! Скорый поезд, скорый поезд!» Так он пытался объяснить окружающим свой безотлагательный уход.

Впоследствии я часто видел подобное: то батюшку поджидали у дверей храма, то старались перехватить на монастырском дворе. Но что я хорошо запомнил – отец Иоанн, как бы ни был занят, куда бы ни спешил, никогда не отказывал людям в благословении, всегда находил минутку для ласкового слова, для улыбки.

Ко всем, кто бы к отцу Иоанну ни приходил, он относился как к детям, нуждающимися в сочувствии, ласке и утешении. Придет старушка на исповедь, кажется, все-то уж ей ведомо, и детей подняла, и внуки повзрослели, чем ее жизнь удивит или обидит? Ко всему притерпелась! Скажет ей батюшка ласковое слово, и откроется она навстречу теплу, начнет рассказывать свои застаревшие скорби и печали – то сын обидит долгим молчанием, то невестка резко ответит, вот и заплачет бабулька, а выскажет все, что на сердце, утрет слезы, расправится, заулыбается. Всем все простила, со всеми опять в мире да любви, пойдет из храма с облегчением.

Помню, как поехали мы в Москву с Николаем Николаевичем Гришиным – духовным чадом отца Иоанна. Он занимался наукой, исследовал серебристые облака, позднее стал священником. В Пскове к нам должен был присоединиться отец Иоанн. Он ехал в Москву к Патриарху Пимену[87]. Батюшка вошел к нам в купе, улыбнулся, сел, и сразу же завязался общий разговор. Спать-то мы в ту ночь, конечно, не ложились: разве можно было тратить время на сон, когда рядом такой человек? Наш сосед по купе пожаловался отцу Иоанну, что после фронтовой контузии он плохо слышит. И такая печаль была в его голосе! Отец Иоанн взял скорбящего за руку: «Милый, ну подумай, за-

чем тебе все-то слышать? Ведь в речи и брань, и пустого много. Зачем все-то слышать? А что тебе надо, то ты услышишь, то Господь для тебя непременно откроет». И так он это мягко сказал, столько любви было в словах батюшки, так мудро он грустное полезным для человека представил, что тот повеселел и оживленно стал участвовать в разговоре. Только в этой поездке мы неприметно для себя получили множество назиданий. Вспоминаю ее, будто вчера все это было.

Пришло время поужинать. На столе появилась воздушная булка белого хлеба, она была завернута в красивую легкую бумагу. Неожиданно отец Иоанн произнес: «Вот завернули хлебушек, а зачем? Грязи-то на нем тьма». Мы всполошились: «Хлеб из магазина, и мы не припомним, чтобы его роняли?» Но отец Иоанн продолжал: «Смотрите сами: хлеб-то нынче какой: пашут с матом, сеют с матом, убирают с матом же, пекут с руганью и продают со злом. Вот вам и грязь, да еще и несмываемая». «Что же делать?» – в один голос воскликнули мы все. «А мы хлебушек перекрестим – нечисть и разлетится. Помолимся, и отступит вся грязь. Кушайте на здоровье».

За эти дорожные сутки отец Иоанн поспал всего два часа. Позднее я узнал, что обычно на отдых он урывал часа четыре из двадцати четырех, остальное время – молитва, послушания, общение с бесконечным потоком людей, идущих к нему за советом и утешением.

В один из приездов я оказался в келье отца Иоанна с человеком, который хотел стать священником. Но времена для Церкви были трудные, а у него дети. Он засомневался:

– Отец Иоанн, а ну как голодать станем? И ладно бы я, а то дети...

– Да о чем Вы говорите? – удивился батюшка. – Вот я в Рязанской епархии в деревнях жил, времена-то были какие... Так утром встану, а на окне уже кринка с молоком стоит. Ночью после молитвы спать ложусь, в домике напротив свет еще горит – Мария, соседка, по хозяй-

Сослужение с отцом Николаем Гришиным

ству хлопочет. Огород, коровка, дом, семейство. На рассвете на молитву встаю, а у нее уже свет горит. Да и обо мне она не забывала: молочко свежее и меня ждет. И когда она, моя умница, отдыхает? Священник на Руси никогда голодным не останется. С ним последним куском поделятся, от себя отнимут, а батюшку накормят. Нет, голодать не будете, а так только – как и все. Не все легко, но и всем нелегко.

Мы ездили в монастырь за духовной пищей. Я возвращался домой спокойным и уравновешенным. Перед отъездом Иоанн принимал у себя в келье, благословлял в дорогу: «Приложись к иконам, давай почитаем акафист твоему святому – Филиппу, попросим его о путешествующем». Кропя святой водой, он приговаривал: «Ты рубашку-то расстегни, чтобы поглубже покропить. Вот так, до сердечка, до самого сердечка. Хлеба монастырского я тебе принес».

Вот эта забота так трогала! Отец Иоанн на крыльях вокруг тебя летает. У него такое сердце, которое всех вмещает, никого не отвергает. И мы тянулись к его горячему сердцу. Однажды я тихо спросил отца Иоанна:

Молебен

– Батюшка, а я могу стать священником?

– Конечно, а почему же нет? Ты веруешь, венчан, надо начинать изучать правило ведения служб, и с Богом!

Постепенно отец Иоанн пробудил в душе моей желание служить Богу и людям. И стал батюшка мне самым близким человеком. Просто, мудро пестуя мою душу, он освятил примером своей жизни мое будущее, добром и любовью своей души приготовил меня к принятию сана.

У кельи отца Иоанна всегда толпился народ. И кого только там не было: и духовенство, и студенты, и хорошо одетые интеллигентные люди, и простые деревенские бабушки. Все стояли и ждали. Кто приема, кто ответа на письмо или просто возможности задать важный вопрос. И вот среди этой пестрой толпы однажды прямо у окошка напротив батюшкиной кельи на полу устроился какой-то молодой «хиппи». Он, насупившись, жался к стене, а грязновато-оборванный вид его венчал немыслимый колтун на голове, который он не расчесывал длительное время. Народ недовольно сторонился этого посетителя, а кое-кто и шикал. Неожиданно в коридоре показался отец Иоанн. Старческими, но быстрыми шажочками он приближался к этому «чуду». Увидев юношу, батюшка остановился, посмотрел на него с любовью и вдруг ласково и весело сказал: «Ой, какой лохматик!» От такого неожиданно приветливого обращения «лохматик» расплылся в детской беззащитной улыбке. Батюшка это тотчас увидел и понял, что преграда снята и человек его не боится, и он продолжил: «Надо головку расчесывать каждый день, и даже чаще.

Вот я всегда свою голову причесываю и даже расческу ношу с собой в кармане... Да-да, вот так!» Сказал и исчез за дверью своей кельи, оставив «лохматика» сраженным, умиленным и пристыженным. И не только его. Всем наблюдавшим эту сцену было как-то светло и весело и одновременно немного грустно от собственной черствости. И хотелось верить, что этот урок любви не прошел для всех даром. А для этого запутавшегося в одичалом и холодном мире «лохматика», лишенного дома и каких-то элементарных основ, послужил толчком к поиску спасительных путей в жизни. И, быть может, с расчесывания колтуна на голове он начал распутывать что-то в самом себе.

Полюбите ближнего!
И вы полюбите Христа

Так и сейчас, если мы сами изберем жизнь по заповедям Божиим, то ситуация в России изменится… Не бойтесь, ничего не бойтесь под покровом Божиим! Миром правит Бог, только Бог, и никто другой

Любовь! Призыв к любви звучал в отце Иоанне постоянно. Он трепетно жил в словах его, являлся в делах, в обращении с людьми. В одном из своих пасхальных поздравлений его сердце пропело гимн любви как великой тайне жизни, побеждающей саму смерть, сам ад. «И тайна эта – любовь! Полюбите! И будете радоваться с другими и за других. Полюбите ближнего! И вы полюбите Христа. Полюбите обидчика и врага! И двери радости распахнутся для вас, и Воскресший Христос сретит вашу воскресшую в любви душу. В этом – наш рай! Это – наше Воскресение! Полюбите Любовь и живы будете Воскресшим в страдании Любви Спасителем!»

«А вот без любви к Богу, – говорил отец Иоанн, – не может быть не только монаха, но и просто христианина». И это было основной духовнической заботой пастыря-монаха. «Как я желаю тебе, чадо мое духовное, чтобы вся жизнь твоя стала служением, и цель ее – труд для Бога, во спасение твоей души... Я призываю тебя к высоте полного самоотречения, которое достигается только любовью. Любовь освящающая, согревающая, оживляющая; Любовь, забывающая себя и отдающая себя всецело Богу, а в Нем и всякому ближнему да будет для тебя тем светочем, в котором возобразится Христос. Только в Нем –

цель, смысл и истинная радость жизни. Все да будет у тебя с любовью», – писал он в одном из писем.

Крестный ход, 1982 г.

1970 год оказался для отца Иоанна насыщенным юбилейными датами. Исполнилось 25 лет его служения у престола и шестьдесят лет от рождения. И как зримую оценку его трудов в день празднования Вознесения Господня его возвели в сан игумена. Обращаясь к владыке и братиям с благодарственным словом, он просил их молитв о своей немощи: «Испросите мне у Христа Господа милость, да даст мне разум благоугождать Ему мыслью, и желанием, и намерением, и делом, да верен Ему обрящуся даже до последнего моего издыхания. Чтобы последние годы моей жизни и смерть моя явились если и не прославлением имени Божия, то и не бесчестием святой Божией Церкви, монашества и святой обители сей».

Через три года отцу Иоанну «надели» на голову митру. Он стал архимандритом. Батюшка воспринимал митру не иначе как прообраз тернового венца Христова, вслед за возложением которого должен следовать и последний голгофский подвиг.

Подвиг трудов и борений архимандрита Иоанна за себя, за чад, за народ Божий, за монастырь, за Церковь и за Россию продолжался еще 33 года.

Жизнь все это время не скупилась на скорби и раны. Ее шипы вонзались и в главу, и в сердце. В 1975 году отозвал Господь от земных трудов Отца монастырского – наместника архимандрита Алипия, мудрого, мужественного воина Христова. Вслед за ним один за другим

стали покидать земное поприще старцы: отец Пимен[88] – кавказский пустынник, отец Иероним[89] – олицетворение смирения и кротости, отец Агапий[90] – старец, дерзновенный предстатель и молитвенник за страждущих и плененных от врага, схиигумен Савва[91] – многоплодный и многочадный отец.

Так начиналась новая полоса скорбей, которые кончились для отца Иоанна только с уходом из жизни.

В монастыре происходила смена поколений. Новый молодой наместник, пополнение братства юношами, пришедшими с распутий жизни. Воспитанные скорбями и в них возмужавшие до полной преданности Богу уступали место выросшим на худосочной почве самости и эгоизма.

Мир хлынул на монашеские устои жизни и извне, и изнутри, будто рухнула плотина. Сдерживать разрушительную силу этой стихии, постепенно усмиряя бунтующий дух, стало первейшей задачей старых насельников монастыря.

В батюшкином лексиконе появилось неслыханное ранее выражение: «Он из Шаталовой пустыни». Проходило некоторое время, и новый насельник отправлялся искать ту самую «пустынь» на необъятных просторах России. А отец Иоанн, благословляя вослед ушедшего, скорбно молился: «Кого мир народил, тем Бог наградил. Слава Богу за все!»

Нередко к отцу Иоанну приходили только-только появившиеся в монастыре духовные детки, выговаривая ему: «Батюшка, Вы вот тут не то сказали и там не так сделали». В ответ старец ласково улыбался: «Не шуми, лес зеленый, прости, так уж я научен». Юному монаху пока и в голову не приходило, что задачи высшей духовной науки ему еще решать рановато, а надо осваивать азы начальной монашеской школы – смотреть, слушать, думать и терпеть, за-

Молитва у храма Псково-Печерских святых

бывая то, чему научился в миру. А пока терпеть приходилось учителю.

Потихоньку, неприметно он смирял бунтарский дух силой любви, силой слова, но главное – учил примером своей жизни. Сколько безмолвных уроков назидания преподал отец Иоанн молодым монахам! Вот одно из воспоминаний*: «Соборне служили праздничную литургию. Причастившись Святых Христовых Таин, я благоговейно отошел от престола к столику, чтобы принять запивку. Неожиданно путь мне преградил пономарь. В протянутой руке он держал ковшичек с красным вином, предлагая мне его испробовать. Пожилой человек, ветеран войны, усердный молитвенник, но была у него слабинка, оставшаяся с военных лет, – наградные сто грамм.

Я смутился. Рой недобрых мыслей без следа стер благоговение и мир души. Молча, отстранив его руку, я прошел к запивке. Тотчас боковым зрением увидел, что за мной следом идет отец Иоанн. И все

---

* Вспоминает архимандрит Таврион (Балов), см. комментарий 92.

Беседа с наместником архимандритом Тихоном и архимандритом Таврионом (стоит)

повторилось. Но батюшка приостановился, взял в руки корец, благоговейно осенил вино крестным знамением и пригубил. Пономарь тихо спросил:

– Годится вино для литургии или на запивку?

– Да-да, на литургию. Вино очень хорошее, – ответил отец Иоанн и, не нарушив своего благоговения, подошел к запивке.

Так вот как легко можно сохранить мир души, никого не осудив и ни в чем не заподозрив! Этот урок остался, как зарубка в сознании, думаю, что на всю жизнь.

Любовь Христова проявлялась в отце Иоанне зримо и формировала духовную евангельскую среду – среду любви, терпения, уважения и молитвы. И этот бесценный дар мы имели от старца ежедневно».

Об отце Иоанне рассказывает духовник монастыря отец Тавриона[92]: «Мы видели и сознавали, что отец Иоанн – человек необыкновенный, самобытный – «не от мира сего». Он явно жил не по стихиям мира, а по Духу, жил по святому Евангелию. И это в нем было так органично, что нам казалось естественным и стало привычным. Евангельский дух с детства в нем воспитала святая Церковь. Он всегда жил в Церкви, жил Церковью, жил для Церкви. Внушал и нам, что надо с любовью и желанием исполнять все, чему учит Церковь. Если в послушании Церкви пожить долгое время, то душа сроднится с ней, входит в ритм ее жизни и бывает послушной ей настолько, что когда Церковь говорит: «Плачьте» – душа плачет покаянными

слезами, а когда слышит: «Радуйтесь» – душа ликует, радуется и веселится как дитя.

И мы постоянно видели эту чистую пасхальную радость нашего старца и звали его «пасхальный батюшка». На эту радость тянулись к нему братья и паломники со всех концов света. Вокруг батюшки «роились» люди, чающие Христова утешения.

Он же, помня заповедь Божию: «Утешайте, утешайте люди моя» (Исх. 40:1), всего себя отдавал этому деланию.

Слова его исходили от любви и были «осолены» благодатью Божией. Принимая посетителя, он никогда не говорил от себя, но всегда искал воли Божией, внутренне молился и просил об этом Бога. Видимо, поэтому батюшка не приглашал к себе на беседу только что приехавшего человека. При встрече он кратко узнавал причину приезда, благословлял пожить и помолиться в обители, исповедаться и причаститься. В келье же принимал в день отъезда. Сам все время в своем сердце носил этого человека и молился о нем. Приезжий согревался душой под его молитвенным покровом, не разумея, откуда исходит тепло и покой. Его неурядицы разрешались как бы сами собой. А при прощальной беседе отец Иоанн говорил: «Нам остается поставить только печать на принятое сердцем решение».

Удивительна, бездонна память старца. Человека, встреченного однажды, он помнил всю жизнь. Отец Иоанн именовал этот дар «памятью сердца». Да, он принимал сердцем всякого человека. Но это была еще и молитвенная память. Из молитвенной памяти и памяти сердца составился бесчисленный синодик отца Иоанна.

А как он молился за богослужением в храме, можно судить по такому эпизоду. Во время чтения часов перед литургией кто-то спросил его: «Правда ли, что за литургией вместе с нами служат Богу ангелы?» Старец с некоторым недоумением посмотрел на вопрошавшего,

«Тебе поем…»

немного помолчал и ответил: «А разве ты не слышишь шороха их крыл в алтаре?»

В своем служении ближнему, а ближним был всякий, кто в нем нуждался, отец Иоанн был неуемным и неутомимым. Конечно же, он в полной мере познал немощь естества, но его любовь преодолевала и немощь.

Келья благочинного была через тонкую стенку с кельей отца Иоанна, и он свидетельствовал, что соседство это весьма беспокойное: в пять утра быстрые шаги извещали, что батюшка уже на ногах, через короткое время входная дверь всем доложит, что его трудовой день начался, он спешит на службу. А поздним вечером далеко за полночь слышно его воркование, слов не разберешь, но то, что там еще люди, понятно. Во сколько кончался прием, сказать трудно. Благочинный засыпал под это воркование раньше, чем за стеной наступала ночная тишина.

И это было ежедневно. Когда и сколько он спал, установить было невозможно. Иногда, изумляясь его энергии, у батюшки спрашивали о ее источнике. Он шутливо отвечал, что таким надо родиться. В за-

думчивости задавал вопрос уже себе: «Почему я так летаю в 80 лет? – И тут же отвечал: – Думаю, что совесть у меня чиста».

Удивительно, что даже в преклонные годы, несмотря на занятость душепопечением, он никогда не пропускал церковные богослужения. Обязательно ходил на братский молебен преподобномученику Корнилию, молился за литургией и вечерним богослужением и всегда поминал записки и синодики.

Иногда ему случалось и опаздывать к службе. При этом он чувствовал себя виноватым и непременно просил прощения у молящейся братии. Однажды так объяснил причину опозданий: «Услышу звон к службе, надо собираться в храм, а в келье еще люди. Пока проводишь, бежишь, а по пути кто-то еще остановит: «Батюшка, минуточку». На ходу благословляю: «Ни минуточки, ни минуточки, простите, опаздываю». Пробегаю мимо. Сделаю шаг, другой, а совесть-то и заголосит: «Куда бежишь? Молить и просить Бога? А сам не хочешь остановиться и выслушать!» По инерции сделаю два-три шага к храму, потом разворачиваюсь: «Милая, ну что там у нас?» Вот и опоздание – простите великодушно. Горе! И опаздывать грех, и отмахнуться, пройти мимо – беда!»

Очень трогательно беседовал отец Иоанн с посетителями. Приклонит свое ухо прямо к устам собеседника, а то и к груди или к сердцу и слушает, слушает, не перебивая. Видно, что молится и вслушивается в то, что в его сердце творится. Потом быстро кое-что уточнит для себя и подводит итог. Рассудительно упорядочит все и дает благословение, как жить дальше.

Но бывало, что беседы затягивались. Отец Иоанн несколько раз возвращался к обстоятельствам дела. Приводил примеры из своей жизни. Иногда казалось, что разговор уклоняется от поставленного вопроса. Вдруг неожиданно старец обрывал речь и решительно объяснял, что и как надо бы сделать. При таких разговорах было явно,

Весна на Святой горке, 2003 г.

что отец Иоанн молился и ждал извещения Божьего. Когда ответ на его молитву приходил, беседа тотчас и заканчивалась.

Оставалось неведомым, когда он отдыхал. С шести утра он был в храме. По выходе, окруженный толпой паломников он, со многими остановками, беседуя на ходу, приходил в приемную комнату, где душепопечение продолжалось до звона на обед. Он даже не мог отлучиться, чтобы сменить промокший от пота подрясник. После обеда прием посетителей продолжался до звона к вечерней службе. И так ежедневно. А в келье его ждали десятки писем, требующих не только ответа, но и слезной молитвы.

Великое благо жить рядом со старцами, даже если мы не смогли до конца понять уроки их святой жизни, а тем более осуществить их своим опытом, но по милости Божией запечатлели их в наших сердцах.

Милующее и любящее сердце отца Иоанна сорок лет излучало в монастыре благодатный свет. И мы привыкли выверять свои дела и мысли его отеческой любовью. Слово его было одинаково значимо для каждого насельника монастыря – от наместника до послушника и трудника.

Он примирял нас, гасил недоумение, врачевал сомнение и уныние, вселял веру. Помогал каждому с теплой надеждой нести свой крест.

Любовь отца Иоанна – это дар Божий. Христос – пример абсолютной Любви. И старец наш – носитель любви Христовой – был путеводителем в христианском житии многим и очень многим».

Воспоминания самого отца Иоанна и его наблюдения монашеской жизни прошлого были для насельников тоже хорошей школой: «Служил у нас в Орле замечательный владыка – архиепископ Серафим (Остроумов) – умнейший, добрейший, любвеобильнейший. Жизнью своей он как бы готовился к венцу священномученика, что и произошло действительно. Так вот, этот Божий архиерей в Прощеное воскресенье изгоняет из монастыря двух насельников – игумена Каллиста и иеродиакона Тихона за какой-то проступок. Изгоняет их принародно и властно, ограждая от соблазна остальных, и тут же произносит слово о Прощеном воскресенье и испрашивает прощение у всех и вся.

Случившееся ошеломило мое детское сознание именно потому, что все произошло тут одновременно: и изгнание – то есть отсутствие прощения, и смиренное прошение о прощении себе самому, и прощение всех. Понял я тогда только одно, что наказание может служить началом к прощению, и без него прощения быть не может.

Теперь-то я преклоняюсь перед мудростью и мужеством владыки, ибо урок, преподанный им, остался живым примером для всех присутствующих тогда, как видите, на всю жизнь».

А на вопрос, как избежать неприятностей, которые могут возникнуть в жизни, если всех видеть вокруг себя доброжелательными, отец Иоанн уверенно отвечал, что «такого смиренного человека Сам Господь сохранит от неприятностей и бед, которые могут возникнуть от такой ошибки. Попробуйте опытно и узрите правду и силу Божию сами».

Святейший Патриарх Пимен

Никто не видел батюшку ни унылым, ни смущенным. А ведь и он жил не без скорбей, наносимых злобой бесовской и завистью человеческой. Благодушие и благодарность Богу за все были ему надежным покровом. Вера в благость Божию и спасительный Его Промысл освещала сгущающуюся тьму.

На столе под рукой его лежала маленькая, потрепанная, много раз реставрированная книжечка без титульного листа. На первой странице мелким шрифтом текст: «Досточтимой Госпоже моей и Боголюбезной Диаконисе Олимпиаде Иоанн Епископ в Господе радоваться».

Святой Иоанн Златоуст, стойкий воитель Божий и столь же стойкий страдалец, беседовал с отцом Иоанном (Крестьянкиным). Многие места в книге аккуратно отмечены карандашом. «Что смущает твою душу? О чем скорбишь ты и крушишься? Что жестокая и мрачная непогода облегла Церковь и все обратилось в безлунную ночь? ...Что больше и больше растет и умножается гибель вселенной? ...Видя это, я не отказываюсь от лучших надежд моих; думаю о Правителе всех происшествий, Который не искусством побеждает непогоду, но единым мановением укрощает бурю»*.

В 1970-е годы Промысл Божий опять властно явился в исторической судьбе России. Окончил подвиг стояния на страже Дома Божия Святейший Патриарх Алексий I. Промысл Божий, вопреки человеческим ожиданиям, усмотрел к Российскому Церковному кормилу «мужа по сердцу

---

* *Иоанн Златоуст свт.* Письма к Олимпиаде. М., 1997.

Своему». Не умнейший, не мудрейший, а опять простейший – Пимен – стал Отцом отцов, четырнадцатым Патриархом Московским и всея Руси.

В эти же годы, после десятилетий воинствующего безбожия, после неистовых хрущевских гонений на Церковь, вопреки безбожному воспитанию в семье, школах, многие стали обращаться к вере. Господь призвал – и рухнули все преграды, и пошли за Ним многие молодые и немолодые люди, устрашившись смертоносного дыхания лжи. Они устремились на поиск правды.

Процесс воцерковления был непростым. Далеко не все, кто пришел к вере в 1970-е годы, сумели ее сохранить. Для кого-то обращение в христианство явилось лишь протестом против насилия. Но и в Церковь такие люди приносили нередко семена бунта. Некоторые впоследствии покинули Церковь, отвергая в ней то, что не соответствовало их самоуверенным представлениям. Другие, оставшись в Церкви, позднее затеяли в ней реформаторскую деятельность и ушли в гибельный раскол. Явилась и ревность не по разуму.

В российском обществе чувствовалось приближение грозы. На смену лжи, фальши и лукавству времен 1960–70-х годов явилось смущение, смятение и неразбериха перестройки. Государственные аналитики, столкнувшись с сопротивлением насильственным хрущевским методам, срочно меняли планы борьбы с ненавистной Церковью. Снова из мрачных адовых хранилищ выплыли идеи и планы революционных обновленцев. В Стране Советов беспрепятственно появилась якобы религиозная литература, которую отец Иоанн назвал «ядом в привлекательной упаковке».

«Мени, Ивановы» и многие другие, печатая свою заказную писанину за границей, безнаказанно заполонили российский книжный рынок невиданной доселе литературой, призванной стать антиправославной пропагандой. А россияне, не имеющие ориентации в вопро-

Успение. Справа от отца Иоанна – издатель Михаил

сах политической, духовной и церковной жизни, с живым интересом прочитывали эти книги, впитывая идеи, чуждые духу Православия.

Но опять враг перестарался. Дерзость и самоуверенность авторов не ограничилась рамками современного состояния Церкви. Они занесли свой бичующий хлыст на то, что всякий русский человек бережно и благоговейно хранит в подсознании, даже и сам того не подозревая – идею о чистоте, правде и святости. Пусть не во мне, а где-то, в ком-то она непременно есть, должна быть, ведь без нее жить нельзя. Когда коварство писак коснулось святых праведников Божиих и в этом засветилось их беззаконное вероотступничество, многие насторожились.

Противоборство выразилось в появлении небольших самиздатовских книжиц – творений Святых Отцов. «Дух, идеже хощет, дышет, и глас его слышиши, но не веси, откуду приходит и камо идет» (Ин. 3:8).

Всемогущие властные силы сбивались с ног, ища тайный источник неожиданного сопротивления. Российские молитвенники помогали труждающимся на поле этой брани. Строжайшая тайна сохранила для позднего времени многие самиздатовские группы, ставшие теперь официальными православными издательствами. Издательство «Правило веры», снабжающее храмы богослужебными книгами и святоотеческой литературой, не раз спасалось от погрома молитвами отца Иоанна.

Рассказывает издатель, раб Божий Михаил[93]: «В 1984 году приехавший из Печор иеродиакон нашел меня, чтобы передать несколько

слов от отца Иоанна. «Все срочно остановить», – произносит посланец, значение слов понятно лишь мне. У знакомых печатников в работе книга «Поучение аввы Дорофея». Поспешая, еду к ним. Меня встречают бурные возражения. Печатники вполне уверены в своей безопасности, но я-то знаю силу слова отца Иоанна. Преодолевая сопротивление, вывожу печатные формы и уже частично отпечатанные листы. А через день в типографию нагрянули с обыском. Так мы жили и милостью Божией выживали.

Святейший Патриарх Сергий

С перестройкой ситуация изменилась. Церковную издательскую деятельность перестали преследовать, и мы вышли «из подполья». Но с этим обозначилась новая беда. Половодье лжеправославных, антиправославных и еретических изданий захлестнуло страну.

Отец Иоанн благословил нас издавать только книги, созидающие душу. Особую заботу проявил он об издании богослужебных книг на церковнославянском языке, принесшем России знания о Боге и ставшем для нее источником просвещения. Кабинетные минеи печатались с личных экземпляров отца Иоанна, с его благословения мы поместили в них службы иконам Богородицы и новопрославленным святым, не входившие в дореволюционные минеи.

Идея создания книги «Страж дома Божия» исходила от отца Иоанна: «Святейший Патриарх Сергий непременно еще будет прославлен в лике святых». В одной из своих проповедей он с амвона сказал о Патриархе Сергии: «...Еще не явил Господь миру вполне его сокровенного подвига. Он продолжает нести и по смерти тяготу

непонимания от многих... Но кончина его? Разве ни о чем не скажет она нам?

В день кончины он служит свою последнюю Божественную литургию, причащается Святых Христовых Таин, своими руками совершает последнюю архиерейскую хиротонию и в тот же день говорит Господу: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко...»

Из своего архива отец Иоанн передал для этой книги фотографии. Во все время работы внимательно следил за ее рождением. Его молитвами появилась книга, опровергающая клевету, много лет возводимую на первоиерарха неведением или злоумышленно, несшего невообразимые тяготы руководства Русской Православной Церковью, обреченной властями на смерть.

Благословением отца Иоанна до сих пор издаются творения святителей Феофана и Игнатия. Он говорил, что для нашего времени, оскудевающего Духом Божиим, их книги есть источник, текущий из полноты благодатного познания. И по сей день живет и трудится «Правило веры», появившееся на свет молитвами старца».

В это время и монастырь не мог оставаться безучастным к происходящему в стране. В него потекли за спасительным советом и те, кто только переступил порог церкви, да и мятежные, кто с вожделением ждал бури и стремился ускорить ее приход, искал себе союзником Церковь.

В проповедях и частных беседах отца Иоанна зазвучали ответы на вопросы, которые ставила жизнь. «Вот теперь много молодежи ринулось в Церковь. Люди делают страшный рывок из сатанинских объятий. Люди тянутся к Богу. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что дает Господь в Церкви Своим чадам. Начали бы учиться заново мыслить, заново чувствовать, заново жить. Но нет! Великий «ухажер» диавол похищает у них сознание того, кто они и зачем сюда пришли. И человек не входит, а вваливается в

Церковь со всем тем, что есть и было в нем от прожитой жизни. И в таком состоянии начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что изменить пора... Еще не начав быть православным христианином, он становится судией и учителем».

В 1985 году сразу после разговора была записана беседа отца Иоанна. Речь шла о выбранной человеком своевольной и рискованной жизненной позиции. «Дела земные нельзя ни осмеивать, ни оплакивать», – говорил Спиноза[94]. Нельзя относиться к ним с пренебрежением, но нельзя и полностью отдаваться им. Мир идет к концу, разрушается. В нем действуют тайные силы. Фермент этого разрушения идет от сатаны.

Сегодня во всех точках планеты полыхает огромный костер зла. И хорошо, если мы не подбрасываем в этот костер собственных вязанок.

Единственное, что требуется сейчас от каждого из нас, – это в мире тьмы нести лучик света. Зажги свою маленькую свечку во тьме Вселенной, и она станет чуть менее темной. Хотя, может быть, этого никто, кроме Бога, не заметит.

Нельзя идти на напрасные жертвы, если нет на то зова Божия. За своевольным мужеством всегда скрывается утонченная гордость – ухмылка сатаны.

Такая борьба кончается поражением, несет вред окружающим, а борцу – тяжкие духовные и телесные падения. Если бы все «борцы» за истину и чистоту Православия взяли на свое вооружение молитву и жизнь в Боге, то Православие воссияло бы на Руси. Но «борцов» много и становится все больше, а Истина собирает вокруг себя только малое стадо.

Все надо делать с пользой и рассуждением. На мир и на все в нем происходящее надо смотреть очами веры. Верой одушевлять наши мысли, чувствования и желания. Нельзя обольщаться своими силами, это – самость. Идти на подвиг исповедника можно только когда призовет Господь. Но страшно предстать пред Господом с немирной душой.

Надо помнить: рассуждение важнее всего, терпение нужнее всего. Молчание здорово, многоречие вредно.

В день оный с нас спросят прежде всего не то, что мы писали или чему учили других, но как мы жили сами, что делали. Не своевольная борьба, но добрые дела наши и чистая совесть будут ходатайствовать за нас перед Судией.

Безусловно, своей совестью нельзя торговать ни при каких обстоятельствах и внешних условиях.

«Мир гибнет, потому что Веельзевул внушил людям, что его нет», – метко заметил писатель Франк[95]. А современная молодежь и интеллигенция весьма беспечны и попадают в сети лукавого. Забывая Бога и Его животворящие заповеди, мы находимся в плену худшем, чем татарское иго. Видимые же власти – только исполнители, и над ними градусы и степени. Повсюду царит язычество гораздо более страшное, чем в древние времена. Старое язычество было полно веры, только в ложных богов. Новое язычество – циничное неверие, нигилизм, идолопоклонство самим себе. Мир упоен освобождением человеческой мысли от уз страха Божия и покорности заповедям Божиим. Он сбросил с себя оковы властей, авторитетов, приличий и обычаев.

А нам, верующим, лучше быть обиженными, чем стать обидчиками. Сейчас главное – выдержка.

Терпением вашим спасайте души ваши. Не путайте, это не малодушие, не трусость. Это самое высшее, трудное – твердое мужество идти вослед Христа.

«Будьте всегда осторожны»

Берегите же величайший дар жизни. Не кладите голову в пасть Веельзевула. «Будьте мудры как змеи и целы (просты) как голуби», а не как симпатичные морские свинки, которые сами устремляются в пасть к удаву.

Колесо жизни вращается все быстрее. На каждой спице – живой человек. Чуть ослабеет – сорвется с колеса, а перенапряжет силы – разорвется его сердце. Надо научиться не ослабевать и не перенапрягаться.

Выдержка, выдержка и еще раз выдержка. Итак – терпение и хранение уст. Среди нынешних бурь и потрясений сохраните дух мирен. Только с таким внутренним устроением и можно вести брань против мироправителей тьмы и духов злобы поднебесных».

В 1985 году в некоторых письмах отца Иоанна появилась фраза: «Кто после найденной истины доискивается чего-то еще, тот ищет лжи». Словами отцов 7-го Вселенского Собора он отвечал тем, кто подходил к Церкви с лукавым помыслом: что есть истина? Запутавшихся же по неведению он предостерегал от дерзости по отношению к Матери-Церкви, пестующей чад своих Божией благодатью. Глубоко чувствуя восстающую на Церковь ложь и лукавство, он призывал церковный народ противопоставить вражьим происках свою веру, надежду и любовь, изливающихся в непрестанной молитве, молении

и прошении к Богу. «Дух Святый наставит нас на землю праву», – говорил отец Иоанн. В проповедях зазвучало строгое предостережение о том, что в настоящее время даже и те, кто уже давно в ограде Церкви, испытываются силой всяких соблазнов, в том числе силой нового религиозного сознания, ложной христианской духовности. В одном из своих писем этого периода он приводит пример живого религиозного опыта попечения Господа и Его святых о чадах своих. Речь шла о книге П. Иванова[96] «Тайна святых, введение в Апокалипсис». Само появление этой книги – свидетельство наступления апокалиптического времени.

«Дорогой А. В.! Вы задаете мне вопрос о книге П. Иванова. Не потому ли, что у Вас возникло чувство, что пьете яд в привлекательной упаковке? И как он соблазнителен, и с каким упоением тянутся к нему и стар, и мал. Книга-то зачитана и испещрена пометками, ибо читают ее с желанием впитать эту информацию и поосновательнее. Но у многих ли бравшихся за чтение ее столь много знаний и столь свободна ориентация в вопросах духовной, церковной и политической жизни? И Вы-то прочли ее с живым интересом и только смутились покушением на дорогие авторитеты. А если читающий не имеет еще никаких авторитетов и не может рассудить, где правда, где полправды, а где и заведомая ложь – тогда что? И автор не ограничился современными бедами Церкви, его дерзость распространилась и на тех столпов Православия, кто уже и критике-то не подлежит, ибо всей своей жизнью и до конца пронесли и сохранили верность Истине, даже до личной святости. И им мы обязаны, что в нынешнее время стоит Святая Православная Церковь с Ее живым опытом и Божией благодатью. А автор-то добрался и до ревизии Евангелия. От души жаль увлеченных в соблазн свободомыслия и непослушания Истине. Эта книга посеет семена сомнения и разврата в тех, у кого нет должного религиоз-

ного опыта жизни во Христе. А вот Вам сразу и пример живого попечения о нас. Почти одновременно с Вашим вопросом ко мне пришел юноша с этой же книгой в руках и спрашивает, можно ли ему ее читать. Откуда у него это чувство? Он еще только на пороге Церкви. Но дал и ему Дух благий и правый тревогу в сердце. А у скольких людей возникнет это же чувство, но не у кого будет спросить, и они выпьют чашу до дна, и яд ее начнет в них свою разрушительную работу. Вскоре вслед за этим я получил и извещение о практическом опыте воздействия книги.

Наталья Александровна Верховцева

Наталья Александровна Верховцева[97], возросшая у ног праведного батюшки отца Иоанна Кронштадтского, с увлечением прочитала книгу П. Иванова. Ее, как и вас, покоробила вольность в отношении угодников Божиих, но ее она простила и стала размышлять о прочитанном. Так дошла она до рассуждений автора о Псалтири. Она читала эту богодухновенную книгу всю свою сознательную жизнь, любила ее, но вдруг сейчас сделала для себя открытие, что ничего-то в ней не понимает, может, и правда, что читать ее уже не надо. И враг уж тут как тут. Пошли мысли роиться.

В народе говорят: дальше в лес – больше дров. Дров от таких размышлений было бы много, если бы легкий сон-дрема не прервал этот набег помыслов. И видит она вошедшего в комнату отца Иоанна. Она бросается к нему, но он спешно проходит мимо. Она кричит ему вслед, что она Наташа, дочь Веры Тимофеевны[98]. Но батюшка, всегда с ней такой ласковый, сурово глянул на нее и только трижды бросил одну фразу: «Я тебя не узнаю». Очнулась Наталья Алексан-

Отец Иоанн с иеромонахом Иоасафом (Швецовым)

дровна в слезах, в страшном потрясении, с ощущением непоправимой потери. И опять мысли, мысли. Наташа ищет причину сурового наказания: «Батюшка же не сказал, что он меня не знает. Он меня не узнает». Ее взгляд падает на лежащую рядом книгу, на упавшую на пол Псалтирь. Когда и откуда она появилась? Но тотчас все стало ясно. Полилась молитва благодарности Богу и отцу Иоанну Кронштадтскому.

Вот он, дорогой живой религиозный опыт. Но что о нем знает автор книги? Говоря об оскудении любви в Церкви, он-то что несет туда?

Умудренные опытом руководители очень щепетильно и требовательно относились к предлагаемой для чтения литературе. Последуем же их примеру».

В 2000 году против Христовой Церкви устремились не только безбожники, но и те, кто, именуя себя христианами, самомнением и гордостью восстал на Истины Божии, подменяя их призраками, порожденными лжеименным разумом. Вопреки святоотеческому учению о спасении, человеческую любовь и сострадание они провозгласили

выше Премудрости и Любви Божией. А когда и из-за монастырских стен послышались те же чуждые речи, отец Иоанн сокрушенно произнес: «Ну вот, дожили, монахи и политики заговорили на одном языке и об одном».

В письме из своего летнего уединения выплеснулась боль его души: «Нельзя спокойно смотреть на все происходящее. Четвертый день, как я живу там, где только небо и земля вещают о дивных делах Божиих. Но одиночество не только не устранило дум о том, что происходит в мире и с людьми, но как бы еще ярче увиделось на фоне послушной воле Божией природы безобразие человеческой драмы, где сценаристом была и есть сила богоборческая, сила вражья».

Вспоминает иеромонах Иоасаф (Швецов)[99]: «Архимандрит Тихон, наместник Сретенского монастыря[100], попросил меня сходить к отцу Иоанну, чтобы он высказался в отношении волнующих церковный народ проблем: о номерах, о новых документах. Я передал этот вопрос батюшке через келейницу и остался ждать. Ответ был неожиданным: «Кто мы такие и кем себя мним, что считаем возможным без благословения священноначалия высказывать свое суждение на всю Церковь?» И мне стало ясно, что вот отец Иоанн по-настоящему себя никем не считает и какой от этого мир в его душе, в отличие от всех нас». Но вскоре и Патриарх Алексий II[101] обратился к отцу Иоанну с тем же вопросом, и тогда первый раз порог кельи старца переступил человек с камерой, чтобы выполнить благословение Святейшего записать на видео его ответ. И не о смуте говорил старец Божий, не

Святейший Патриарх Алексий (Ридигер)

Молитва у озера

о политике – он говорил о вере, о доверии Богу, о дарованном нам от Бога времени спасительном, когда наши вера, надежда и любовь проверяются обстоятельствами жизни. «Бойтесь разделения и раскола в Церкви. Бойтесь отпасть от Матери-Церкви. Бойтесь греха. Душу и сердце, верные Богу, Господь не отдаст на попрание врагу». Батюшка четко и назидательно изложил церковный взгляд на проблему: «Страх идеже не бе страха».

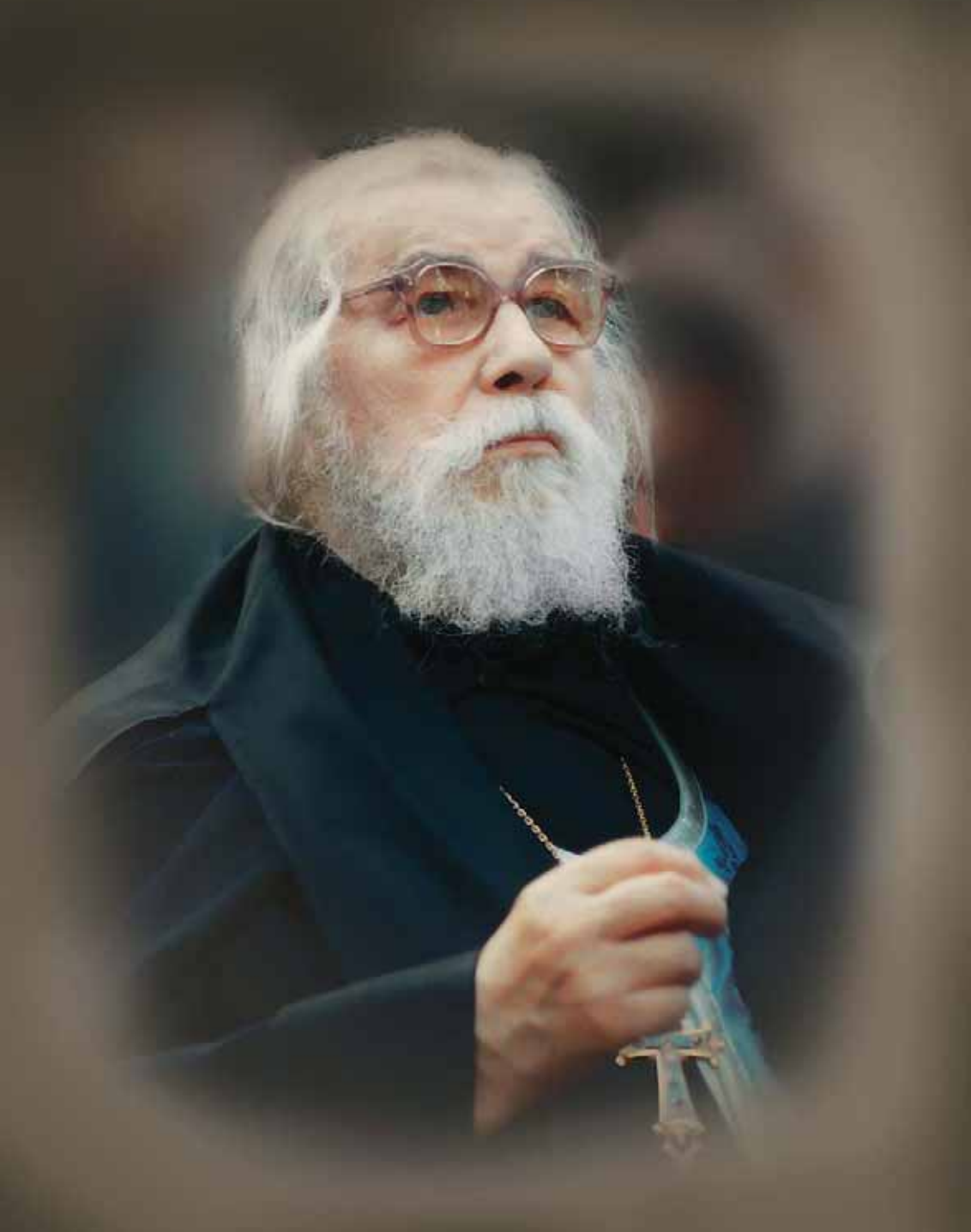
За два дня до приезда патриаршего посланца написал отец Иоанн свое обращение. Татьяна Сергеевна Смирнова, батюшкина келейница-письмоводитель, свидетельствует: «Помолившись, отец Иоанн сел перед иконами, я пристроилась на краю стола, чтобы записывать. Батюшка прикрыл глаза и заговорил. Он говорил долго, размышляя вслух. Когда умолк, тотчас встал и, трижды широко перекрестившись, возблагодарил Господа. Через 15 минут он попросил прочитать написанное. Текст правки не потребовал, только цитаты он проверил по первоисточникам. Очевидно стало, что отец Иоанн давно носил в сердце боль о Церкви, о людях, уловленных чуждым Церкви

религиозным сознанием, и теперь возвысил свой голос о беде, призывая ко спасению послушанием Матери-Церкви». Во время всеобщих страхований и ожиданий голода опять многие услышали спокойный голос отца Иоанна: «Тяжелое сейчас время в России: смущение, смятение и неразбериха. И кажется человеческому взгляду, что все должно только ухудшаться... Но ход истории не предопределен фатально, и многое зависит от свободного выбора человека.

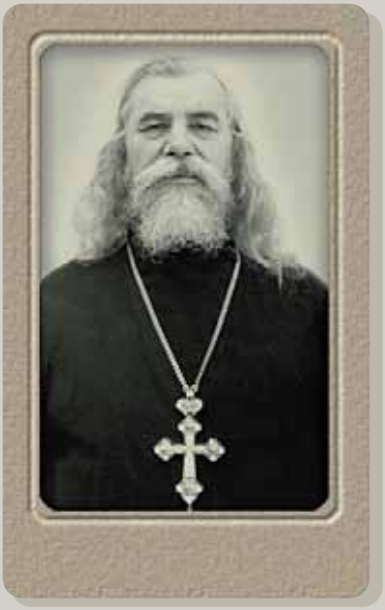
Что представляла собой Римская империя во время воплощения Господа нашего Иисуса Христа? Всеобщее разложение, растление и духовный упадок!

Пришел Господь-Спаситель! И вначале двенадцать человек свободной волей избрали для себя путь Божий. Вслед за ними и другие своей свободной волей избрали между двух путей – путь Божий. Свободный выбор человека изменил ход истории...

Так и сейчас, если мы сами изберем жизнь по заповедям Божиим, то ситуация в России изменится... Не бойтесь, ничего не бойтесь под покровом Божиим! Миром правит Бог, только Бог, и никто другой».



Над славой Божией не властно
ни время земное, ни вражьи силы



Будем просить у Господа благословения,
а у всех русских святых — молитв на вступление
во второе тысячелетие. Чтобы их молитвами не
оскудела на Руси Православная вера во всей чистоте
и не забыли бы ни мы, ни наши потомки Божиих
заповедей и заветов

С весны 1984 года отца Иоанна начало преследовать необычное явление. Всякий раз, возвращаясь с ранней литургии из Никольского храма[102], как только он входил под башню, то ощутимо переносился в XVI век и присоединялся к траурному шествию вослед за Игуменом обители, отправленным к Царю Небесному гневом царя земного. Это происходило независимо от того, один ли шел отец Иоанн, что бывало крайне редко, или в сопровождении людей. Вскоре те же чувства стали возникать, когда он в монастырском саду доходил до Корнилиевского валуна под дубом. Отец Иоанн стал молиться. Отчего XVI век так настойчиво и властно является в наше время? В одном из своих писем отец Иоанн так написал об этом: «Вот иду по «кровавой дорожке» и, прикрыв глаза, присоединяюсь к траурному шествию XVI века за царем Иоанном Грозным, несущим на своих руках обезглавленный труп Игумена нашего монастыря Корнилия. Ужас, скорбь, недоумение в сердце каждого, идущего в этом прискорбном шествии».

Однажды после литургии, на которой батюшка просил вразумления свыше, его молнией озарила мысль: святому игумену, бережно хранящему обитель в бушующем житейском море, нет приюта, нет престола, где он воссылал бы свои молитвы за Божественной литур-

гией. Все стало ясно. Никольская башня, у которой началось откровение, заявляла, что она, свидетельница происшедшего в те давние времена, не будет безучастна и теперь. Так в отце Иоанне зародилась навеянная свыше мысль о создании престола игумену обители преподобномученику Корнилию.

Отец Иоанн поделился своей заботой с отцом Александром (Васильевым). Вдвоем они стали молиться о возможности осуществления этого замысла. Высказанная мысль воплотилась в слове и «зашелестела» по монастырю, достигла и слуха начальствующих. На соборе старцев, когда возник вопрос о том, как отметить дату 1000-летия Крещения Руси, мысль стала делом решенным. Никольской башне предстояло стать храмом. Десятый Божий престол должен был появиться в обители в XX веке, в преддверии великого торжества 1000-летия Крещения Руси.

Во все время работы по созиданию в башне иконостаса и алтаря отец Иоанн частенько по вечерам пробирался туда, чтобы помолиться вместе с труждающимися в ней.

Беседа с отцом Александром

Иконостас Корнилиевской церкви

6 мая 1986 года была освящена Корнилиевская церковь. «И преподобномученик Корнилий, игумен нашей обители и ее неусыпный страж у Престола Божия, учит нас не только своей жизнью, но и самой своей смертью и зовет нас усердно трудиться над делом своего спасения, всегда украшать, всегда созидать, а не уничтожать то, что дано нам Богом. Не искать для себя ни славы земной, ни мученичества, а только идти по пути твердо и верно вослед Христа. Особой жизнью живет Церковь в мире. Над славой Божией не властно ни время земное, ни вражьи силы. Труды и поты, и кровь, пролитые в XVI веке, проросли в XX веке церковью Божией», – сказал отец Иоанн в своей проповеди на освящении храма.

Так началось для отца Иоанна предпразднство великого в истории России события. Два года он жил в ожидании и приготовлении к этому торжеству. Для него это было не просто воспоминание исторического прошлого, но неповторимое событие, когда призрел Господь на Русь и вдохнул в нее дух жизни. Живо чувствуя связь времен, батюшка воспринимал сердцем это как личное возрождение, когда и он в своих праотцах вступил на многотрудную и славную стезю Царского пути, ведущего к Богу.

Из настоящего очами веры зрел он воды Днепра – российского Иордана, где равноапостольный князь Владимир совершал Крещение – чудо преображения языческого народа в Святую Русь. И этим событием, пронзившим тысячелетие, жила и выживала Россия.

Крест Христов, воздвигнутый над страной, до сих пор держит рука равноапостольного князя, и его завет остается живым и действенным.

«...Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляется и побеждается нас: покаянием, слезами и милостынею».

Иконы равноапостольных князя Владимира и княгини Ольги

Ко дню 1000-летия Крещения Руси тщанием отца Иоанна в Михайловском соборе появились большие иконы равноапостольных родоначальников России – Владимира и Ольги. Отец Иоанн не уставал напоминать с амвона, что их иконы должны быть в каждой церкви, в каждом доме, их молитвы – нам покров и защита. Забудут ли родители исчадие свое, даже если оно и ушло в страну далече? Солнечным сиянием озарил Господь 12 июня 1988 года – день российского торжества. Отец наместник представителем от монастыря уехал на праздник в Москву. Отец Иоанн возглавил праздник в обители. Панихида, литургия, праздничный молебен, известивший о канонизации новых русских святых, крестный ход – все было проникнуто той пасхальной радостью, что жила в сердце отца Иоанна. «Милостив Господь – дал нам этот пир веры, чтобы не смущались сердца наши никакими трудностями жизни, чтобы видели мы, что не оставил Господь Церковь Свою и нас, ее детей, чтобы насыщались мы плодами ее, вдохновля-

День прославления старца Симеона Псково-Печерского

лись примерами жизни тех, кто уже достиг вожделенного Небесного Царства и ликует с Ангелами.

Будем просить у Господа благословения, а у всех русских святых – молитв на вступление во второе тысячелетие, чтобы их молитвами не оскудела на Руси Православная вера во всей чистоте, чтобы не забыли ни мы, ни наши потомки Божиих заповедей и заветов.

И еще будем благодарить Господа за ушедшее в вечность тысячелетие. Боже наш, слава Тебе за все и за вся во веки веков! Аминь», – такими словами завершил свою проповедь в этот праздничный день тысячелетнего юбилея отец Иоанн.

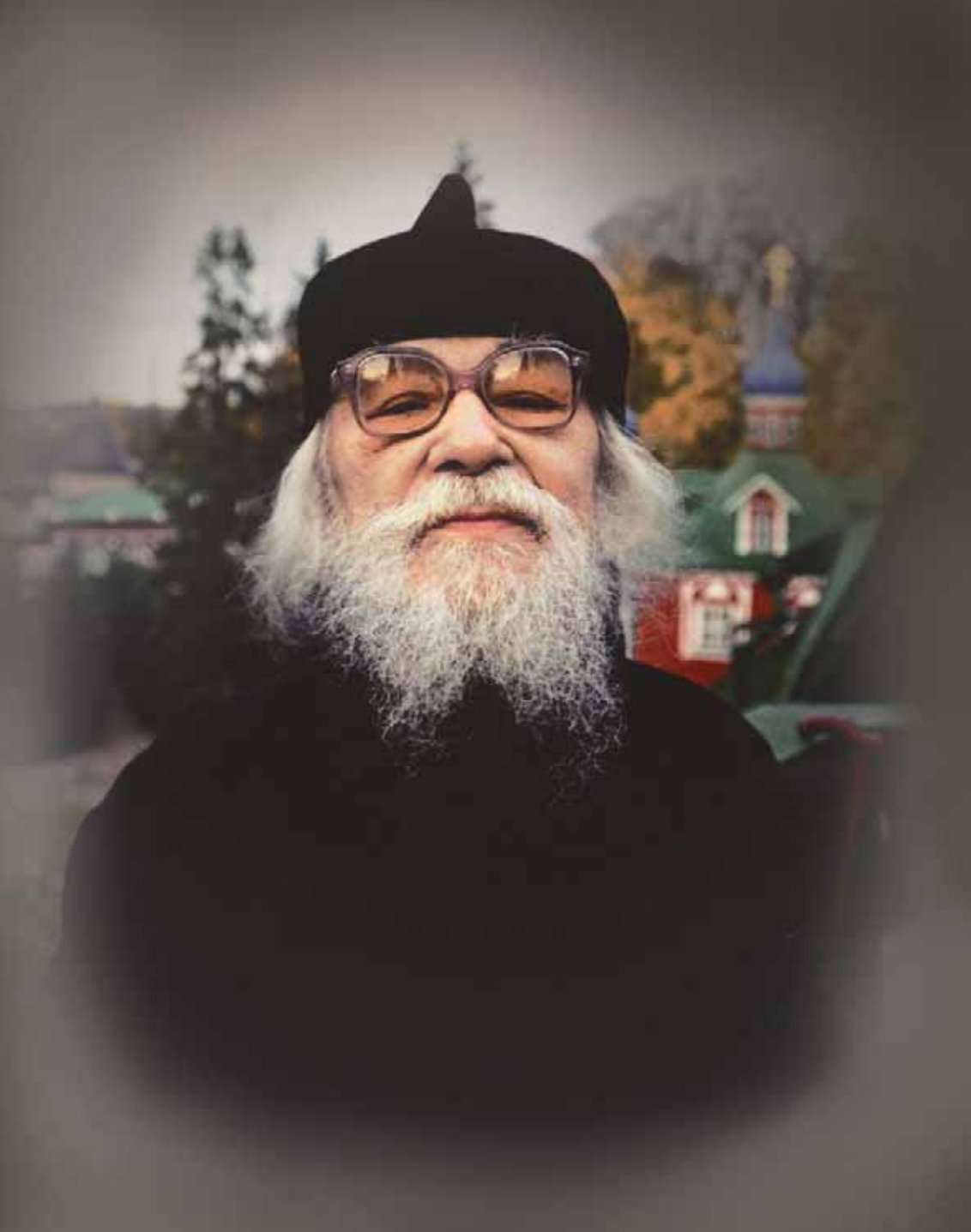
С празднования 1000-летия Крещения Руси начался постепенный отход государства с позиций воинствующего атеизма. На Пасху 1988 года в своем поздравлении отец Иоанн опять говорил о воскресении Руси в Крещении...

«Тысячу лет из года в год весть о начале вечного жития возвещается на Руси.

И звучит благовест о Воскресении, о Жизни. Звучит по-разному: то праздничным победным звоном колоколов на весь мир, то шепотком и робко, а то замирает и будто умирает совсем, чтобы вдруг неведомой, незримой силой опять и опять вознестись, достигая сердец. И сила эта – Любовь Христова к нам.

Дорогие мои! Сохраним же бережно этот зов к Жизни со всей Святой Руси, озаренной верой сильной духом и нас победившим. И благовестом к бессмертию, данным нам Самим Христом в Святейшей Воскресшей, победим власть греха и тлена, восставшие на Жизнь».

Памятник равноапостольному князю Владимиру в Киеве



В воле Божией жить — самое спасительное

В безыскусственности и простоте общения с отцом Иоанном и с братией проступали укоренившиеся с давних пор монастырские традиции. То, что в монастыре никогда не прерывалось молитвенное служение, создавало в нем особую атмосферу

В августе 1988 года наместник монастыря архимандрит Гавриил (Стеблюченко)[103] был хиротонисан во епископа, а в монастырь по благословению Святейшего Патриарха Пимена приехал после завершения командировки в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Павел (Пономарев)[104]. Ему надлежало стать наместником Псково-Печерского монастыря.

Только четыре года привел Господь потрудиться в обители архимандриту Павлу, но лето мало, лето долго, говорит пословица. Монастырь отцу Павлу пришелся по сердцу, и монастырю полюбился деятельный и рассудительный новый наместник.

Позднее архиепископ Павел (Пономарев) вспоминал: «Я благодарю Бога за Его неизреченную милость ко мне, за возможность пожить и потрудиться в монастыре, где подвизались, подвизаются и теперь в братии небесного Псково-Печерского монастыря многие угодники Божии. Они не покинули его и по кончине своей и продолжают в живой тишине Богом зданных пещер[105] вещать чуткому слуху Божии тайны, прокладывающие и в современной жизни путь в Царство Небесное.

Я впервые приехал в обитель с указом о почислении меня в братию монастыря. Моя келья оказалась рядом с кельей отца Иоанна.

Я с ним тут же и познакомился. В безыскусственности и простоте общения с отцом Иоанном и с братией проступали укоренившиеся с давних пор монастырские традиции. То, что в монастыре не прерывалось молитвенное служение за всю историю его существования, создавало в нем особую атмосферу. Да и приехавшие и поселившиеся в нем валаамские монахи-подвижники принесли с собой живые традиции старого русского монашества.

Отец Иоанн ввел меня в свою келью и в непринужденном дружеском разговоре познакомил с распорядком монастырской жизни, где и когда совершаются службы и какие святыни находятся в каждом из храмов. Так началось мое общение с отцом Иоанном. На следующий день я уже служил свою первую Божественную литургию в Никольском храме.

Меня поразило, что в простой будничный день за ранней литургией храм был переполнен. В конце службы я совершил отпуст и вышел с крестом, но народ стоял как вкопанный, и ко кресту никто не подходил. На меня были устремлены вопрошающие глаза богомольцев. Они жаждали живого Божьего слова. Такого отношения к проповеди я еще не встречал. Надолго я запомнил безмолвную просьбу этих глаз и понял, что ни одна служба не должна быть без проповеди. Я обратился к людям с простым приветствием и кратким наставлением. После службы отец Иоанн поблагодарил меня за слово и подтвердил, что слово Божие надо нести всегда, когда есть возможность говорить.

Келья старца, его сердце были открыты для меня в любое время. Он терпеливо выслушивал меня, давал советы, щедро делился своим богатым жизненным и духовным опытом.

27 августа Собором старцев я был избран наместником монастыря. Дел в обители было много. Поэтому я часто нарушал покой

Старцы

старца, обращаясь к нему за советом. При этом я заметил, что отец Иоанн обладал особым качеством: он никогда не прерывал собеседника. При первой встрече меня это смутило. Я ему говорю, говорю, а он все молчит и молчит. В сердце закопошилось беспокойство: может, он меня не слышит, не хочет слышать или считает, что я говорю не по делу. Но как только я высказал все, что хотел, отец Иоанн начал отвечать с первого вопроса и до последнего. Он даже не нарушал их последовательности, как будто они были у него записаны. Позднее я много раз и при разных обстоятельствах видел эту особенность в отце Иоанне. Думаю, что это дар Божий – это память сердца, распространявшаяся и на большое, и на малое.

С большим волнением служил я первую литургию начальствующим. Сослужили мне маститые старцы-архимандриты: Иоанн, Александр, Нафанаил[106], Антипа[107]. Я предложил отцу Иоанну возглавить литургию, но он взял меня за руки и остановил: «Что Вы, что Вы, Вы теперь отец наместник – вставайте и, не волнуясь, служите». Он поставил меня перед престолом, а сам встал справа.

Отец Иоанн, искренний молитвенник, оказывал мне не только молитвенную и духовную поддержку, но и административную. Мы все видели в нем духоносного старца, и авторитет его был непререкаем.

Деревянный храм в честь Собора Псково-Печерских святых

В монастыре все делается по благословению наместника, а если он в отъезде, благословляет старший архимандрит. Старшим был отец Иоанн. И вот молодые иеромонахи и послушники стали обращаться за благословением на свои дела прямо к отцу Иоанну, обходя меня, как нового человека в обители. Отец Иоанн сразу пресек подобную практику вопросом:

– А отец наместник вас благословил?

– Да что там наместник, Вы старец, Вы духовник, Вы и благословите.

И тут отец Иоанн преподал молодежи урок монашеского послушания и дисциплины:

– Вначале идите к наместнику, если он вас благословит, то можете и ко мне прийти, и я помолюсь. Но если наместник не благословит, то я вас тоже не смогу благословить.

Такое отношение отца Иоанна было чрезвычайно важно для меня как наместника и для правильного воспитания насельников и трудников.

В 1988 году Собор старцев принял решение о постройке на Святой горке деревянного храма в честь Собора Псково-Печерских святых[108]. Поскольку храм было решено построить на месте старой часовни, то за разрешением в соответствующие органы мы не обрати-

Псково-Печерский монастырь зимой

лись. Осенью приступили к работе. В середине декабря, когда сруб храма поднялся на полтора метра, мне позвонил уполномоченный. Он сообщил, что в Псков прибывает делегация из Москвы. Ей надо показать монастырь и Святую горку. Я понял, в чем дело. Позвав послушника-экскурсовода, дал задание подольше показывать гостям пещеры в надежде, что на Святую горку у них не останется времени.

Комиссия прибыла. Погода была прекрасная. Яркое солнце играло на чистом белом снегу, легкий морозец пощипывал щеки. С гостями мы встретились на Успенской площади. Я представил им экскурсовода и сказал, что он покажет им монастырь и пещеры, а потом «милости просим» ко мне в покои на обед. Но глава делегации сразу категорически отверг мой план, сказав, что в пещерах он уже был, а интересует его наша библиотека и Святая горка.

Для меня ситуация прояснилась мгновенно: в библиотеке шел внутренний капитальный ремонт, а на горке строился храм – и все без согласования. Дав экскурсоводу соответствующее благословение, я направился в келью к отцу Иоанну. Он вышел ко мне сразу,

и я вкратце рассказал о возникшей ситуации: «Комиссия, конечно же, приехала целенаправленно по доносу на нас. Прошу святых молитв». Отец Иоанн тут же надел епитрахиль. От него я прошел к эконому дать необходимые распоряжения.

Минут через двадцать, выйдя из братского корпуса, я остолбенел. И следа не осталось от яркого зимнего дня: небо заволокло тучами, и повалил такой снег, что в десяти метрах ничего не было видно.

Едва я дошел до наместничьих покоев, как раздался звонок, и в прихожей, ругая погоду и псковский климат, появилась комиссия. Обед был готов, стол накрыт.

После закусок все обратили внимание, что за окном просветлело, а еще через несколько минут засияло солнце. Опять пошел разговор о причудах псковского климата. Я предложил гостям вновь пойти на Святую горку, по их словам, они ничего не успели осмотреть – снег забивал глаза. Но они категорически отказались: за столом было теплее.

В беседе за обедом выяснилось, что они приехали по поводу жалобы о несанкционированном строительстве. Я спокойно объяснил суть дела, и вопрос был закрыт. В отношении библиотеки все обошлось еще проще: внутренние работы не наносили вреда памятнику.

Шел 1989 год. Наблюдая, что в монастырь на службы приводят много детей, я начал думать, чем мы, монахи, можем помочь в их воспитании. Долгие монастырские службы для них утомительны, надо бы начинать их воцерковление согласно детскому восприятию. «Не открыть ли в обители воскресную школу, чтобы учить детей Закону Божию?» – раздумывал я. Когда решимость на это дело во мне созрела, я обратился за советом к отцу Иоанну. Он задумался, потом, испытующе глядя на меня, произнес: «А Вы не боитесь? Вас за это могут взгреть, а могут и выгнать».

Я высказал ему свои доводы в защиту этой идеи. «Надо все хорошо взвесить, подумать, а наипаче помолиться», – ответил отец Иоанн.

Мне было ясно, что он переживал за меня. Это было еще советское время, и за такие дела можно было серьезно поплатиться. После полиелея отец Иоанн подошел ко мне: «Отец наместник, предложение Ваше насколько полезное, настолько же и опасное. Сделаем так: Вы и я сегодня ночью помолимся, завтра послужим Божественную литургию и причастимся Святых Христовых Таин, и я скажу Вам свое мнение».

На следующий день после литургии, как всегда после причастия вдохновленный, отец Иоанн твердо произнес: «На открытие воскресной школы для детей есть Божие благословение. Все у нас будет хорошо».

Через неделю в Сретенском храме в монастыре состоялось первое занятие с детьми.

Позднее разговор с уполномоченным Совета по делам религий по поводу открытия воскресной школы состоялся, но проблем не возникло. По моему глубокому убеждению, все это прошло мирно по молитвам отца Иоанна.

В 1990 году в одной из бесед отец Иоанн поделился со мной своими переживаниями. В Пскове на покое жил митрополит Иоанн (Разумов). Он более 30 лет управлял Псковской епархией, а отец Иоанн был знаком с ним с 1946 года. Батюшка с большим благоговением относился к митрополиту. Но вот на исходе жизни пришло к иерарху-монаху искушение – обида на собрата, да еще совсем невиновного. На Псковщину был назначен новый архиерей, а владыку Иоанна по болезням и по возрасту почислили на покой. Обида возмутила душу архипастыря, и была она настолько серьезной, что он стал избегать любой встречи с вновь назначенным архиереем. И это искушение иерарха болью отзывалась в сердце отца Иоанна. А бо-

Беседа с митрополитом Иоанном

лезнь тем временем совсем изнурила митрополита, но он не умирал. Батюшка же сетовал мне, что, видимо, Господь не принимает болящего из-за его обиды. Этот разговор происходил незадолго до Рождества. И я предложил отцу Иоанну поехать к митрополиту, чтобы поздравить его с праздником и попытаться примирить архипастырей. Отец Иоанн с радостью принял мое предложение.

На третий день Рождества, согласовав наш замысел с архиепископом Владимиром (Котляровым), мы отправились к митрополиту Иоанну. Владыка был совсем слаб, но нас узнал и обрадовался. Поздравляя его, отец Иоанн сказал ему о своей скорби. И вдруг к общей радости митрополит согласился принять архиепископа. Произошло долгожданное вымоленное примирение. Братское целование и краткий, но теплый разговор положили конец тяжелому вражескому искушению.

Через три дня владыка митрополит мирно отошел ко Господу.

Молитвы отца Иоанна не дали врагу запнуть на исходе из жизни дорогого ему человека, всю жизнь с юности отдавшего служению Богу и Церкви.

Подарок от старца епископу Павлу (Пономареву)

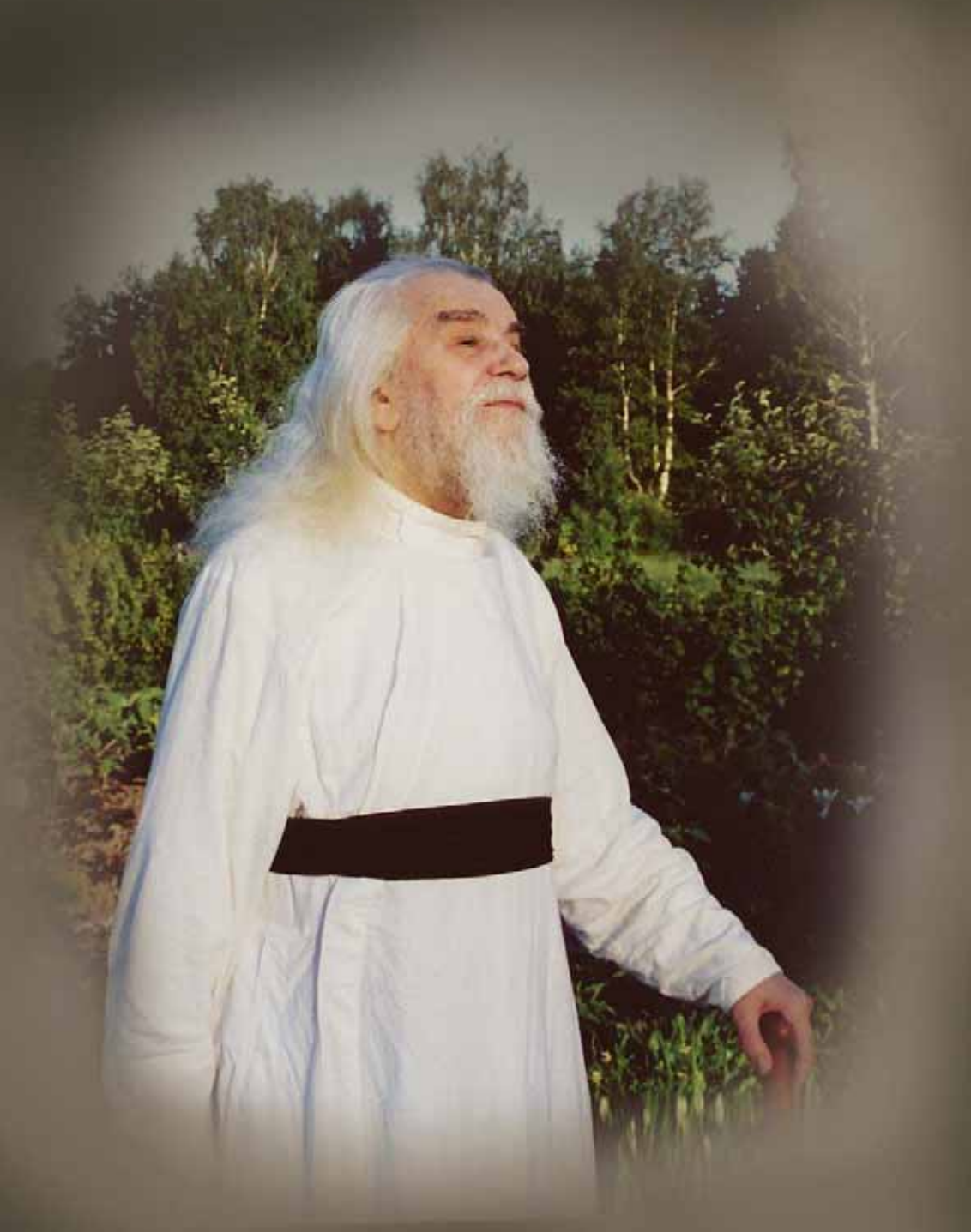
В монастыре в праздничные дни совершается чин о Панагии[109]. В течение всего моего пребывания в монастыре я отдавал наместничью часть панагии отцу Иоанну. К нему приезжало много паломников, и он всегда был рад кого-то благословить этой святыней. В середине февраля 1992 года меня вызвали в Патриархию по церковным делам. Накануне поездки в воскресный день я по обычаю отдаю свою часть панагии отцу Иоанну, а он ее не берет. Я пытался настоять на своем, но батюшка категорично отстранил мой дар со словами: «Вы едете в Москву, и панагия Вам пригодится». После трапезы в своей келье отец Иоанн благословлял меня в дорогу, как всегда прочитал молитву о путешествующих, помазал меня елеем, покропил святой водой. И в напутствие стал говорить мне, что все в Церкви делается по благословению и за послушание:

«Все, что Вам будет поручать священноначалие, принимайте без рассуждения. В воле Божией жить – самое спасительное».

Радость общения

Прощаясь с отцом Иоанном, я опять попытался отдать ему панагию. Он взял ее в руки, подержал, и я понял по его виду, что он сосредоточенно молится. Но он опять возвратил мне панагию со словами: «Отец наместник, я все время брал от Вас панагию с благодарностью, но на этот раз панагия Ваша. Да-да, теперь она Ваша. Не отказывайтесь. В этот раз панагия Ваша». Видя настойчивость старца, я благоговейно принял от него дар. А на следующий день на приеме в Патриархии я узнал, что мне готовят там архиерейскую панагию. Так из рук старца я принял первую панагию, прикровенно известившую о готовящейся перемене в моей жизни.

Всего три с половиной года я пробыл рядом со старцем, но в сердце моем он поселился до конца моих дней, вложив туда свою душу».



Велика сила духа Божия

Так будем же неукоризненными делателями на Ниве Господней и от Него примем дух премудрости и разума, дух ведения, так необходимые нам в наше бурное время

1990 год нес с собой отдаленные признаки надвигавшегося на Россию непроглядного бездорожья. Наглые силы и бесправие все чаще стали прорываться в общественную жизнь, обещая большие перемены в ближайшем будущем.

Отец Иоанн, не имеющий в келье никаких средств массовой информации, своим духовным ведением ощущал то напряжение, которое неминуемо должно было разразиться грозой. Изменения, грядущие на Россию в 1990-е годы, отец Иоанн чувствовал еще в 1970-х. Он вслух говорил о том, что придет к нам на исходе столетия, но никто из слышавших не понимал тогда его таинственных слов.

Хорошо запомнилась одна из таких бесед. Это было в 1970-е годы. Отец Иоанн был в Москве в одном священническом доме. За столом шла оживленная беседа. Неожиданно отец Иоанн изменился в лице и, всматриваясь куда-то в пространство, произнес: «Будьте внимательны и осмотрительны к себе, – и, показывая на богатую для тех лет трапезу, продолжал – этого будет много, даже слишком много. Скудость останется в редких домах, у доживающих свой век и оставшихся произволением в старом времени. А новое захлебнется изобилием материальных благ. Так будет происходить, потому что

древний змий почувствует приближение конца и начнет бить хвостом. Брызги от его агонии и дадут этот очередной соблазн, «чтобы прельстить, если возможно, и избранных». Но расплата за эти вражьи дары очень дорогая. Люди будут кружиться в нескончаемом водовороте, суете и погоне за приманками и растеряют душевное тепло и любовь. Искреннее сердечное общение будет большой редкостью. Духовное оскудение изгонит Дух Божий из жизни».

Москва, 1970-е гг.

Резко оборвал отец Иоанн речь свою. Отрешенно посидел несколько минут и вернулся к доселе оживленному разговору. Что увидел он в те минуты, о чем поведал собравшимся?

А в 1989 году в своих праздничных поздравлениях отец Иоанн зовет всех под кров милости Божией, стать «неукоризненными делателями на Ниве Господней и от Него принять дух премудрости и разума, дух ведения... так необходимые нам в наше бурное время».

В 1990 году он уже открыто пишет, что грядет на Россию: «Не потому ли, что истощилась вера наша, мерещатся теперь в смятенном мире, ожидающем бедствий, два противоположных образа: образ поруганной Божией Любви и торжествующий смех дьявольской злобы».

«Дорогие мои! Устрашившиеся видения, склонившиеся к Христу в покаянии и молитве, изливая перед Ним тяжкие молитвы. И Он, Господь наш и Бог, вразумит, и обновит, и сохранит нас, в бедствии прибегавших к Нему».

Патриарх Тихон

Патриарх Сергий

Патриарх Алексий I

Перемены в жизни страны не могли обойти и Церковь.

В это время Господь отзывает из земной юдоли Святейшего Патриарха Пимена. 19 лет предшествовал ему крест Патриарший. За несколько лет до кончины в личной беседе с отцом Иоанном его патриаршее слово прозвучало Заветом и оно же приоткрыло будущее Церкви – предстоящие тяжкие битвы за чистоту Святого Православия, за календарь, тысячелетнюю икону времени Церкви, за церковнославянский святой язык, язык молитвенного обращения к Богу. Не забыл он упомянуть и о грядущих притязаниях католиков на замученную 70-летними гонениями Русскую Православную Церковь, обозначив рамки контактов с ними: «Только за одним столом чаю попить».

Патриарх отдал Завет в надежные руки. Отец Иоанн в своих проповедях озвучил его. Пять Патриархов носил в молитвенной памяти сердца иерей Божий Иоанн за свою долгую жизнь. Пройдя со своим иерейским крестом сквозь стремнины тайных и явных гонений на Церковь в XX веке, он реально соизмерял величину Патриаршего и иерейского креста.

Патриарх Пимен

Патриарх Алексий II

«…Великая лежит ответственность за будущее Церкви на ее Предстоятеле. Посему всегда уповаю на Ваши Святые молитвы».

Из письма Патриарха Алексия II отцу Иоанну

Патриарх Тихон – бескровный мученик. Его семилетние голгофские страдания легли в основание мартиролога послереволюционной Российской Церкви. Для отца Иоанна святость его была очевидна, он ждал прославления Патриарха и дождался. Сподобился он принять молитвенное участие в обретении мощей его, отцу Иоанну последовательно сообщали о всех этапах поиска.

Патриарх Алексий I был непосредственным исполнителем воли Божией об Иоанне Крестьянкине. Его рука низвела благодать священства на главу отца Иоанна, и его же благословением открылся для него вожделенный монашеский путь.

Память о Патриархе Сергии жила в сердце отца Иоанна с юности. И она питалась не только благодарностью за то, что по сей день жива Русская Православная Церковь, но и за урок, полученный через Патриарха Сергия, в каком неприступном свете пребывает тот, кому Бог вручает Свою Церковь. Отец Иоанн нередко говорил, что Патриарх Сергий еще будет прославлен. В 1997 году отцу Иоанну передали часть архиерейского омофора и еще некоторые церковные предметы, принадлежавшие Святейшему Патриарху Сергию. Ба-

тюшка не счел возможным хранить у себя эти святые реликвии. Он послал их Патриарху Алексию II с сопроводительным письмом: «Преклоняясь пред подвигом трудов Святейшего Патриарха Сергия и посмертными тяготами его поношения, я считаю своим долгом передать сии ценности Вам, ибо они по праву должны принадлежать Церкви. Жду и уверен, что Господь еще скажет Свое слово и о Патриархе Сергии, открывая миру сокровенную тайну подвига его жизни».

В ответ Святейший Патриарх Алексий II написал: «После Святителя Тихона и разгрома Церкви в 20-е годы на долю Святейшего Сергия легла задача как-то сохранить Церковь и возродить структуру ее управления. На своем малом опыте знаю, насколько великая лежит ответственность за будущее Церкви на ее Предстоятеле. Посему всегда уповаю на Ваши Святые молитвы».

И дерзновенная молитва отца Иоанна сопутствовала всем нашим Первоиерархам, принявшим жребий церковного кормила в эти апокалиптические времена. Он причислял их труды к подвигу исповедников и новомучеников Российских.

В 1990 году перед избранием преемника ушедшему Патриарху Господь дал отцу Иоанну осязать тяжесть вручаемого Патриарху жезла. Придя после литургии в свою келью, отец Иоанн попросил оградить его в этот день от посетителей. Он надел епитрахиль, чтобы молитвенно участвовать в деяниях Архиерейского Собора всей полноты Российской Церкви.

Уединенно в глубокой тишине своей кельи батюшка молился. В какой-то момент он почувствовал, что не один в келье. Подняв взор к иконам, он увидел стоявшего в переднем углу Святейшего Патриарха Тихона. Неподалеку от него на кровати упирался крестом в потолок патриарший дорожный посох. Мысленно принял отец Иоанн Патриаршее благословение послужить ему, подав посох. Отец

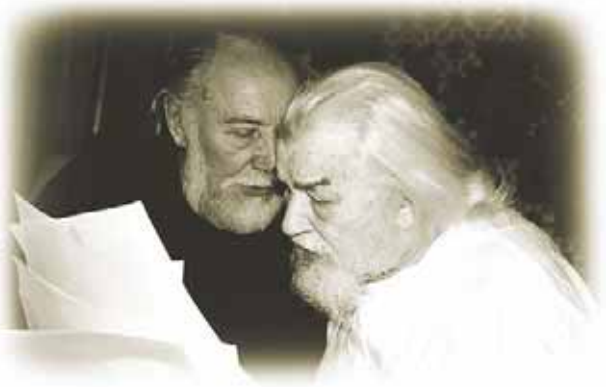
Взгляд в будущее

Иоанн устремился исполнять благословение, но сделать повеленное не смог. Посох оказался неподъемным. Беспомощно оглянувшись, он встретился с одобряющим взглядом Патриарха. Отец Иоанн принялся исследовать посох и понял, что его можно развинтить. Он начал трудиться. Продолжая работу, он еще раз вопрошающе глянул на Патриарха и убедился, что правильно понял благословение. Когда же отец Иоанн в третий раз поднял глаза, Патриарха уже не было, исчез и посох.

Так в день избрания пятнадцатого Российского Патриарха Алексия II Господь не только обозначил путь Русской Православной Церкви на время его патриаршества, но не было ли это и прямым указанием на то, что произойдет с Россией? Ее жезл, держащий пределы еще императорской России, в одночасье распался на множество стран ближнего зарубежья.

А в 1991 году уже в который раз на своем историческом пути Россия оказалась пред бездорожьем, когда весь нажитый предыдущий опыт превращался в прах. Надо было учиться жить заново, новыми законами и неведомыми доселе чувствами. Старшее поколение в растерянности недоверчиво вглядывалось в изменяющийся облик страны. Молодежь приняла новшества как неограниченную свободу для личного произвола.

Начавшиеся с празднования 1000-летия Крещения Руси изменения в отношениях государственной власти с Церковью, когда, как подарок к юбилею, ей были возвращены несколько монастырей, продолжались. На церковных амвонах замелькали и лица власть пре-



Обсуждение с А. Н. Елизаровым эскизов новой раки преподобного Серафима Саровского

держащих с горящими свечами в руках. И вспомнилось, как в 1972 году в проповеди отца Иоанна на день Святой Троицы прозвучали слова, оказавшиеся пророческими. Храм был переполнен, а отец Иоанн с большим чувством во всеуслышание произнес: «Други наши, не скорбите, велика сила Духа Божия! Придет время, и многих из тех, кто сейчас гонит нашу Церковь, нашу веру, Он, всемогущий, наставит на путь Истины. И они придут, и будут защищать Ее, и будут молиться». А сказано это было в то время, когда само упоминание о том, что Церковь преследуется, могло стоить серьезных гонений. Информация о смелой проповеди тотчас дошла до наместника. Возвращавшегося со службы проповедника остановил начальственный голос:

– Отец Иоанн, ты про каких таких гонителей сегодня упоминал?

Батюшка спокойно ответил:

– Это я сказал по наитию.

Отец Алипий и отец Иоанн знали, что такое наитие Святого Духа, и разговор был исчерпан.

Преподобный Серафим Саровский

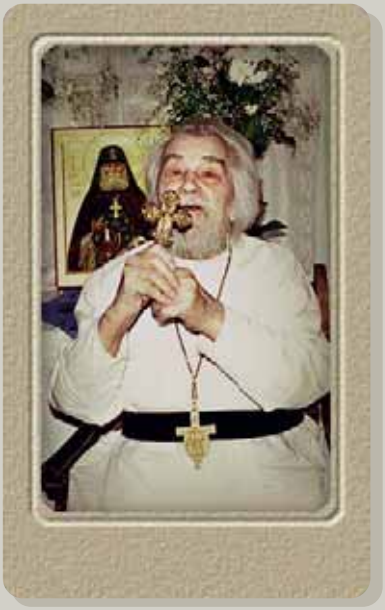
В 1991 же году, когда тьма скорбей и испытаний накрыла страну, произошло событие, показавшее, что не до конца оставил Господь Россию. Во мраке заблуждений, богоотступничества и бесовской прелести, когда зло, распоясавшись, попирало все доброе, грозя созиданию жизни, ярким пламенем вспыхнул свет неугасимой лампады у явившихся мощей святого старца Серафима Саровского. 11 января 1991 года 70 лет томившиеся в заточении нетленные мощи вернулись в Церковь. Они победным крестным ходом прошли по России, воскрешая веру и надежду на лучшее. Опять предстал преподобный Серафим пред Богом за родину свою, взывая любимую матушку-Русь к покаянию. И все стали очевидцами того, что не только обетования Спасителя не знают преград, но и предсказания Его святых угодников имеют великую силу. Преподобный еще при жизни своей обещал дивеевским сиротам, что «грешная-то плоть убогого Серафима в Дивеево перенесется».

И вот предсказание свершилось. Опять, уже в который раз, дух отца Иоанна воспарил за преподобным. Святой Серафим собой освещал путь живущим и теперь. Его жизнь, его слово были просты, правдивы и понятны. И душевный восторг Божия послушника архимандрита Иоанна излился 15 января в проповеди:

«Россия, будь такою, какою ты нужна Христу!»

А из келий благочинного отца Александра и отца Иоанна проводили в открывшуюся Серафимо-Дивеевскую обитель святыни прежнего монастыря, переживавшие безвременье в кельях старцев-молитвенников.

Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит Русская земля



Сейчас насущно важно пробудить в людях истинно христианский дух, христианский взгляд на жизнь и христианское понимание смысла жизни; дать понятие о смысле и силе Креста Христова и о наших малых жизненных крестах, без которых невозможно спасение

События, происходившие в стране, всколыхнули народ, словно спящий в равнодушии. В средствах массовой информации зазвучали слова о какой-то неведомой для многих «духовности», да еще и обещавшей какие-то блага. И многие проснулись и устремились на поиск этих благ. Храмы не вмещали желающих молиться.

Отец Иоанн, всегда чуткий к тому, чем живет народ, внимательно всматривался во все происходившее с людьми и не обольщался. По тем вопросам и переживаниям, с которыми приезжали паломники, он видел душевные болезни общества и понимал, что для многих они уже неисцелимы. Но он, как врач, не отстранился и от самых безнадежных. Опять надо было, забывая о себе, трудиться и трудиться, сочетая действенную помощь с молитвой. Отец Иоанн не замечал своего возраста, а ему шел 81-й год.

Множество возрождающихся, разоренных беспощадным временем и человеческим небрежением монастырей звало под свой кров монахов-тружеников; открывающиеся после 70-летнего запустения церкви своим видом оплакивали прошлое, но с надеждой смотрели в будущее в ожидании человеческого внимания и любви. В батюшкиной келье группами и поодиночке стали появляться то только на-

рождающиеся христиане, то жаждущие монашества молодые и пожилые и даже ученые дамы с желанием взять игуменский посох и в монастырь перенести богатый опыт своей мирской мудрости. Но они пока не имели понятия ни о христианстве, ни о монашестве, ни о том, что оба пути начинаются с послушничества. Новые отношения, насаждаемые в этот период в государстве и уже воспринятые людьми, не годились для Церкви. Закон любви, принесенный Спасителем, требовал самоотверженности в трудах и в отношениях с ближними. Воспитанные же советской действительностью, но уже прочитав несколько духовных книг, многие сразу устремлялись к вершинам Духа. Глядя на приходящих, отец Иоанн вспоминал монахов своего детства, монахов послевоенных лет, своих рязанских прихожан-старушек, для которых главным делом жизни была молитва. Проводив очередного посетителя, он вздыхал: «Деятелей много, делателей не видно, – и добавлял: – отслужили белые платочки миру своей смиренной молитвой, кто теперь будет удерживать небо над нашими головами?»

Батюшка любил и сердечно жалел людей. И он терпеливо начинал хлопотать над духовными младенцами: для начала учил их по-христиански ходить по земле.

«Сначала будем строить дом души своей, а потом уже только его освящать. Страшитесь убить душу неугвствием и пустой видимостью благочестия», –

предупреждал он тех, кто, только переступив порог церкви, уже высоко мнил о своей духовности. С этого времени одним из самых больших духовных стяжаний отца Иоанна стало дело душепопечительства. Сколько же людей принимал он ежедневно! И что значит «принимал»? Наставления, советы, увещания, ответы на письма...

Все то, что называется «души спасение»! Богатство неистощимое. Но дорого стоило это богатство. Силясь освободить человека от пут греха и от неведения, отец Иоанн часто встречал глухую стену непонимания и злобное сопротивление врага рода человеческого. Грозные пророческие слова Апостола, сказанные в I веке, о том, что наступят времена тяжкие и «из-за умножения беззакония во многих иссякнет любовь», явились теперь в жизни во всей силе. Но истинное духовничество – отцовство батюшки, родившееся из глубокого понимания им пастырского служения, – превозмогало все. Ему, с младенчества оставшемуся без родного отца, стал отцом приходской священник, да и то, как священники вели его по жизни до возмужания, благим примером вросло в сердце. И он стал отцом каждому к нему приходящему. Память сердца отца Иоанна сохраняла слова Святейшего Тихона о духовном облике пастыря, которые тот произнес, восходя на крест Патриаршества: «Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится Русская земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на погибель, на заклание... потерявшуюся – отыщи, угнанную – возврати, пораженную – перевяжи... паси их по правде».

«Кому неизвестно, что центр тяжести всякого нравственного влияния и воспитания заключается в силе любви? Разве не бывает, что часто даже порочный человек скорее готов послушать одного слова того, кто его любит, чем целых речей и убеждений тех, которые к нему равнодушны? Воля влияет на волю лишь тогда, когда выходит из самолюбивой самозамкнутости и любовно сливается с волею другого. Поэтому и у пастыря должна как бы исчезнуть личная жизнь, и он должен сливаться со своею паствою, радоваться ее радостями, болеть ее печалями. Как истинная мать теряет ощущение личной жизни и переносит ее в семью, как птица насыщается сытостью своих детенышей, так подобное же перенесение своей личной жизни в жизнь дру-

Напутственное благословение

гих должно быть и у пастыря. Это мы видим на примере Пастыреначальника нашего Христа Спасителя: через всю жизнь Его проходит самоотречение и любовь».

И отец Иоанн еще в самом начале своего пастырского служения, самоотвержением и любовью отдав жизнь безраздельно Богу, сказал себе:

«Пусть совершается в Его воле оправдание моей жизни, хотя бы огнеприключений и скорбей это было стоило».

Он сам принял пастырство как добровольное мученичество и напоминал об этом всем помышляющим о священстве. Теперь, видя все происходящее с людьми, отец Иоанн страдал за каждую душу, блуждающую во тьме неведения или, что еще хуже, в гибельном свете обольщения. Подмена понятий об истинах Православия на ложные и льстивые, отвечающие испорченным безбожием вкусам, уводила от веры еще дальше, чем неверие. Ложь, фальшь, лукавство – эти исчадия ада становились нормами жизни.

Отец Иоанн с Георгием – создателем поклонных крестов

«Сейчас насущно важно пробудить в людях истинно христианский дух, христианский взгляд на жизнь и христианское понимание смысла жизни; дать понятие о смысле и силе Креста Христова и о наших малых жизненных крестах, без которых невозможно спасение», – объяснял он приезжающим священникам.

Паломники слышали от него напоминание, что жизнь не игрушка, что жизнь – это труд, а христианство – это подвиг жизни, это крестоношение. «Други наши, – говорил он громогласно в проповедях, шептал на ушко истерзанному невзгодами жизни посетителю, от сердца к сердцу – юному искателю Истины, – восклонимся от земли, воззрим на Крест Христов, перед нами – пример полного и истинного самоотвержения... Нас же Господь зовет отвергнуться греха и смерти, которую грех вскармливает для нас...»

Духовное руководство отца Иоанна незримо носило материнский характер. «Я больше мать, чем отец», – говорил сам батюшка. Манера разговаривать, приближая свое лицо к собеседнику, так что человек ощущал его дыхание, была умилительно-трогательной. Так мать уте-

шает младенца и вдыхает в него тепло своей души. А батюшка, очевидно, так вдыхал в человека благодать Божию. Не ругать, не давить своим авторитетом, а сопутствовать, помогать, вместе плакать и вместе радоваться. А когда что-то хорошее дает росток, то осторожно и бережно подпереть и согреть в тепле своей любви. «Чадца Божии! Детки мои!» – так и слышатся эти батюшкины слова.

Отец Иоанн не обольщал приходящих скорыми победами и благами, он говорил, что без пролития крови побед не бывает, а это значит, боль и страдания неминуемы. Два врага сторожат душу нашу. Первый – общий враг рода человеческого, спрятаться от которого невозможно нигде, как только в сердце своем, воздвигнув там престол Живому Богу. Вот цель. А второй – я сам и есть свой враг. С борьбы с собой начинается путь к Богу – подателю истинных благ. «И победа над собой – самая трудная из всех побед по причине силы врага, если я сам и есть враг. Борьба эта самая длительная, ибо завершается она только с окончанием жизни».

Отец Иоанн всеми силами старался вернуть людям истинное понятие о Кресте и страданиях как самое насущное для спасения в нынешних условиях.

«Древние отцы великими своими подвигами дошли до истины, что добро души взращивает только один Бог и что истинно духовная жизнь – порождение смирения, когда человек со своим крестом идет вослед Христа. Отцы сознательно брали на себя тяжести и горечь подвигов, болезней и самоотречения.

Нашему времени эта истина дается от Бога без нашего вмешательства, дается очевидно, зримо. И нам остается только понять, что сила наша не в подвигах, не в учености, но в немощи, которую надо принять как свою спасительницу, примириться с ней, полюбить ее и сознательно принести свою немощь к стопам Божиим – «сила Божия в немощи

совершается». Смиренное о себе сознание дарует нам милость Божию, и в нас начнет действовать благодать и сила Божия и возобразится в нас Христос».

Вот одно из духовнических писем отца Иоанна этого периода, написанное человеку, дошедшему в отчаянии до последнего предела:

«Дорогая Сашенька! Божие благословение тебе и пожелание учиться полагаться во всем на волю Божию. А что такое положиться на волю Божию, что значит не потерять, беречь и дорожить той ниточкой, которая связывает нас с Господом?

Наши беды родились еще в Адаме от непослушания, выросли и возмужали до великих бед сегодняшней нашей жизни.

Своеволие рождает своеумие, своеумие – безумие.

В мире хаоса и разгула темных сил (ибо мы своим непослушанием воле Божией дали им свободу) только то, что связано с Господом, Его силой остается и останется непоколебимо: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее». Сейчас у нас на глазах сбываются пророчества и предостережения Господни людям о том, что от злобы живущих на земле все в природе и в человеческих отношения исказится. Поэтому и туга, и уныние, и тоска. «На земле будет такая скорбь, какой не было от начала», – нам и об этом предвозвещено Господом.

А как это пережить? Как с этим справиться?

Единственно, к чему и к кому не может прикоснуться дух лукавый и лживый, – это к смирению и к смиренному. Вот задача наша. Но нам, от рождения воспитанным в другом духе – духе самости и себялюбия, это трудно. Но... трудно своей силой, а сила Божия может все. Вот и скажем себе: «Все могу об укрепляющем меня Иисусе». И начнем с малого. Начнем следить за своими мыслями, чувствами, поступками. Увидим себя, свою греховность. Это неприятно, это боль-

но, но это надо, чтобы начать просить о помощи. И Господь, видя наше произволение и желание, пойдет нам навстречу и по капле, по крупице будет подавать нам необходимое. Но путь приобретения смирения – долгий и болезненный. И к болям надо быть готовым.

А как? Терпением.

Наше же дело только непоколебимо стоять в вере – «на камени, еже есть Христос».

И еще предостережение тебе: не надейся на себя, проверяй совесть свою совестью другого человека, иначе враг посмеется над тобой.

С голубкой

Дорогая Сашенька, пусть никого и ничего не будет для тебя ближе Господа и ближе твоего Ангела-хранителя. Поверь, почувствуй и утвердись в мысли, что они всегда с тобой. Обращайся к ним мысленно, и тогда никакие, ни внешние, ни внутренние бури не коснутся души твоей. И разум твой не помрачит никакая тьма.

Жить трудно. Жить сложно. Но жить надо.

Надо нести свой крест. Сколько терпения необходимо! Вот и терпим мы то свои болезни и немощи, то немощи других. Надо терпеть себя, надо учиться терпеть других. И все это – крест, воспитывающий нас для Царства Небесного, для жизни вечной и для радости вечной.

Господь нам говорит: «Сыне, дай мне сердце твое».

А мы молоды, мы ему говорим, чтобы Он подождал.

Но стоит нам сделать первый шаг, захотеть идти навстречу Христу («Господи, я хочу, но не умею отдать Тебе сердце мое»), и тогда Господь Сам все совершит, начнет лечить ту болезнь серд-

Келейное распятие отца Иоанна

ца, о которой мы и не подозревали, и ты не заметишь, как сама с готовностью потянешься ко Христу на крест.

Сашенька, ты уже многое понимаешь, и сердечко твое многое правильно чувствует, так не отрекись идти за Христом:

«Отвергнись себя, возьми крест свой и по мне гряди», – говорит тебе Господь.

И еще, как только почувствуешь подступающий к тебе лукавый помысл – о самоубийстве ли или какой другой, читай «Царю Небесный...», и Дух Святой противоборствует духу вражию за тебя. А еще хорошо иметь в сердце молитву Кресту преподобного Серафима: «Крест Христов, на весь мир освященный Благодатью и Кровию Господа нашего Иисуса Христа, дан нам оружие на всех врагов наших видимых и невидимых во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». Молимся о тебе и помним».

Писем горьких, слезных и отчаянных в это время отцу Иоанну шел поток. И его ответы несли корреспондентам не только утешения, но силу жизни, крепость духа и христианское понимание всего происходящего. Богатый духовный опыт отца Иоанна щедро одаривал милостью обнищавших духом.

«А я бы поведал тебе еще больше известий о «новшествах» современной церковной и гражданской жизни. И знаю я это не из мутных потоков средств массовой информации, а из первоисточников – изболевших, исстрадавшихся сердец.

Какие кресты несут люди, на какой невообразимый Крест взошла Россия!

А жить надо, а живым в гроб не ляжешь, и с Богом не поспоришь, и Ему не предъявишь обвинительный акт в попущении на земле беззаконий, «беспредела».

А как ты воспринимаешь такое обещание, что последние верующие будут в очах Божиих больше первых, больше совершивших немыслимые для нашего времени подвиги?

И как же это так: придем ни с чем, а будем больше соделавших великое?

Икона Божией Матери «Державная»

Претерпим, склоним главы скорбные и сердца, омытые слезами, пред Всемогущим Промыслом Божиим, но будем сами-то стоять в заповеданной нам Правде беспорочно и непоколебимо. И ради тех немногих, без ропота принявших Крест из руки Божией и восшедших на него и не пороптавших на нем, милость Божия воздаст так, что ни на ум, ни в сердце нам не придет. Имей же, детка, ежедневно пред душевным взором Иова Многострадального, имей Святого Патриарха Тихона, имей Государя нашего Императора Николая, предавшего Россию в руце Божии, скипетр свой – Царице Небесной, а себя – палачам за нее, как жертву живую.

Их жизненные кресты преобразились в Крест Христов, и святость увенчала крестоносцев.

Помоги тебе Господь обрести мир и покой душе в едином Христе у основания Его спасительного Креста».

Крест – «хранитель всея вселенныя!» Крест – красота и слава Церкви! Крест – путеводитель в Небесное Отечество!

Отец Иоанн опытно хорошо знал великую силу жизненного креста. Со своего креста он так отчетливо увидел Христа, что память об

этом видении звала его на крест постоянно. В одной из проповедей как откровение прозвучало это признание, его дрогнувший, пресекающийся голос прошептал о кресте: «А я люблю его».

Он помнил, как потоки божественной благодати приносили веяние иного мира во мрак земного страдания. И он знал, что выше меры человеческих сил Господь креста не дает. Отец Иоанн дерзновенно звал на крест всех, кто задумывался о смысле жизни, о спасении, звал без ропота и душевного смущения принять скорби, воздвизаемые на нас жизнью, признавая себя достойными их. Ибо это и есть Крест, Богом данный.

Отец Сергий Правдолюбов вспоминает, как однажды отец Иоанн, благоговея пред крестом, дал ему пример своего воззрения на крест и почитания его.

«Я попросил отца Иоанна благословить меня крестом, который тогда был на мне: обычным наперсным, изделия софринских мастерских. В моей интонации было нечто извиняющееся за как бы ненастоящий, как бы поддельный крест, ведь он не старинный, не серебряный, как положено, я уж не говорю – не золотой кабинетный, не императорский... «Как ты смеешь так говорить? – воскликнул отец Иоанн. – Это же Крест Господень! Разве Богу не все равно, из какого металла он сделан и в какое время?»

И он с величайшим благоговением к Кресту благословил меня софринским наперсным крестом и потом надел его на меня. Я получил очень сильный урок».

С 1991 года и до конца своих дней отец Иоанн, забывая себя, растворялся в общей беде, нашедшей на Россию, – дитя Божие любимое... Неразумное. Он молился о каждой душе христианской, заплутавшей в дремучих дебрях жизни, насаждаемых безбожием. Беззвучный монашеский плач, которым было полно сердце инока Божия

Иоанна по России, по Церкви, по русскому благочестию приоткрывался в письмах архимандрита Иоанна, и в каждом его письме между строк являлся один вопрос: «Како веруем и веруем ли?»

На вопрос о предсказании духоносных мужей о возрождении России отец Иоанн отвечал, что как упадок, так и возвышение – во власти Божией, и Господь волен вносить коррективы и изменения в Свои планы. Нам же надо всем начать возрождение России с возрождения своей души. И ответственность за судьбу России лежит не на одних правителях, но на каждом россиянине, как бы мал он ни был.

Господь-Промыслитель правит миром, каждое обстоятельство имеет духовный смысл и даровано для исполнения высшей цели – для познания Бога. Смута, начавшаяся у стен Церкви и вошедшая на церковный амвон, показала, как глубока болезнь души русской недоверием Богу, неверием.

«От Господа нашего Иисуса Христа всегда слышали проповедь о возрождении духовном, а не о делах гражданских, – тяжело вздыхая, говорил отец Иоанн.

– Человек, в какое бы время он ни жил, хочет он этого или не хочет, делает выбор, определяющий его будущность в вечности. И то, что попущено Богом, не остановите ни самой всемогущей власти имеющей руки, ни миллионы протестанты.

Богом определенное свершится несомненно. Но когда, как? Этого нам знать не дано, и от желания это знать нас предостерегает Писание. Ибо это положил в Своей власти Господь. А Промысл Божий прав всегда. И если Он попускает нам испивать горечь современной жизни, то это при несомненном доверии Богу есть единственно спасительный путь для нас».

Акафист Успению Божией Матери

Вот что говорит муж умнейший и святой митрополит Филарет (Дроздов): «Если думают, что бедствие пришло не путем истины и милости Господней, наказующей зло и обращающей к добру, то спрашиваю: как же пришло в мир бедствие?

Украдкою? Нельзя. Бог всеведущ.

Насильственно? Нельзя. Бог всемогущ.

По слепому движению сил природы? Нельзя. Ими управляет Бог премудрый и всеблагой.

Куда ни обращайся с догадками, отовсюду принужден будешь возвратиться к одной неоспоримой истине, что если как-нибудь допущено в мир бедствие, то не иначе разве, как средство Провидения, наказательное и исправительное, а иногда испытательное, как истина и милость путей Господних».

В 1993 году духовничество отца Иоанна выплеснулось за пределы монастыря. Появилась возможность издавать его проповеди и письма. Уже не одни местные жители и паломники услышали скорбные интонации печорского духовника и убедительный глас Божьего зова ко спасению в его наставлениях. Духовническая ответственность отца Иоанна совсем лишила его отдыха. Поток писем все увеличивался, а ему каждое письмо надо было непременно подержать в своих руках, чтобы прикоснуться к скорбной душе, его написавшей. Письма-исповеди, письма-вопли о скорой помощи, письма священнические: и кто только не обращался к отцу Иоанну в письмах, и откуда они только не приходили! Первая книга отца Иоанна, изданная в 1993 году, «Опыт построения исповеди» для многих ста-

Отец Иоанн диктует ответы на письма

ла откровением. До ее появления частенько на исповеди случалось слышать: «У меня грехов особых-то нет». И тот же человек после прочтения этой книги говорил: «Да на мне пробу негде ставить. Кругом грехи».

Со временем отец Иоанн стал не только скорбеть над письмами, но иногда и утешаться, получая ответы, приходившие на адрес монастыря и свидетельствовавшие, что труд его не напрасен.

«Ваши письма дали ответы на многие мои вопросы и недоумения, но не только содержание этих писем, само чтение этой неожиданной книги что-то сделало с моей душой, но я не сумею это объяснить».

«Ваши проповеди и письма, как свет во тьме, помогают рассмотреть самые затаенные и затемненные уголки души, вспомнить и помнить, из какой бездны возвел нас Господь».

«Большое спасибо святой обители, издавшей письма отца Иоанна. Берегите, радуйте драгоценное сокровище вашего святого монастыря – отца Иоанна. Подвиг его молитвенного труда и письменного общения с людьми поразителен. Каждое его письмо – это спасательный

С паломницами из Троице-Сергиевой Лавры

круг, брошенный ко всем нам, почти уже совсем погибшим в море смут и бед».

«Отче Иоанне, мы очень благодарны Господу, что Он даровал нам такого пастыря и молитвенника. Мы с радостью читаем Ваши проповеди. Они для нас благодатный свет из Святого места. В трудные времена Ваше слово прекращает все сомнения, и становится все ясным».

«Я берегу Ваши письма, они помогают мне в трудные минуты, когда нужно принять какое-либо важное решение. Теперь Господь подарил нам, мирянам, задыхающимся в миру, еще одну книжечку-помощницу».

«Дорогой батюшка, за книгу Ваших писем большое спасибо! Она всегда со мной. И каждый раз, когда мне надо разобраться в чем-то, кого-то понять, я ищу в ней ответ. Только почему-то без слез читать не могу, съедает мою душу чувство горячего стыда за жизнь свою непутевую».

«Сейчас я перечитываю батюшкины письма, которые я от него получал, и мне кажется, что в моей душе звучит его голос. То, что

отец Иоанн начертал своей рукой в моей душе, неизгладимо. Это воспоминания личного характера, у батюшки не было ничего отвлеченного, не было высокого богословия, он любовно, с рассуждением входил во всякую ситуацию и говорил от сердца к сердцу».

«Общаясь с отцом Иоанном, мы обретали надежду на то, что добро неуничтожимо, человеческая личность вечна. И думалось: «Если человек так может любить человека и так радоваться о каждом грешнике, то как же нас любит Господь!» Батюшка нес такой свет, за которым хотелось следовать, хотелось так же служить литургию, так же любить людей, хотелось так же верить, так же надеяться и радоваться».

А теперь слушай волю Божию

Большой опыт церковной жизни отца Иоанна давал ему огромные преимущества в различении духов, в определении того, куда могут привести те или иные увлечения и нововведения или ревность не по разуму

Архимандрит Тихон (Шевкунов), наместник московского Сретенского монастыря[110] делится своими воспоминаниями об отце Иоанне. «Вся моя монашеская жизнь неразрывно связана с отцом Иоанном. Он был и остается для меня идеалом православного христианина, монаха, любящего и взыскательного священника-отца. Я увидел отца Иоанна осенью 1982 года, когда сразу после крещения приехал в Псково-Печерский монастырь. Тогда, кажется, он не произвел на меня особого впечатления: очень добрый старичок, весьма крепкий (ему тогда было только 72 года), вечно куда-то спешащий, постоянно окруженный толпой паломников. Более аскетически, по-монашески выглядели другие насельники монастыря. Но прошло совсем немного времени, и я стал понимать, что этот старичок является тем, кого на Руси издревле именовали старцем, – редчайшим и драгоценнейшим явлением в Церкви.

Главным духовным качеством отца Иоанна для меня всегда был и остается не только его дар рассуждения, но и непоколебимая вера во всеблагий и совершенный Промысл Божий, ведущий христианина ко спасению. Как-то в ответ на мои недоумения батюшка написал: «Вот сейчас со вниманием читаю паремии, какая глубина: «Сердце челове-

Архимандрит Тихон (Шевкунов)

ка обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его», – это премудрый Соломон на себе проверил (Притч. 16:9). И Вы еще не раз убедитесь в своей жизни, что это именно так, а не иначе».

Отец Иоанн – один из очень немногих живших в наше время людей, которым Господь открывал Свою Божественную волю и о конкретных лицах, и о событиях, происходящих в Церкви и в мире.

К свободному доверию и послушанию отцу Иоанну приводили человека опыт и время. Сам он никогда не называл себя старцем. А когда ему об этом пытались говорить, останавливал словами, что сейчас старцев нет, а есть только опытные старички. Он был в этом убежден до конца дней своих, впрочем, так же как и я убежден в том, что Господь в его лице послал мне истинного старца, знающего волю Божию обо мне и об обстоятельствах, связанных с моим спасением.

Помню, когда я был еще молодым послушником, в монастыре ко мне подошел один из паломников-москвичей и поведал историю, которой он только что был свидетелем. Отец Иоанн в окружении паломников спешил по монастырскому двору к храму. Вдруг к нему бросилась заплаканная женщина с ребенком лет трех на руках: «Батюшка, благословите дитя на операцию, врачи требуют срочно». И произошло то, отчего были потрясены и паломник, рассказавший мне это, и я сам. Отец Иоанн остановился и твердо сказал ей: «Ни в коем случае. Он умрет на операционном столе. Молись, лечи его, но операцию не делай ни в коем случае. Он выздоровеет». И перекрестил младенца.

Мы сидели и размышляли: а вдруг отец Иоанн ошибся? Что если ребенок умрет? Что мать сделает с отцом Иоанном, если такое случится? Заподозрить отца Иоанна в вульгарном противлении медицине, которое, хоть и редко, но все же встречается в духовной среде, мы не могли: мы знали много случаев, когда отец Иоанн и благословлял и настаивал на операции. Среди его духовных детей было немало известных врачей.

Долгое время мы жили в напряженном ожидании. Но ничего не происходило. И нам оставалось только поверить, что отец Иоанн прозрел Промысл Божий об этом младенце и взял на себя великую ответственность за его жизнь, а Господь не посрамил веры и упования своего верного раба.

Этот случай вспомнился мне через десять лет, в 1993 году, когда очень похожая история закончилась, с одной стороны, по-человечески трагически, а с другой – по молитвам отца Иоанна послужила вечному спасению христианской души и глубоким уроком для свидетелей этого случая.

Обычно даже при твердой убежденности в правильности своих советов батюшка старался уговаривать, просить и умолять об исполнении того, что, как он знает, необходимо для обратившегося к нему человека. Если же вопрошавший упрямо настаивал на своем, то батюшка вздыхал и говорил: «Ну что ж, попробуйте. Делайте как знаете». И всегда, насколько мне известны подобные случаи, те, кто не исполнял мудрых духовных советов отца Иоанна, в конце концов горько в этом раскаивались и, как правило, приходили к нему в следующий раз с твердым намерением исполнять то, что он скажет. Отец Иоанн с неизменной любовью и сочувствием принимал таких людей, не жалел для них времени и всеми силами старался исправить их ошибку.

В Москве жила необычайно интересная и своеобразная женщина, Валентина Павловна Коновалова... Она была настоящей московской купчихой, казалось, что сошла с полотен Кустодиева[111]. В начале 1990-х ей было лет шестьдесят. Она была директором большой продуктовой базы на проспекте Мира. Полная, приземистая, она восседала за столом в своей конторе, за спиной у нее висели, даже в самые сложные советские времена, большие софринские иконы, а на полу у тумбочки письменного стола лежал большущий целлофановый мешок с деньгами, которыми она распоряжалась по своему усмотрению, то посылая подчиненных закупить партию свежих овощей, то одаривая нищих и странников, которые во множестве стекались к ее базе. Подчиненные ее боялись, но любили. Великим постом она устраивала общее Соборование прямо в своем кабинете, на котором благоговейно присутствовали и работавшие на базе татары. Частенько в годы дефицита к ней заглядывали московские настоятели, а то и архиереи. С некоторыми она была сдержанно почтительна, а с другими, которых она не одобряла «за экуменизм», – резка и даже грубовата.

Я не раз по послушанию на большом грузовике ездил из Печор в Москву за продуктами для монастыря к Пасхе и Рождеству. Валентина Павловна очень тепло, по-матерински, принимала нас, послушников, и мы с ней подружились. Тем более что у нас была любимая тема для разговоров – наш общий духовник отец Иоанн. Батюшка был, пожалуй, единственным человеком на свете, которого Валентина Павловна боялась, бесконечно уважала и любила. Дважды в год она со своими ближайшими сотрудниками ездила в Печоры, там говела и исповедовалась. И в эти дни ее невозможно было узнать – кроткая, тихая, застенчивая. Она ничем не напоминала «московскую владычицу».

В конце 1993 года происходили некоторые перемены в моей жизни, я был назначен настоятелем подворья Псково-Печерского монас-

тыря в Москве – нынешний Сретенский монастырь, и мне часто приходилось бывать в Печорах. У Валентины Павловны болели глаза, ничего особенного. Как-то раз она попросила меня испросить благословение у отца Иоанна на удаление катаракты в Федоровском институте. Ответ отца Иоанна немного удивил меня: «Нет-нет, ни в коем случае. Только не сейчас, пусть пройдет время». На следующий день я буквально передал эти слова Валентине Павловне. Она очень расстроилась: в Федоровском институте об операции уже договорились. Она написала отцу Иоанну подробное письмо, снова прося благословения и объясняя ситуацию, что дело это почти пустячное, не стоящее внимания.

Отец Иоанн, конечно же, не хуже ее знал, что такое операция по поводу катаракты и что она не представляет серьезной угрозы. Но, прочтя письмо Валентины Павловны, он очень встревожился. Мы долго сидели с ним, и он убеждал меня, что необходимо уговорить Валентину Павловну не делать сейчас операцию. Он снова написал ей, просил, умолял, своей властью духовника даже приказывал отложить операцию. В это время у меня так сложились обстоятельства, что было две недели свободных. Я больше десяти лет не отдыхал, и поэтому отец Иоанн благословил меня поехать на две недели в отпуск в Крым, в санаторий, и непременно взять с собой Валентину Павловну. Об этом же он написал ей в письме, прибавив, что операцию она должна сделать потом, через месяц после отпуска. «Если она сейчас сделает операцию, она умрет», – грустно сказал он мне, когда мы прощались.

Но в Москве я понял, что нашла коса на камень. Валентина Павловна вдруг, наверное, впервые в жизни, взбунтовалась против воли своего духовника. Ехать в Крым она вначале категорически отказалась, но потом, казалось, смирилась. А что касается операции, то она

была крайне возмущена, что из-за такой ерунды отец Иоанн «заводит сыр-бор». Я сообщил ей, что, как бы то ни было, но я начинаю хлопотать о путевках, и в ближайшее время мы едем в Крым.

Прошло несколько дней, я получил от Святейшего благословение на отпуск, заказал две путевки, которые в это время года несложно было найти, и позвонил на базу Валентине Павловне, чтобы сообщить о нашем выезде.

– Она в больнице, ей делают операцию, – сказал мне ее помощник.

– Как?! – закричал я. – Ведь отец Иоанн ей категорически запретил.

Выяснилось, что пару дней назад к ней зашла какая-то монахиня и, узнав об ее истории с катарактой, будучи врачом, тоже не могла согласиться с решением отца Иоанна и взялась испросить благословения у одного из духовников Троице-Сергиевой Лавры. Благословение было получено, и Валентина Павловна направилась в Федоровский институт, рассчитывая после быстрой и несложной операции уехать со мной в Крым. Ее подготовили, но во время операции, прямо на столе, у нее случился тяжелейший инсульт и полный паралич. Как только я узнал об этом, я бросился звонить в Печоры эконому монастыря, давнему келейнику батюшки. В исключительных случаях отец Иоанн спускался из своей кельи к отцу Филарету и пользовался его телефоном.

– Как же вы так можете, почему вы меня не слушаете? – чуть не плакал отец Иоанн. – Ведь если я на чем-то настаиваю, значит, знаю, что делаю!

Что мне было ему ответить? Я спросил у отца Иоанна, что сейчас нужно делать. Валентина Павловна до сих пор была без сознания. Отец Иоанн велел взять из храма в келью запасные Святые Дары и, как только больная придет в себя, сразу ехать к ней исповедовать и причастить.

По молитвам отца Иоанна Валентина Павловна на следующий день пришла в сознание. Родственники немедленно сообщили мне об этом, и через полчаса я был в больнице. Ее вывезли ко мне в одну из палат реанимации на огромной металлической каталке, совсем крохотную под белой простыней. Она не могла говорить и, увидев меня, лишь заплакала. Но и без слов мне была понятна эта исповедь в том, что она поддалась вражескому искушению в непослушании и недоверии к духовнику. Я прочел над ней разрешительную молитву и причастил. Мы простились. На следующий день ее еще раз причастили. Вскоре после причастия она умерла. По древнему церковному преданию, душа человека, который сподобился причаститься в день смерти, проходит к престолу Господню, минуя мытарства. Такое случается или с высокими подвижниками, или с людьми с исключительно чистым сердцем. Или с теми, у кого есть очень сильные молитвенники.

Обычно когда кто-то начинает вспоминать об отце Иоанне, пишет, какой он благостный, ласковый, добрый, любвеобильный. Да, несомненно, что человека, настолько умеющего согреть отеческой, христианской любовью, я не встречал в своей жизни. Но нельзя не сказать и о том, что отец Иоанн, когда это необходимо, бывал по-настоящему строг. Он порой умел находить такие слова обличения, после которых его собеседнику не позавидуешь. Помню, когда я был еще послушником в Печорах, то случайно услышал, как отец Иоанн сказал двум молодым иеромонахам: «Да какие вы монахи, вы просто хорошие ребята».

Отец Иоанн никогда не стеснялся и не боялся сказать правду, невзирая на лица, и делал это в первую очередь для исправления и спасения души своего собеседника. Эта твердость и духовная принципиальность, конечно же, были заложены в душу отца Иоанна еще в раннем детстве, когда он общался с великими подвижниками и но-

Духовническая беседа

вомучениками. И все это было проявлением истинного церковного сознания и христианской любви к Богу и людям.

За годы общения с батюшкой я заметил, что у отца Иоанна были определенные принципы относительно духовных советов. Но, конечно же, он не автоматически применял их. Для меня был интересен пример его советов относительно брака. Он давал благословение на вступление в брак, только если жених и невеста знакомы хотя бы года три. При нынешней нетерпеливости молодых людей это кажется слишком большим сроком. Но многие примеры показали, насколько опыт отца Иоанна и его настойчивость в необходимости проверки друг друга будущих супругов бывают спасительны. Я знаю случаи, когда священники из жалости сокращали данный отцом Иоанном срок, и это заканчивалось для молодых семей плачевно.

Отец Иоанн с благоговением, любовью и послушанием относился к архиереям и церковному священноначалию. Осознание того, что истина на земле пребывает лишь в Церкви, была глубоко прочувствована им. Множество раз он благословлял действовать именно так, как

решит Святейший, как благословит епископ, наместник. Отец Иоанн не терпел никаких расколов, бунтов и всегда бесстрашно выступал против них, хотя знал, сколько клеветы, а порой и ненависти ему придется испить. Но он все терпел, лишь бы самому и его духовному стаду идти церковным, царским путем.

Это касалось и испытаний, которым подверглась наша Церковь за последнее десятилетие: с одной стороны – обновленческим тенденциям, с другой – болезненным эсхатологическим настроениям. И в том и в другом случае отец Иоанн различал запутавшихся по неразумию и вражеским козням и готовых сознательно принести вред Церкви. Большой опыт церковной жизни отца Иоанна давал ему огромные преимущества в различении духов, в определении того, куда могут привести те или иные увлечения и нововведения или ревность не по разуму. Воистину, нет ничего нового под солнцем.

«В кампании, предлагаемой Вами, я участвовать не буду, – пишет отец Иоанн иеромонаху, который пытался втянуть его в движение «За жизнь без ИНН». – Сам дух подобной деятельности, где много самости, шума и надежды не на Бога, а на человека, да еще с критиканством священноначалия Церкви, который ключом бьет в Ваших высказываниях, воспрещает мне это. Я уже видел подобное в действиях и духе обновленцев, восстающих на тишайшего Патриарха Тихона, а фактически на Самого Господа и Его Церковь».

Свое трезвое и глубоко продуманное отношение к проблемам глобального компьютерного учета и подобного рода явлениям в современном мире отец Иоанн высказывал не раз и в письмах, и в обращениях. Все это многократно опубликовано и для одних послужило поводом для духовного мира, успокоения от бунтарских настроений, доверия Русской Православной Церкви, для других, – к сожалению, поводом для нападок на отца Иоанна, а порой и прямой клеветы.

Думаю, что это испытание клеветой и ненавистью в самые преклонные года жизни промыслительно было ниспослано Господом. Кажется, преподобный Варсонофий Оптинский пишет где-то, что Господь посылает Своим верным рабам именно в последний период жизни такие искушения, как образ Голгофы Спасителя.

За несколько лет до этих событий отец Иоанн, не колеблясь, вызвал огонь на себя ради того, чтобы предостеречь церковный народ от соблазна нового обновленчества. Он не раз встречался и беседовал со сторонниками модернизации и обновления в Церкви. И только исчерпав все средства убеждения в крайней опасности этого пути, он высказался ясно с полной ответственностью за свои слова: «Если мы не разорим это движение, они разорят Церковь».

Я был свидетелем того, как отец Иоанн переносил ненависть и напраслину, изливавшиеся на него за стояние в Правде Христовой. Видел его боль, но и благодушие, когда он терпел непонимание и предательство. Но никогда батюшка не терял к обидчикам любви и христианского прощения. Для меня на всю жизнь остались в памяти слова его проповеди, сказанной в Михайловском соборе Псково-Печерского монастыря в 1985 году:

«Нам дана от Господа заповедь любви к людям, к нашим ближним. Но любят ли они нас, нам об этом нечего беспокоиться. Надо лишь о том заботиться, чтоб нам их полюбить».

Один московский священник, бывший духовный сын отца Иоанна, обратился ко мне со страшной просьбой: вернуть епитрахиль, которой отец Иоанн благословил его на священство. Он сказал, что разочаровался в отце Иоанне из-за того, что тот не поддержал его диссидентских воззрений. Это было в конце 1980-х годов. Каких только

Праздничная служба в Сретенском монастыре

слов не наговорил этот священник, но сам он не слушал ничего: ни того, что отец Иоанн много лет провел в лагерях, ни того, что подвергался пыткам и не был сломлен, ни того, что отца Иоанна никто не может заподозрить в конформизме. С тяжелым сердцем я передавал епитрахиль батюшке. Реакция его меня поразила. Он перекрестился, с благоговением поцеловал священное облачение и произнес: «С любовью давал, с любовью принимаю». Позже этот священник перешел в другую юрисдикцию, там ему тоже не понравилось, потом еще в другую...

Не могу скрыть и следующего факта, который, быть может, вызовет неоднозначную оценку, но ради правды жизни не могу о нем умолчать. Да, отец Иоанн, безусловно, благоговел и подчинялся церковной иерархии, но это не означало автоматического, бездумного отношения. Я был свидетелем случая, когда один из наместников монастыря и правящий архиерей убеждали батюшку преподать свое благословение на их решение, с которым отец Иоанн не был согласен. Необходимо это было для придания нужному им решению

авторитета старца. Приступали к батюшке серьезно, что называется, «с ножом к горлу». Монахи и священники представляют, что такое противостоять давлению правящего архиерея и наместника. Но отец Иоанн совершенно спокойно выдержал этот многодневный натиск. Он почтительно, терпеливо и кротко объяснял, что не может сказать «благословляю» на то, с чем в душе у него нет согласия, что если начальствующие считают необходимым поступить именно так, он безропотно примет их решение – они отвечают за него пред Богом и братией, а он дать свое «благое слово» на это не может.

Поклонный крест в Сретенском монастыре

С отцом Иоанном неразрывно связано все, что касается возрождения и становления монашеской жизни московского Сретенского монастыря. Осенью 1993 года под праздник преподобного Сергия я приехал к отцу Иоанну в очень сложный для меня момент жизни. Был я к тому времени иеромонахом московского Донского монастыря. Девять лет отец Иоанн не давал мне благословения на монашеский постриг и держал в послушниках, поставив условие – дождаться благословения матери. Но мама, хотя и не возражала, чтобы я служил в священническом сане, но не хотела, чтобы я шел по монашескому пути. Батюшка твердо стоял на своем условии и говорил, что если по-настоящему хочешь быть монахом, проси этого у Бога, и Он управит все в нужное время. Я тогда твердо ему поверил и спокойно ждал, будучи сначала послушником в Псково-Печерском монастыре, а потом трудился в Издательском отделе у митрополита Питирима. И вот однажды, приехав к батюшке в Печоры, я рассказал ему,

что скоро открывают Донской монастырь, который особо любили москвичи, а наместником монастыря назначают архимандрита Агафодора[112], которого я немного знал. И тут отец Иоанн говорит мне: «А ведь это пришло твое время. Иди, проси у мамы благословение. Думаю, теперь она тебе не откажет. А за то, что девять лет терпел и не самочинничал, увидишь, как Господь не оставит тебя Своею милостью».

Отец Иоанн рассказал о Донском монастыре времен его молодости, о жившем там под арестом святом Патриархе Тихоне, которого батюшка любил и почитал бесконечно. Рассказал и известную теперь историю о явлении в 1990 году ему святого Патриарха Тихона. В заключение отец Иоанн помолился перед иконой Божией Матери «Взыскание погибших» и велел мне торопиться домой.

По молитвам отца Иоанна мама на сей раз неожиданно согласилась с моим желанием, а Святейший Патриарх Алексий II благословил вступить в немногочисленную братию Донского монастыря. Сбылись слова отца Иоанна и о милости Божией за терпение: так получилось, что архимандрит Агафодор два раза откладывал мой монашеский постриг из-за срочных отъездов по делам обители. В самый день моего рождения, когда мне исполнилось ровно тридцать три года, постриг меня с именем Тихона, в честь моего любимого святого и покровителя Донского монастыря.

Но в тот приезд к отцу Иоанну я ничем не мог порадовать батюшку. Отношения мои с наместником по моей вине настолько испортились, что я решительно не знал, что делать. Отец Агафодор сам отправил меня в Печоры к духовнику, чтобы тот разрешил мои проблемы. Отец Иоанн долго утешал меня и призывал к монашескому терпению. Он умел находить такие слова, что, даже приезжая с са-

мой неразрешимой проблемой, люди выходили из его кельи, исполненные новых сил к жизни, с надеждой на бесконечную любовь к ним Господа. Это и была главная сила отца Иоанна. Он говорил не как образованные богословы-книжники, а как имеющий власть от Бога давать жизненные силы и вести вслед за Христом.

От души к душе

Мы засиделись тогда довольно долго, уже началась всенощная. Должен был петься акафист преподобному Сергию. Вместе с молодыми монастырскими иеромонахами мы ждали выхода на акафист в древнем пещерном алтаре Успенского собора, как вдруг к нам подошел отец Иоанн. Он сразу показался мне каким-то необычным – сосредоточенно-строгим. Не говоря ни слова, он крепко взял меня за руку и подвел к святому престолу. Медленно перекрестился и велел мне сделать то же самое. Потом, обратившись ко мне, торжественно произнес:

– А теперь слушай волю Божию...

Никогда до этого я не слышал от отца Иоанна подобных слов и поэтому стоял совершенно изумленный.

– Ты вернешься в Москву и сразу пойдешь к Святейшему Патриарху, – проговорил отец Иоанн, – проси у него, чтобы он благословил тебя перейти из Донского в братию нашей обители. Проси Святейшего, чтобы он благословил создание подворья Псково-Печерского монастыря в Москве, и ты будешь строить это подворье.

Я не знал, что и сказать! Но понял, что вся моя жизнь вот сейчас, в эту минуту, меняется абсолютно. Начать с того, что сам отец Иоанн никогда не благословлял монахов на переход в другой мона-

стырь, а тут идти с этим к самому Святейшему! Но были и другие причины.

– Батюшка, – пролепетал я, – это же совершенно невозможно!.. Святейший совсем недавно объявил, что в Москве не будет открыто ни одного подворья нествропигиального монастыря. И настрого запретил даже обращаться к нему с подобными просьбами.

Здесь необходимо небольшое пояснение. Ставропигиальными (это старинное греческое слово) называются монастыри, непосредственно подчиненные Патриарху, их по всей стране около 20, а нествропигиальными – те монастыри, которые подчиняются епархиальным архиереям – их в то время было больше 250, и с каждым месяцем количество их увеличивалось. Все эти провинциальные монастыри, конечно, хотели иметь свои подворья в столице и обращались к Патриарху с постоянными просьбами об этом. И Святейший на одном из собраний духовенства очень твердо предупредил, чтобы с подобными просьбами к нему впредь не обращались, поскольку, если начать раздавать московские храмы монастырям, то приходских церквей в столице вообще не останется. Все это я объяснил отцу Иоанну. Но тот даже глазом не повел.

– Не бойся ничего, иди к Святейшему и передай то, что я тебе сказал. Святейший все тебе благословит! А затем, – батюшка продолжал уже совсем по-деловому, – тебе предложат на выбор несколько храмов. Первый не бери! А из остальных выбирай, какой тебе приглянется, но только не гонись за большими и знаменитыми.

Пора было выходить на акафист.

– После службы жду тебя в келье! – завершил разговор батюшка.

Весь акафист и дальнейшую службу я только и переживал слова, сказанные отцом Иоанном, а после всенощной сразу примчался к нему. Он еще несколько раз повторил мне то, что я услышал в алтаре, ус-

Святейший Патриарх Алексий II за Божественной литургией

покоил, ободрил и велел поступать точно, как говорит. Отец Иоанн никогда не бросался великими и страшными словами, такими как «я скажу тебе волю Божию». Я за все время нашего общения, ни раньше, ни потом таких слов от него не слышал.

Превозмогая страх, решил выполнить все, как сказал старец.

Вскоре представился случай, и я слово в слово передал Святейшему то, что наказал мне батюшка: и о переводе меня в братию Псково-Печерского монастыря, и о создании для него подворья в Москве...

К моему удивлению, Святейший неожиданно нашел мысль о Псково-Печерском подворье очень своевременной и правильной. Оказывается, как раз в это время встал вопрос о закрытии для паломников свободного доступа в город Печоры и введении в нем особого пограничного режима, связанного с окончательным оформлением границы между Россией и Эстонией, которая проходила в трех километрах от Псково-Печерского монастыря. Подворье, по мнению Патриарха, могло бы помогать паломникам, если неблагоприятный пограничный режим будет

введен. Святейший тут же поручил заняться подбором храма для подворья владыке Арсению* и отцу Владимиру Дивакову**.

Первое место, которое предложил для подворья владыка Арсений, был Покровский монастырь[113], недавно переданный Церкви. Но, помня слова отца Иоанна, я отказался.

Тогда владыка дал мне еще два адреса: Измайловский храм на острове[114] и Сретенский монастырь на Лубянке. Измайловский показался мне очень большим, а Сретенский как раз таким, как говорил отец Иоанн. К тому же это был не просто приход, а монастырь, закрытый в 1927 году, где так или иначе надо было возрождать монашескую жизнь. Я позвонил отцу Филарету в Печоры, и он соединил меня по телефону с батюшкой.

– Сретенский? Это тот, что за Трубной площадью? – батюшка отлично знал церковную Москву. – Его и бери!

А после того как отпала тревога по поводу закрытия города Печор для паломников, именно отец Иоанн благословил просить Святейшего о преобразовании подворья в ставропигиальный Сретенский монастырь.

Со дня открытия подворья минуло 15 лет, но всегда – в дни радостей и испытаний – нас поддерживала молитва, благословение, а иногда и строгое взыскание отца Иоанна. Первые, самые сложные годы батюшка следил буквально за каждым шагом в возрождающейся обители. Он передал для Сретенского множество своих икон. Отец Иоанн благословил создание монастырского издательства, семинарии, подсобного хозяйства.

Как-то я заболел и оказался в больнице. Болезнь была тяжелая, и отец Иоанн в письме благословил, несмотря на Рождественский

---

* Архиепископ Истринский Арсений (Епифанов), викарий Московской епархии, с 1990 г. курирует приходы и приходские советы храмов г. Москвы.

** Протоиерей Владимир Диваков с 1991 г. – заведующий канцелярией Московской Патриархии. В настоящее время – секретарь Патриарха Московского и всея Руси по городу Москве.

Радость о Господе

пост, в больнице есть и рыбу, и молочное. В палате был даже телевизор. Немного придя в себя, я решил посмотреть телевизионные новости, которые не видел несколько лет, потом и интересное кино.

В этот же день, к вечеру, из Печор мне пришло письмо от отца Иоанна. Помню, я, лежа в постели, досматривал какой-то фильм и читал батюшкино послание. В конце письма была приписка: «Отец Тихон, я благословлял тебе ослабить пост, а вот телевизор смотреть не благословлял». Я кубарем скатился с кровати и выдернул телевизионный шнур из розетки. К тому времени я уже очень хорошо понимал, что такое не слушаться отца Иоанна.

И даже после кончины старца мы до сих пор чувствуем любовь, поддержку, молитвы и заботу. Иногда это происходит самым поразительным образом и в самое нужное время. В 2007 году тезоименитство Святейшего Патриарха пришлось на первое воскресенье Великого поста, на праздник Торжества Православия. Всю неделю мы с братией провели в храме. Время перед всенощной и после нее прошло в заботах по приему и расселению гостей-архиереев. Поздно вечером, когда уже падал от усталости, я решил, что прочту последование ко Причащению утром. Но, к стыду своему, проспал, и вот уже ехал в храм Христа Спасителя на литургию, так и не прочитав правила. Два или три раза за 16 лет моей недолгой священнической жизни мне приходилось служить, не подготовившись, но всякий раз никакие оправдания и ссылки на обстоятельства, а тем более на усталость, не могли заглушить жестоких обличений сове-

Гости из Сретенского монастыря на 95-летнем юбилее старца

сти. И теперь я пытался убедить себя, что хоть и не прочел положенное правило, но всю неделю исправно был в храме, три дня причащался и всякий раз читал все положенные последования и молитвы.

Короче, кажется, мне уже почти удалось договориться с обличающим меня внутренним голосом, как вдруг ко мне подошел митрополит Чувашский Варнава. Я много лет регулярно, раза четыре в году, видел этого пожилого, почитаемого всеми архипастыря на патриарших службах, но никогда с ним не общался. А тут владыка митрополит сам подошел ко мне, благословил. Потом он сказал:

– Спаси тебя Господи, отец Тихон, за фильм о Печерском монастыре. Мне он очень понравился. Я ведь знал отца Иоанна 50 лет и ездил к нему в Печоры, – владыка имел в виду сделанный мною документальный фильм о Псково-Печерском монастыре, где было много хроникальных кадров с отцом Иоанном. – Знаешь, что сейчас вспоминается? – продолжал владыка. – Ты, наверное, слышал, как в 1961 году, когда отец Иоанн служил на деревенском приходе, вечером, накануне

воскресной литургии, бандиты ворвались в его дом, связали и избили его. Так связанного и бросили умирать. Ты знаешь об этом?

– Да, владыко, я знаю эту историю. Только наутро перед литургией прихожане нашли отца Иоанна и освободили его.

– Да-да, так и было! Отец Иоанн пришел в себя, поблагодарил Бога за испытание и спасение и пошел совершать Божественную литургию. И знаешь, что он говорил мне потом? Он говорил, что это был единственный случай за всю его жизнь, когда он служил литургию без приготовления. Ну, вот так... Иди с Богом!

Рядом стоял архимандрит Дионисий (Шишигин). Я подошел к нему и рассказал всю историю: и о моем нерадении, и о беседе с владыкой Варнавой. Я исповедовался ему, и мы с отцом Дионисием, ожидая начала службы, говорили о том, как велика милость Божия к нам и как неисповедим Промысл Божий. Кто знает, чему мы были сейчас свидетелями? Или тому, как отец Иоанн из иного мира через владыку вразумил «одного из чад своих неразумных», как он назвал меня в одном из своих писем? Или, быть может, мы сейчас встретили еще одного сокровенного подвижника и раба Божия, которыми не оскудевает Христова Православная Церковь до скончания века».

Вооружитесь же терпением

В сердце отца Иоанна вмещался весь мир и пребывала любовь, а значит, в нем пребывал Бог, который властен влиять на все. И мы ощутимо чувствовали Божию благодать

Многими вопросами озадачивали отца Иоанна и те, кто за послушание принимал на себя труд по управлению открывающегося монастыря. Разговоры, как правило, оканчивались сборами необходимого для первой монастырской церкви. Батюшка умудрялся всегда исполнить все просьбы.

У отца Иоанна хранились еще дореволюционные синодики Соловецкого монастыря[115] и Оптиной пустыни. Он периодически поминал послуживших в них насельников, сохраняя живую молитвенную связь с этими обителями. В открывшуюся Оптину он подарил такой синодик, оформленный его духовными чадами. Любовь его к Соловецкому монастырю питалась любовью к новомученикам и исповедникам Российским. Именно туда, на Русскую Голгофу, его память собрала всех-всех принесших себя Христу в живую жертву от России. В первые годы открытия Соловецкого монастыря отец Иоанн принимал в нем самое живое участие.

Из батюшкиной кельи вышли многие его первые насельники. На Соловки отец Иоанн благословил свое духовное чадо Сергия, чтобы он потрудился и остался в нем до Архангеловой трубы. В монастыре тот стал иеродиаконом Иринархом[116].

Сразу после войны, когда отцу Иоанну благословили сопровождать возвращающиеся на родину из Москвы мощи Виленских мучеников[117], он познакомился с игуменьей женского монастыря*. Изгнанные из своей разоренной обители, они приютились в Свято-Духовом мужском монастыре[118], да так в нем и остались помогать братии. Они пели на ранних литургиях, пекли просфоры, делали и другие работы по храму. Впечатление от подвижнической жизни стариц-монахинь глубоко вошло в сердце отца Иоанна, и он, еще не будучи сам монахом, носил в своей молитвенной памяти бедствующих. Женский монастырь властями был обречен на медленное вымирание, пополнять его молодыми силами решительно возбраняли, хотя желающих вступить на монашеский путь было немало. Знакомство это обоюдно поддерживалось во все время странствий отца Иоанна по приходам, а когда он поселился в монастыре, дружеские отношения переросли в духовнические. Отец Иоанн взял на себя заботу об этом монастыре. То и дело между Печорами и Вильнюсом путешествовал гонец то с пошитым для монахинь облачением, то с продуктами. Жертвующих средства отец Иоанн направлял прямо к игуменье. Да частенько матушка игуменья и сама приезжала, а то присылала благочинную монахиню Анатолию, посылала на исповедь сестер. Совместно они вымаливали у Господа милости не дать угаснуть монастырской лампаде так же, как угасали жизни старых насельниц. Господь внял молитвам: незаметно по одной стали появляться молоденькие послушницы. И не только о виленских монахинях были думы отца Иоанна, он сострадал женским монастырям, жившим в крайней нищете.

Мужских монастырей было мало, но в них подвизались старцы-духовники, и это привлекало паломников. Женские же монасты-

* В то время сестрами Вильнюсского монастыря управляла игуменья Нина, известная своими духовными дарованиями.

ри страшно бедствовали – Вильнюс, Александровка*, Жабка**, Корец***.

Периодически в келье отца Иоанна появлялась послушница, получала благословение на предлежащий маршрут и конверты доброхотов с деньгами и записками для поминовения. Приубожившись и не взяв с собой ничего, кроме старой хозяйственной сумки, она отправлялась в дорогу. Время было такое, что приходилось опасаться и своих, и чужих. Под покровом молитвы отца Иоанна все проходило благополучно.

Для жизни Псково-Печерского монастыря монашеское делание отца Иоанна имело жизненно важное значение. Его монашество не в слове, а в деле, не в теории, но в самой практике жизни, монашество не по букве, но по духу было влекущим примером.

Иеромонахи старшего поколения, уже опытно познавшие силу молитв отца Иоанна, говорили, что эта сила духовно держала все и служила спасительным якорем: «В сердце отца Иоанна вмещался весь мир и пребывала любовь, а значит, в нем пребывал Бог, который властен влиять на все. И мы ощутимо чувствовали Божию благодать».

Отец Иоанн, успокоив мятущийся в искушении дух собрата, вливал в смирившееся сердце знание о целительных благах скорбей, постигших его. Не нам ли с тобой говорит святой Исаак Сирский: «Особенный Промысл Божий над человеком, когда ему посылаются непрестанные скорби. Лучше смерть в подвиге, нежели жить в падении».

И добавит от себя:

---

* Свято-Рождественский женский монастырь в с. Александровка Одесской обл.
** Вознесенский женский монастырь в с. Жабка в Молдавии.
*** Свято-Воскресенский Троицкий женский монастырь в г. Корце Ровенской обл. на Волыни.

«А в наше время надо каждой скорби в ножки поклониться и руку ей облобызать. Промысел Божий заботлив о нас до мелочей. Инокн совершают невидимое мученичество в борьбе с собой, с врагом Божиим и с людьми, возлюбившими мир. Запомните, что у Бога ошибок не бывает».

«Теперь же при оскудении духовных руководителей и при ослаблении нашей веры Господь дал нам нелицеприятного руководителя, который и лечит, и учит, и вразумляет, – это тяготы жизни, скорби и болезни. Господь врачует немощи наших чувств горькими обстоятельствами жизни».

В «духовной аптеке» отца Иоанна были собраны выписки из Святых Отцов, которые вразумляли и бодрили расслабленных тяготами монашеских испытаний. Особенно любил батюшка наставления святителя Феофана. Одно из них было у него под рукой постоянно. Нередко среди беседы с монахом раздавался его клич: «Деточки, пирожок, пирожок надобен!»

«Облекитесь верою и терпением. Хозяйка сажает в печку пирог и не вынимает его оттуда, пока не удостоверится, что он испекся.

Владыка мира и вас посадил в печь и держит в ней, ожидая, пока испечетесь. Терпите же и ждите. Как только испечетесь, и минуты не будете сидеть доле в печи. Тотчас вынут вас вон. Если же рванетесь сами, будете тоже как недопеченный пирог. Вооружитесь же терпением, и с терпением давно были бы в Царстве Небесном, а без него в лучшем случае на пути к нему».

Поговорив и утешив посетителя, отец Иоанн давал в напутствие духовное лекарство и с собой: «Шествие к истинному знанию Бога непременно требует помощи от скорбей: непременно нужно умерщвле-

95-летие отца Иоанна. Поздравление братии

ние сердца для мира скорбями, чтобы оно всецело могло устремиться к исканию Бога. По попущению или мановению Бога приступили к вам скорби, как мучители к мученику. Не предавайтесь печали, малодушию, безнадежию».

Главный источник спокойствия в жизни – твердая вера в Промысл Божий и в то, что главой и кормчим Церкви является Сам Христос.

Частенько батюшка повторял, что монашество подобно Кресту, на котором человек добровольно должен распять себя миру ради Царства Небесного. Над его кроватью висела большая цветная литография – распятый монах. Она была в поле зрения батюшки постоянно, так же как и напоминание о смерти «Сего никто не избежит», висевшее над входной дверью, призывающее к духовной собранности при выходе из кельи. Литография монаха меньшего размера предназначалось приходящим к нему монашествующим. Умудренный в различении духов, он учил и нас распознавать особенности их воздействия. «Когда теряется мир душевный – это значит, приближается враг, а чувство легкости и свободы – извещение о том, что Господь при-

зрел на твою душу. После благодатного посещения будь бдителен и жди козней вражиих».

Вспоминает монах Иаков[119]: «Накрыли меня скорби и напасти. Отовсюду тесно. В душе разбой, и от собратий укоризны, и начальствующие грозным оком смотрят. Изнемог. Обдумываю, куда бежать? На Афон, конечно. Уже и волю Божию в оправдание своих дум призвал. Убедительно получается! Но последняя инстанция – отец Иоанн. И для него речь заготовил. Пришел. А он и слова не дал мне вымолвить. Обхватил мою голову руками, крестит и крестит, и куда речь моя девалась, где думы буйные: «Никуда я тебя не отпущу, никуда не отпущу!»

И буквально двумя-тремя словами вывел меня из той мглы несветимой. А он только приговаривает:

– Деточка, деточка, никогда не сходи со своего креста. Это нагорная беда – Божие посещение, тайна Божия.

Дух наш взрослеет в этой болезненной тайне, растет. В ней научимся на Бога уповать и Ему молиться, и называется все это – наш сегодняшний жизненный крест. Не откажись его нести во спасение ради Бога. Будь верен Богу. Верного человека Сам Бог наставит на истину и поведет Ею по пути жизни.

Тут уж и примеров масса: и священномученика Серафима (Звездинского), и священномученика Фаддея Тверского вспомнил. Сидим с отцом Иоанном, и оба готовы заплакать пред подвигом жизни этих угодников, поднявшихся на такую Голгофу, о которой нам и помысл не придет. «А ты, друже, Крест-то Христов все пред своим взором имей, вот и не будет тебя свой крест сгибать до земли».

Завершает нашу встречу молитва: «Господи, в несении креста моего Твоей десницей мне ниспосланного, укрепи меня вконец изнемога-

ющего». Батюшка произносит ее за меня, будто на его плечах лежит эта ноша. И я чувствую, как за его молитву Господь освобождает меня.

Уходишь от отца Иоанна и сам себя не узнаешь. Свою немощь у него в келье оставил, а от его силы укрепился. А он еще вслед кричит: «Деточка, наша любовь тебя со дна ада достанет!» И начинаешь понимать, что именно оттуда тебя только что доставали и достали. И, исполненный неведомыми доселе ощущениями, внимаешь им как веянию нездешнего мира.

Постепенно подготовит человека к вступлению на стезю монашескую, а как тот переступит врата монастырские, так направляет его отец Иоанн к братскому духовнику».

Об отце Иоанне вспоминает иеродиакон Никон[120]: «Пока жил я в монастыре трудником, мы с мамой ходили к отцу Иоанну со всеми своими вопросами и недоумениями, а как вступил я в братство, батюшка отправил меня к братскому духовнику исповедовать ему помыслы и с ним решать текущие проблемы моей монашеской жизни. А иногда придешь к отцу Александру, он затрудняется ответить и со смирением скажет: «Ну кто я такой, иди к отцу Иоанну, он настоящий профессор духовной жизни. Как скажет отец Иоанн, так и сделаем». Я возражаю: «Но, батюшка, Вы же Духовную академию кончили, Вы в монастыре живете дольше отца Иоанна?!» «Да и что, хоть десять академий кончи, а таких дарований, как у отца Иоанна не получишь», – говорит духовник.

Иногда с благословения отца Александра и я стоял у дверей батюшкиной кельи с замиранием сердца. И приходили в голову помыслы, что никакой профессор богословия не разрешит жизнью поставленных проблем. Положение безвыходное.

Входишь. Батюшка весь светленький, в белом подряснике и светлой епитрахили, радостный, как Серафим Саровский, начинает молиться «Царю Небесный...» – зовет Святого Духа распутывать лаби-

Отцы Филарет, Гавриил и Никон в келье у старца

ринты моих тупиков. Он молится так, что его молитва достигает не только неба, но и моего забитого умственными нагромождениями сердца. Не замечаешь сам, как освобождаешься от гнетущих тебя доселе дум. Ты сидишь уже на диванчике, и батюшкины усы ласково касаются твоего уха, а отцовская рука поглаживает твой подбородок. В сердце приходит покой и ни с чем не сравнимое чувство, что ты любимый ребенок и отец не даст тебя в обиду. Все твои вопросы, которые доселе лежали на сердце невыносимой тяжестью, казались такими ничтожными, что о них и думать не хотелось. А отец Иоанн тем временем все говорит и говорит. И только позднее, в обстоятельствах жизни вспоминая его разговор, начинаешь понимать, что он намного вперед проложил для тебя путь в твой завтрашний день. Говорил же он всегда очень просто, искренне и любовно, так что душа воспринимала радость духовного общения и чувствовала такую легкость, как будто сняли с нее оковы и выпустили на свободу.

А освободитель уже помазывал тебя маслом, кропил святой водой и с подарком, непременно с подарком – чаще это была нужная тебе

книга и шоколадка – отпускал тебя со словами: «Ну, ты утешен, ты доволен?»

Я видел отца Иоанна во время молитвы в храме, когда пономарил, видел, как он принимал и общался с посетителями, и я легкомысленно думал, что духовник только такой и бывает. Но вот батюшка ушел, и теперь я понял, что таких больше нет. И будут ли еще такие?

Радостный, простой и любвеобильный, он был таким каждый день и долгие годы, только таким мы его знали. Его радость не старела с возрастом, а умение любить только увеличивалось с годами. Утром он спешил в храм, на крыльях летел с литургии: общение с Господом одухотворяло его. Это касалось каждого, кто к нему подходил в это время. Как-то я не выдержал и спросил отца Иоанна:

– Батюшка, почему Вы такой радостный?

– Деточка моя, так у меня же каждый день на душе Пасха! – ответил он мне. Батюшка всегда деятельно проявлял закон любви, а бывала в нем и такая любовь, что выше закона.

Вспоминается такой случай. Был праздник мучеников Маккавеев. В этот день у одного из отцов был день Ангела. В монастыре принято, что именинник обязательно служит и причащается. Была поздняя литургия, но к моменту входных молитв его в храме не оказалось. Отец Иоанн, возглавлявший службу, заволновался, потребовал непременно сходить за опоздавшим. Он был готов повторить чтение часов, ожидая. Именинник пришел, начали службу. И только в конце литургии мы поняли причину волнения батюшки – этот священник, впавший в искушение, плакал в объятиях отца Иоанна, подарившего ему радость праздника».

«Я жил уже в монастыре, – вспоминает иеродиакон Прохор[121], – когда мне исполнилось 18 лет и пришла повестка идти в армию. Желания служить не было. Пошел я к отцу Иоанну с надеждой, что минует меня чаша сия, ведь я почти монах. Но в ответ услышал: «Нам дворники не

нужны, нам в монастыре нужны диаконы». А я тогда дежурил у дома наместника, подметал площадь. Вопрос с армией был решен. Перед самой отправкой подошел я к отцу Иоанну в алтаре Михайловского собора, чтобы благословиться. Он прервал меня, не дав договорить: «Так, все. Сейчас молитва, все житейские дела потом. Приходи вечером».

На Святой горке с иеродиаконом Трохором

После службы в келье батюшки я впервые почувствовал его отцовскую любовь. Мы долго сидели рядышком на его диване, и отец Иоанн, обняв меня, рассказывал, через какие, не уступающие тяготам воинской службы трудности прошел сам в лагере. Как Господь миловал его. Так он готовил меня к грядущим испытаниям. Прощаясь, он помазал меня, обильно окропил святой водой, приговаривая, чтобы этого благословения хватило на весь срок службы. Завершила проводы шоколадка. И вот я грыз ее, эту шоколадку, когда мне было особенно горько и трудно в годы армейской службы.

Повидать за эти годы пришлось много всего и всякого. В один из моментов, сильно смутивших душу, я написал письмо отцу Иоанну. Ответ не замедлил:

«Берегли чистоту души и тела, чтобы после службы царю земному смог ты служить и Царю Небесному».

С письмом же ощутимо пришло и подкрепление изнемогающему духу.

После армии вернулся я в монастырь. Постриг. Диаконская хиротония. Все как было намечено в момент отправления в армию. Пошла

монашеская жизнь со всеми ее скорбями и радостями. Пришло искушение – на два года пришлось мне стать пономарем. Изнемог я и морально, и физически: «Все, больше не могу!» А со скорбями куда? Опять же к отцу Иоанну. Вот тут-то и стало очевидно, что стоило до него добежать, как ситуация менялась коренным образом. А был момент, когда отец Иоанн спас меня от смерти.

Я был на Афоне и решил один подняться на его вершину. Внизу было тепло, +25 градусов, а там, наверху, +2. Солнце село, и тут же пришла ночь. И остался я среди скал и пропастей в темноте на пронизывающем ветру. Пошел снег. Я замерзал. Начались судороги от переохлаждения. Я понял, что это конец. Тогда с вершины Афона я стал кричать отцу Иоанну: «Батюшка, помоги! Не должен я здесь умереть, не готов я умирать!»

А как вывела меня молитва отца Иоанна к храму по бездорожью, во тьме, до сих пор не пойму.

В храме хоть и холодно было, но лучше, чем на ветру. Всю ночь я согревался поклонами и не замерз. Утром, когда взошло солнце, я стал спускаться с вершины и нашел свой как кол стоящий заиндевелый рюкзак. Я содрогнулся: это же должно было случиться и со мной. Но вот молитвами старца я жив. Слава Богу!

Отец Иоанн нас утешал и одновременно учил, и вразумлял в любой сложной ситуации. Разве обо всем расскажешь! Да даже взгляд на него производил подъем духовных сил, потому что видно было, что человек он святой. Слово его имело силу жизни. Когда батюшка был рядом, мы воспринимали все как должное, обыкновенное, и только когда он ушел, поняли, кем он для нас был. Он нес на себе наши немощи, наши скорби, наши грехи. Он молился так, что мы чувствовали, что снимался груз с души, и она обретала свободу.

До сих пор, если возникают трудности, мы опять бежим к батюшке. Литию послужим, помощи попросим и ее ощутимо получаем.

Я был в Греции и удивился: там отца Иоанна во многих храмах очень хорошо знают, почитают и поминают».

Иеромонах Августин

К монашескому постригу отец Иоанн относился очень ответственно и даже строго: «Не спешите с постригом, твердою волею к самораспятию проверьте себя. А Господь, видя твердость произволения, в свое время все устроит Сам. От нас же требуется только желание спасаться», – говорил он. Многих, очень многих подготовил отец Иоанн к принятию монашества. Иногда этот процесс затягивался на годы, старец зрел душу пришедшего и терпеливо взращивал всходы помыслов до решительного определения: «Буду только монахом».

Так постепенно дозрел до монашества Андрей Заярный, ставший иеромонахом Августином[122]: «Впервые я услышал об отце Иоанне от своего друга-семинариста, с которым познакомился в самом начале своего прихода к вере и Церкви. Он тогда приехал из Печор и рассказал об этой поездке с таким упоением и с такой радостью, что его чувства передались и мне. Он поведал, как был на приеме у старца архимандрита Иоанна, как хотел взять у него благословение на принятие монашества (он уже несколько лет был в разводе с женой) и как старец убеждал его помириться с супругой. А вот если это не удастся, тогда только и думать, как устраивать дальше свою жизнь. Я подумал, что ни с какой женой он не помирится и что будет монахом. Но все получилось не так. Конфликт с женой у друга как-то сошел на нет, и вот уже 15 лет они живут в мире и согласии, воспитывая дочь. Тогда же, несмотря на сомнение в возможности примирения супругов, в реше-

нии отца Иоанна я почувствовал какую-то особенную мудрость и рассудительность, основанную на евангельском понимании жизни. Через несколько лет и мне пришлось услышать отказ отца Иоанна на просьбу благословить меня на монашество. Я учился в семинарии во 2-м классе, и у меня были крестники, трое братьев, которые жили в детском доме. Я был к ним привязан, часто на каникулы забирал их к себе и в тайне сердца подумывал о том, чтобы постоянно жить с ними вместе. И тут владыка одной из епархий предложил мне принять у него постриг. Эта идея мне понравилась, так как появлялась реальная возможность взять над крестниками опекунство. Семинарию при этом я должен был окончить заочно. Однако родители мои категорически восстали против того, чтобы я, не окончив семинарии, рукополагался, да еще и в другой епархии. Нужно было принимать какое-то решение, я обратился за советом к отцу Иоанну. Ответ его был для меня неожиданным.

«Дорогой о Господе Андрей!

Не суетись раньше времени и в основу своего поведения положи родительское благословение. Крестников-братьев на свое попечение не бери. Ты сам еще не устроен, и в твоей жизни ничего пока не определено. Оставь их на своих местах и лишь навещай их изредка, когда есть свободное время, не срывая оттуда, куда их определил Господь. Ни о монашестве, ни о женитьбе речи вести не надо. Помыслы эти пусть тебя не беспокоят до 4-го класса. Но к себе присматривайся и изучай, куда более склоняется твой внутренний человек. И от девочек не шарахайся, да будут они тебе как друзья, но не больше. Себя береги для Церкви.

Спешить нельзя ни в чем, но и медлить не будем. И вот тебе срок – два года. Будем молиться Богу: «Скажи ми, Господи, путь, в онь же пойду, яко к Тебе взяв душу мою». Божие благословение тебе».

Отец Иоанн написал это письмо, когда я учился в 1-м классе семинарии, и срок до ее окончания должен был быть не два, а три года. Тогда я подумал, что батюшка просто ошибся. Но нет, обстоятельства сложились так, что я проучился в семинарии три года, сдав досрочно экзамены за 4-й класс. После окончания учебы я получил благословение на монашество и стал монахом Псково-Печерского монастыря. Хорошо помню мой разговор с отцом Иоанном, когда стал помощником благочинного. Говорю ему: «Батюшка, люди частенько теперь заходят в монастырь в неподобающем виде. Как нам поступать?» Отец Иоанн меня успокоил так, что я получил от него колоссальный заряд любви и энергии: «Отец, да пускай пока хоть в чем зайдут, хоть как-нибудь. Главное, что ни один уже не выходит из монастыря таким, каким он сюда зашел, все меняются».

О старце-духовнике вспоминает благочинный монастыря иеромонах Гавриил[123]: «Я попал на батюшкину орбиту в 13 лет, когда первый раз приехал в монастырь, а в 18 лет почувствовал, что он взял меня под свое крыло. Провожая меня по-отцовски на службу в армию, отец Иоанн, помазывая и окропляя меня, наказывал:

«Детка, ты там будь как все, не выделяйся, не выставляй свою веру напоказ, но крестик не снимай».

И вот в учебке, а это был 1997 год, увидев у меня на груди крестик, военный удивленно спросил:

– Верующий? Вероисповедание?

– Да, верующий, православный, – ответил я.

Испытующе глядя мне в глаза, он произнес:

– Я так и напишу.

Так первый раз во всеуслышание я исповедал свою веру. У всех остальных сослуживцев в этой графе стоял прочерк. В армии же я прак-

тически познал силу молитвы, хоть и молитвенник-то я никакой. Наказ о молитве тоже был получен от батюшки: «Будешь молиться – все у тебя будет хорошо».

И вот бежишь с поклажей километра четыре без отдыха, а в уме и в сердце вопль к Богу. Все молитвы, что наизусть знаешь, как живые в сознании бьются. Не заметишь, как добежишь до привала. В первый год службы, когда было особенно трудно, я и сейчас удивляюсь, как сильна была живая действенная молитва. И стал появляться у меня практический опыт христианского ведения.

В самом начале страдали мы, молодые солдаты, от «дедовщины». Никого не щадила эта беда. Вот уж и озлобление стало в душе появляться. Чувствую не только внешнего врага, а и в себе, в душе разорение начинается. Убежал в лес и завопил в голос к отцу Иоанну о помощи. Сколько молился, не помню. Только вернулась христианская теплота в сердце, даже и к тем, кто врагом представлялся до этого. Или уж и совсем невероятное происшествие. У нас, молодых солдат, затребовали старослужащие конфет. А где их взять? Денег нет, да и купить-то негде. А значит, вечером будет грандиозная разборка без пощады. Начал опять с сердечным воплем молиться, хоть надежды и нет: «Батюшка, помоги!»

Вечером вызывают меня на пропускной пункт. Я в изумлении. Знакомых нет, родственники за тысячу верст. Иду. Незнакомый священник стоит. Подает он мне два баула еды всякой и сладостей со словами: «Это из Псково-Печерского монастыря просили Вам передать». Что это, если не чудо?

Вот так батюшкиной молитвой полагалось начало моему живому религиозному опыту.

А когда вернулся из армии, понял, что отец Иоанн не одного меня взял под свое крыло, но со всеми моими родными. Отслужил я и при-

ехал в монастырь Бога благодарить, да и дальнейшую жизнь без служения Богу я уже не мыслил. А родители категорически против. У меня мысли стали путаться, и подступили ко мне сомнения: может, и правда побыть с ними до тех пор, пока не призовет их Господь.

Пошел в смущении к отцу Иоанну. А он как всегда весел: «Пиши письмо маме о том, как ты их любишь, как молишься за них, как крепко целуешь. Прямо так и пиши». А потом, помолчав, задумчиво так произнес: «А мы о них молиться будем, ты и я – вот и вымолим родительское благословение, а Божье уже есть».

С того момента я почувствовал изменение в настроении мамы. Раньше они о церкви ни думать, ни говорить не хотели. А тут мама начала интересоваться и захаживать в храм. А уж после того как в обители у нас побывали, тут и папа помягчал. Батюшка их принял, и от него они вышли преображенными. Души их проснулись. Теперь все воцерковились, причащаются, а мама даже в церкви помогать стала.

Да что говорить. Прибежишь к отцу Иоанну возбужденный, расстроенный, а он отдыхает. Посидишь рядом со спящим, и в душе мир водворяется. А то и так бывало: сидишь, а он вдруг глаза откроет и начинает мне отвечать на еще не заданные вопросы. Так и жили.

К рукоположению меня тоже батюшка готовил. Страшно было. Ведь я совсем молодой. В диаконы посвящали, мне было всего 20 лет, а священническая хиротония над 23-летним свершилась. Батюшка теплом обогрел меня, слышало мое сердце: «Не бойся, я понесу тебя на руках». В эти моменты я впервые в жизни узнал, как слышит сердце, когда воспринимаются уже не слова, но вся глубина и широта чувств, с которой они произносятся. Любовь батюшки на всю жизнь проникла в душу, полагая начало памяти сердца, в которой первым поселился отец Иоанн (Крестьянкин)».

Инок Варух

Рассказывает инок Варух[124]: «Еще только поступив в нашу Печерскую обитель, я боялся встречаться лично с отцом Иоанном, потому что человек он был необыкновенный, не от мира сего. А я человек грешный. Но меня тянуло хоть издали посмотреть на него. Однажды, зная, что отец Иоанн должен прийти в сад на Святую горку, я пришел туда пораньше и, поднявшись на монастырскую стену, сел в укромном месте, так, чтобы видеть дорожку, по которой прогуливаются монахи. Был летний светлый вечер. Первым на горке показался отец Александр, братский духовник. Он всегда исполнял Богородичное правило в молчании и одиночестве.

Через некоторое время оживленный разговор известил о появлении отца Иоанна. Он был, как обычно, в сопровождении какого-то приезжего священника и отца Филарета. Отец Александр, увидев появившихся на горке людей, развернулся и пошел в другую сторону, чтобы молиться без развлечения. Отец же Иоанн с собеседниками устроился на лавочке недалеко от меня, я мог их хорошо видеть. Вдруг неожиданно пошел дождик. К моему изумлению, граница дождя была зримо передо мной, так что сторона, где сидел отец Иоанн, была совершенно сухая, а отца Александра поливал обильный дождичек, и при этом весело светило солнышко. Тяжелое состояние на душе, с которым я пришел на горку, сменилось радостью. Впоследствии при жизненных ненастьях я стал прибегать к отцу Иоанну. И каждая встреча с ним вселяла бодрость и, светло отражаясь в душе, напоминала мне живительный дождичек и ласковое солнышко того удивительного вечера.

Советы отца Иоанна легко исполнялись на деле, потому что ложились на сердце с любовью. Сердце окрылялось верой и надеждой, а с таким настроением можно преодолеть любые трудности.

Думая о батюшке, я благодарю Христа за него. Для меня не нужны ни чудо, ни пророчество, ни исцеления. Для меня чудо, что есть на земле у Бога такие люди. Они живут только для Бога и для людей, и ничего для себя».

С наместником архимандритом Тихоном

Наместник архимандрит Тихон (Секретарев) вспоминает: «Еще будучи благочинным, как-то раз я пришел к батюшке с вопросом о смирении. Что это такое на деле и как приобретается? Ведь это и есть вопрос, «как душу спасать».

Отец Иоанн мне так ответил: «Читаю у одного святого: я строго не постился, как великие постились, и правило молитвенное у меня небольшое, но я спасся. И тут заканчивается страница, я быстрее переворачиваю, чем же он спасся, чем? – Смиренномудрием!»

Смирение и смиренномудрие в батюшке были теми драгоценностями, которые вскормились в нем трудностями жизненного пути и его живым произволением следовать вослед Христа. Они проявлялись в его исповеди, и в постоянном самоукорении, и в чувстве всегдашней благодарности. После трапезы он читал особую молитву о спасении милующих и питающих. Она висела у него перед глазами за столом.
Отец Иоанн всегда приходил на исповедь. Принимал исповедников, но при этом неукоснительно исповедовался и сам. Как он говорил: «Надо пыль стряхнуть». Была в 1970-е годы в монастыре традиция – на первой неделе Великого поста после чтения канона Андрея Крит-

ского отец Иоанн проводил общую исповедь. Она длилась четыре вечера: понедельник, вторник, среда и четверг. Темы каждый год были разные – то по заповедям Божиим, то по заповедям блаженств. Отец Иоанн называл эти исповеди «банькой». Сколько духовной радости было в эти дни и для братии, и для паломников. Разрешение же грехов проходило индивидуально, но уже в пятницу. Тогда все иеромонахи выходили к аналоям. И не епитимия была основной мерой воздействия, но добрый совет и поддержка человека на пути исправления.

Когда отец Иоанн почувствовал, что силы его убывают, он стал раздумывать, нужно ли ему продолжать принимать посетителей?

И его смирение побудило задать этот вопрос мне, тогда совсем еще молодому благочинному. Он мог бы спросить у опытных насельников, но, видимо, давал мне духовный урок. Позднее, ощущая нарастающую немощь, он еще раз задал этот вопрос посетившему его митрополиту Петербургскому Иоанну (Снычеву). И тот, показывая своим дорожным посохом на портрет старца Амвросия, сказал: «Нет-нет, пример старца Амвросия для Вас обязателен. До конца дней Ваших духовничество – Ваше основное послушание».

На вопрос об Иисусовой молитве отец Иоанн отвечал: «Стремнин и пропастей может встретиться немало, но устная молитва Иисусова безопасна и для всех, ищущих спасения, даже и для мирян полезна, а для монашествующих обязательна. Но за возрастанием в этом делании у монаха должен следить духовник. Для отца же Иоанна Иисусова молитва была неотъемлемой частью жизни еще с заключения. То, что ему тогда была дарована умно-сердечная молитва, он проговорился только однажды, и то, видимо, по попущению Божию, чтобы эта тайна не ушла вместе с ним в мир иной, но осталась свидетельством для нас, что и в наше время дары Божии не оскудевают для ищущих спасения. Не раз отец Иоанн говорил нам, что молитва Иисусова и хож-

дение пред Богом – все это следствие исполнения монашеских обетов при чистой совести.

Основываясь в своей жизни на любви к Господу, он и нам говорил, что делами и исполнением закона мы не спасемся, а только милостью Божией и Его любовью. «Полюбим и мы Христа и живы будем. А Иисусова молитва и есть свидетельство наше о том, что мы нуждаемся в милости Божией и ее постоянно призываем».

Отец Иоанн напоминал нам, что в молитве надо быть как Серафиму пламенному, в делах как Херувиму многоочитому, с людьми же быть как Ангелу доброму.

Мне, как благочинному, он давал совет свои дела вести так, как будто я буду жить 100 лет, а обиды прощать, как будто сегодня умру. Нередко он говорил, что начальственные должности в монастыре в нынешнее время есть крест, да еще тягчайший. «Исчезает из среды совсем понятие о послушании. Вот и начальствуй, когда каждый сам себе игумен – неофициальный, но зато самый правильный».

Как-то отец Иоанн стоял у жертвенника в Антониевском приделе[125], и я спросил его: «Скажите, пожалуйста, что главное в священстве?» Отец Иоанн тотчас ответил:

«Главное Духа Святого, не знаешь, откуда приходит и куда уходит. Иногда в Духе – мы молимся, когда Дух Святой нас оставляет или скрывается в полноте своего действия, то мы ощущаем свои немощи и недостаточность».

О литургии же отец Иоанн говорил: «Каждая литургия неповторима и особенна».

Вспоминает об отце Иоанне иеромонах Иоасаф: «Главная черта характера отца Иоанна, которая и является ключом ко всей его жизни, –

Покропим поглубже!

это благоговение. Благоговением он был пронизан и переполнен всегда и везде, оно помогало и выручало его в трудных ситуациях, а их было немало. Это чувство в нем было развито до высочайшей степени, и им он руководствовался в первую очередь. Понятие о нем он получил еще в детстве и всю свою жизнь над этим трудился. Особенно это было заметно во время служения литургии, когда он был предстоятелем. Возглавляемые им литургии были особенными из-за высокого эмоционального напряжения, которое охватывало батюшку целиком.

События из жизни Спасителя, воспоминаемые во время литургии, заставляли его сердце трепетать. «Отыми сердце каменное от плоти нашея и даждь сердце плотяное, боящееся Тебе, почитающее, Тебе последующее и Тобою питающееся».

Господь даровал батюшке такое сердце. Отсюда становится ясно, что его молитва была пред Богом услышана, и не могло быть иначе. Пасху просто невозможно описать. Он весь ликовал и светился, торжествовал, это постепенно и незаметно передавалось другим служащим. Я не ошибусь, если скажу, что самый большой и неизъяснимо сильный всплеск

радости бывал, когда батюшка выходил на амвон для приветствия народа «Христос Воскресе!» В отклике народа всегда чувствовалась большая искренность и даже спонтанность, а затем чувства любви и радости перемешивались, и оставалось общее ликование. После этих переживаний приходило чувство свободы, ощущение, что Христос истинно освободил нас от рабства греха и смерти. Да многие так и называли отца Иоанна: «пасхальный батюшка». Потому что Пасха у него была всегда: и во время будничных служб, и во время бесед с народом, и, главное, в душе, а ведь приходилось это скрывать, чтобы не раздражать и не выделяться. Последнее было очень сложно, потому что как отец Иоанн ни старался быть как все, ему это плохо удавалось. То тут, то там все равно высвечивалась яркость его личности, одухотворенная светом Божиим».

Протоиерей Сергий Правдолюбов вспоминает о своем сослужении отцу Иоанну литургии, поразившем его: «9 июля 1978 года отец Иоанн был послан совершить литургию и отпевание умершего настоятеля храма. А я, тогда диакон, только что приехавший в монастырь, был направлен в помощь отцу Иоанну. Для меня участие в службе стало счастливым и единственным событием удивительного общения: послужить вот так вдвоем! Я почувствовал молитву как страшное таинство взаимодействия между Богом и человеком. Главное впечатление от служения предстоятеля – это его всепоглощающая молитва, отсутствие малейшего развлечения, могучая сила говорящего с Богом ума. Каждение не рукой, а всем своим существом. Отец архимандрит, поднимая кадило, будто сам не касался земли, он весь погружен в молитвенное священнодействие. Здесь было подлинное и непринужденное воплощение молитвы, совершенное воплощение. Он молился с силой и энергией древних пророков. Слова обжигали. Такая молитва пронзает небеса и не может быть не услышанной. Так дерзновенно можно говорить с Богом, если ты Ему не чужой. Такая молитва творится и побеждает все недостатки и грехи».

Се аз и дети, яже ми даде Бог

Двадцатилетний опыт священнической практики на приходах обогатил отца Иоанна всесторонним знанием жизни, в том числе и семейной, и он помогал нам не только молитвой, но и советом

О плодах, вызревших на нивах жизни инока-старца, рассказывает протоиерей Григорий Секретарев[126].

«Молитва отца Иоанна действенной помощью 28 лет сопутствовала мне и часто невозможное делала свершившимся.

Я приходской священник. Первая моя встреча с отцом Иоанном произошла в ранней юности. Но только через 18 лет, когда я начал подумывать о создании семьи, мне напомнили о батюшке. В Печорах я познакомился с девушкой, которую захотел назвать своей супругой. Но когда предложил ей руку и сердце, она неожиданно для меня ответила, что должна посоветоваться с родителями и с батюшкой отцом Иоанном. Я возмутился духом – как же это, я жених, а она будет советоваться, с родителями – понятно, но зачем же и еще с кем-то? Но тотчас в сердце появилось твердое убеждение, что именно так и надо – взять благословение у своего духовника. С этого периода началось и мое близкое общение с отцом Иоанном. Именно он готовил нас к венчанию, к духовному восприятию совершаемого в нашей жизни изменения, к рождению семьи – малой церкви Христовой. Проникновенно и глубоко понимая великую, благодатную силу Таинства и несомненно веря, что совершителем этого творческого акта является

Сам Бог, отец Иоанн и нас настраивал на ответственное и сознательное принятие божественной силы и благословения, которое подается в Таинстве Венчания. «Этого благословения вам и вашим детям хватит на всю жизнь», – напутствовал батюшка.

Невесте он дал напечатанные на машинке выписки из творений святых отцов о христианской семье и браке, книжицу – подборку изречений Иоанна Златоуста о семейной жизни. Так она знакомилась с христианским понятием о неведомой ей дотоле новой жизни.

Отец Иоанн рассказал нам подробно, как готовиться к предстоящему венчанию, как совершалось оно во времена его молодости и что означают те или иные моменты Таинства.

Накануне венчания за ранней литургией мы оба исповедовались и причастились Святых Христовых Таин. По окончании поздней литургии я приехал в храм в сопровождении мальчика. Икону Спасителя он нес передо мной. В дверях храма я остановился, хор запел жениху приветствие «Достойно есть...». И я остался ждать приезда нареченной. Она вошла в храм, впереди шествовала девочка с образом Божией Матери в руках. Хор грянул концерт «Гряди, голубица».

Отец Иоанн заранее дал нам наказ во время венчания пред лицем Божиим принести друг другу супружескую клятву. И надо сказать, что это был очень трогательный и значительный момент Таинства. Душа в трепете предстояла Богу, клятвенно обещая Ему понести избранный на всю жизнь крест – крест многих радостей и немалых скорбей семейной жизни.

– Я, Григорий, беру тебя, Ангелину, как супругу, и обещаю тебе любовь, верность, и не оставлю тебя до смерти, и да поможет мне в этом Триединый Бог и все святые, – произнес я.

Клятва невесты имела некую особенность, она обещала мне любовь, верность и послушание.

Протоиерей Григорий Секретарев со своими детьми

И последующая жизнь показала, что клятва эта дала нашей семье стержень, который охранял нас от греховных поползновений.

«Жизнь прожить – не поле перейти» – гласит народная мудрость. Бывали и в нашей жизни семейные обстоятельства, когда приходилось напоминать друг другу о данной пред Богом клятве. И клятва эта осталась в душе как основа нашей семьи.

С тех пор своей молитвой отец Иоанн принимал самое непосредственное участие в нашей жизни. Со временем это осмысливается и осознается все глубже.

Позднее, когда у нас в семье рождался ребенок, мы приносили его к батюшке на благословение, а после встречи записывали, что он говорил о новорожденном. И вот теперь, когда дети выросли, оказалось, что отец Иоанн несколькими словами намечал будущий жизненный путь этого младенца. Истинность его слов подтвердила сама жизнь, все сказанное свершилось. В поздних воспоминаниях батюшки я прочитал, что со временем он пришел к выводу, что лучшая и самая действенная помощь другому человеку – это молитва за него. Но молитва и есть самый трудный подвиг. По слову святого старца Афонского преподобного Силуана: «Молиться за других – это кровь проливать». И отец Иоанн не щадил себя. Молитва была его стихией. Именно молитвой, еще неведомый мне, он обратил на себя мое внимание.

Это случилось в Троице-Сергиевой Лавре. Мы, семинаристы, зашли приложиться к раке преподобного Сергия, и я невольно обратил внимание на священника в скуфеечке, простеньком плаще, из-под ко-

торого виднелся подрясник. Его вид поразил меня, я почувствовал, что человек как-то особенно предстоит Святому. Впечатление было столь сильное и необычное, что я задержался в храме, наблюдая за ним. Священник (а это и был отец Иоанн) долго безмолвствовал пред ракой дерзновенным просителем и ходатаем за многих. Мне стало очевидно, что его молитва не может быть не услышана.

Двадцатилетний опыт священнической практики на приходах обогатил отца Иоанна всесторонним знанием жизни, в том числе и семейной, и он помогал нам не только молитвой, но и советом. Когда же ему задавали вопросы, касающиеся интимных семейных отношений, он говорил: «Вы меня извините, я монах, спросите об этом у кого-нибудь более сведущего».

Я думаю, что и эти вопросы он понимал, но только с сугубо духовной точки зрения. Помню, на меня произвела глубокое впечатление его проповедь на день памяти свв. Иоакима и Анны. В его устах прозвучала духовно значимая мысль, и он заострил на ней внимание слушающих. Почему святая чета не могла стать родителями Богоотроковицы ни в молодом возрасте, ни в зрелом, но лишь в старости и после глубокого потрясения – претерпев поношение и отвержение от людей?

Отец Иоанн сам же и ответил на этот вопрос: «До этого возраста они были не лишены супружеского сладострастия. И только когда перегорели все плотские страсти, связанные с рождением детей, Господь послал им Свой небесный дар».

Этим уроком о важной тайне семейной жизни, данным отцом Иоанном, я до сих пор разъясняю своим прихожанам духовную сторону истинно христианского брака. И в супружестве стоит задача обретения чистоты и духовного совершенства.

В самом начале моего пастырства в одной из бесед отец Иоанн указал мне на существенный момент священнического служения, он сказал:

«Только на живую веру человека производится Божий ответ, когда Он Сам, «Живый и Действуяй» совершает Таинства, и мы с трепетом приемлем Небо на земле. По вере вашей да будет вам!»

Батюшка нередко напоминал нам, молодым священникам, что только с верою мы можем совершать Таинства и только верою принимают благодать те, кто к Таинству приступает.

И веришь его слову!

Но каково бывает, когда его опыт вдруг оживает и в твоей жизни? Как-то на исповеди подошла женщина и вдруг такое сказала, что я в ужасе затрепетал, ощутив Христа. Это было невероятно! Я замер и потом ушел в алтарь, не мог продолжать исповедь.

В моей жизни такое произошло однажды, но этого достаточно, чтобы знать, что на каждой исповеди присутствует Сам Христос.

И с каким чувством теперь произносятся слова «Се, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое». Я ответственно свидетельствую, что здесь, сейчас Христос между нами.

Я опять и опять вспоминаю батюшку и с радостью восклицаю: «Слава Богу, что в нашей жизни был отец Иоанн! Слава Богу!»

Или вспоминаешь, что говорил отец Иоанн о своих переживаниях при совершении того или иного Таинства. «Приносят ребенка крестить, он до погружения плачет, бунтует. Окрестишь – тут же успокаивается. В то время младенцев сразу и воцерковляли. Несешь только что крещеного по храму, посвящая Богу, и какие чувства в душе – от твоих рук родился человек в истинную, вечную жизнь, и это рождение выше естественного, и ощущаешь себя отцом, и остро чувствуешь, что младенец тебе родной».

Сейчас, прослужив священником уже много лет, я все глубже начинаю понимать то, о чем говорил отец Иоанн. Многолетний опыт

служения у престола позволяет и мне чувствовать красоту и живую действенность Таинств нашей Святой Церкви – крещения, венчания, исповеди. Понимаешь уже, и с каким настроением приступает человек к Таинству, и без стороннего напоминания узнаешь тех, кого погружал в купель, даже если они уже и повзрослели.

Отец Иоанн щедро делился с нами своим богатым опытом, который и лег в основание нашей духовной жизни. И понимаешь, что во все времена становление человека на путь спасения один и повторяется он из поколения в поколение – это вера, доверие Богу и любовь.

В практике своего пастырского служения при решении тех или иных проблем вопрошающих я воскрешаю в памяти личные беседы с отцом Иоанном и мои вопросы к нему. А категории вопросов прихожан бывают самые разнообразные: вопросы от ума, от любопытства да и просто суетные. И как их решать? Объясняешь человеку, что один вопрос он может и должен решить сам, другой – посоветовавшись с женой, есть категория вопросов, с которыми нужно обращаться к юристу, а заболев, идти к врачу. Но есть такие вопросы, которые можно и нужно решать только с духовником. А бывают еще и такие глубокие духовные проблемы, на которые не всякий духовник может ответить. Я приведу пример, связанный с отцом Иоанном. У меня возник сложный вопрос. Я обратился с ним на исповеди к монастырскому духовнику. Он, выслушав меня, ничего не ответил. Пошел к другому, и он промолчал. Тогда, измученный, я подошел к отцу Иоанну. Все ему объяснил. Он задумался, но сразу отвечать не стал. Через некоторое время встретил меня и говорит: «Отец Григорий, твой вопрос решается так-то и так-то». И тотчас в моей душе водворился покой. Я частенько вспоминаю этот случай. Он стал для меня важным ориентиром в моей духовнической практике.

Какие же бывают сложные вопросы! И как глубоко нужно знать жизнь, и какая должна быть сила молитвы и ответственности, чтобы

разрешать их! К духовнику идут, чтобы получить исцеление от язв греховных, чтобы понять, как бороться с немощами, как готовиться к достойному принятию Святых Христовых Таин, как, наконец, подготовиться к переходу в вечность. Именно с этим мы и шли к отцу Иоанну. Он с готовностью отвечал на наши духовные нужды, но не отвергал и наших забот о житейском. В разговорах отца Иоанна нередко звучало хорошее, верное слово – «взращивание».

Взращивание души человека! Этим деланием отец Иоанн был озабочен постоянно. Он вслушивался в человека, вглядывался в глубину его духа, вживался в его беду и молитвой предстоял за него пред Богом, покрывая любовью и состраданием. Я видел, что и он не всегда и не все вопросы решал положительно и сразу. Со временем и я понял, что многое в нашей жизни не разрешается сейчас, в данной обстановке, и это причиняет нам беспокойство и даже страдание. Вот такой пример: св. равноапостольная княгиня Ольга скорбела и молилась за своего сына о его обращении к вере, но так и умерла, не получив желаемого. И только во внуке ее молитвы дали плод. Апостол Павел нес по жизни скорбь от «пакостника плоти» и, как ни молился, не обрел освобождения. Господь сказал ему: «Довлеет ти благодать Моя». И мы частенько слышим глас Господень к нам: «Сила Божия в немощи совершается. В терпении вашем спасайте души ваши». Значит, и немощь человеческая может стать силой для нас. Но как дорасти до такого понимания? А каждый человек переживает на своем жизненном пути нечто подобное. Отец Иоанн не уставал напоминать, что только в вере и доверии Богу кроется сила для несения нашего жизненного креста.

«Учитесь предавать себя воле Божией, тогда терпение ваше обретет силы и станет спасительным подвижническим трудом для Бога».

Священническая молитва

На протяжении многих лет, видя в отце Иоанне многие и разнообразные духовные дарования, я поражался тому, что сам-то он не придавал им никакого значения и не терпел от них вреда. В духовнической же практике я сталкивался с тем, что судьба даровитых людей, да и тех, кто с ними общался, часто трагична. Я задумался. И в писаниях преподобного Максима Исповедника нашел ответ на мой вопрос. Он так молился: «Господи, если Ты считаешь, что дарование, которое Ты мне даешь, нужно мне и тем, с кем я общаюсь, дай мне с этим дарованием и меру смирения». Значит, и дарования отца Иоанна были надежно защищены его смирением.

Я был свидетелем такого случая. Заходит отец Иоанн в Михайловский храм, он – служа́щий, но уже опаздывает, все волнуются, пора читать входные молитвы. Он бежит и на ходу приговаривает: «Благо мне, яко смирил меня Господь». Да мало ли примеров своего смирения явил нам отец Иоанн. Думаю, что некоторые его духовные дарования остались для нас сокрытыми именно его смирением.

Вспоминаю важный духовный урок, преподанный мне отцом Иоанном. Подходит он ко мне в храме и прикасается к моему иерейскому кресту со словами: «Ну что, надо бы крест-то уже и коронкой украсить?» Я отвечаю шуткой: «Да я, батюшка, не против». А он продолжает: «Я носил свой первый иерейский крест 25 лет и любил его особенно, а ты сколько?» Отвечаю: «А я только 12. И Вы меня утешили. Раз Вы столько времени довольствовались иерейским крестом, то я тоже буду спокоен». Вот такой простой, но впечатляющий урок. Сам

имея понятия духовные, он прозревал движения души и в другом человеке. А бывало и так: идешь к отцу Иоанну с намерением что-то сказать, а он, будто не замечая, уходит от тебя. И начинаешь понимать, что шел к нему, не обдумав того, о чем хочешь его спрашивать. А иногда наоборот – заходишь в алтарь озабоченный, но помысла о том, чтобы поделиться своими переживаниями, нет.Так отец Иоанн сам вдруг идет к тебе: «Что случилось, что такое?» И сразу открываешь душу, все ему выложишь. Батюшка, наблюдая нынешнюю духовную жизнь, с тревогой размышлял: «Почему не стало старцев? – И сам отвечал: – Потому что не стало послушников».

Но он же и воодушевлял нас, когда говорил о Церкви, о благодати, в ней обитающей, о благодати священства, о силе Креста.

Отец Иоанн, когда приехал в Печоры и стал служить, подчеркивал, что Печоры – особый город. В чем же заключалась его особенность? Только сам, прослужив много лет, я понял смысл того, о чем он говорил. В Печоры приводят людей трудные обстоятельства жизни. Чаще приезжают люди с трагическими судьбами. В большинстве своем замкнутые, озлобленные, настороженные. Обиженные на жизнь, израненные, они в одиночестве несут свою боль. И нужно много любви и тепла, чтобы человек оттаял, приоткрыл свою душу. И когда вдруг такое случается, ты воспринимаешь человека, как сделавшего первый шаг к воскрешению своей души. Его не осудишь, как бы грешен он ни был, но тотчас оправдаешь, посочувствуешь. Но иногда этого ждать приходится долго.

Помню, долгое время в храм приходила женщина, суровая – ни «да», ни «нет», благословения не берет. Постоит и уходит.

Я задумался: «Может, чем-то соблазнил ее?» Прошло много времени, прежде чем она попросила ее поисповедовать. Когда она приоткрыла свою жизнь, я узнал, что в ней шла самоуглубленная рабо-

Беседа с паломницами, 1970-е гг.

та над собой, которая сопровождается необходимостью преодолевать искушения. Вот отец Иоанн всегда хорошо понимал внешнее и внутреннее делание, совершаемое в человеке. Часто на простых жизненных примерах он давал нам понятия о христианском взгляде на жизнь. Он рассказал один случай: «Был престольный праздник, кончилась служба, все пошли к отцу настоятелю разговляться, сидим зимой в тепле, пьем горячий чай. А я смотрю в окно – выходит из храма согбенная старушка. Помолилась на храм, поклонилась и пошла восвояси. И душа моя умилилась: мы-то тут уже в тепле сидим, а вот старый человек, ходатай за близких своих да и за многих знаемых, пришел в церковь, помолился и голодный возвращается в свою нетопленную хату». Такое восприятие отцом Иоанном человека настраивало и нас.

«Ходатай за близких!»

За скольких он приносит поминания, ставит свечи, кладет поклоны, скорбит и плачет, потому что сегодня вокруг него беда. И ты сам уже смотришь на своих прихожан не скользящим взглядом, но видишь

Протоиерей Григорий Секретарев

в них таких пред Богом ходатаев, а в итоге и сам становишься ходатаем за других, за весь приход. У меня был такой пример: на приходе я довольно резко отчитывал одну прихожанку. Услышав наш разговор, ко мне подошла приезжая паломница: «Батюшка, вы плохо разговариваете с человеком». В ответ я спросил ее: «А Вы разве знаете этого человека?» Паломница молчала. Откуда ей было знать, что нашим отношениям с прихожанкой уже 20 лет, и мы с ней понимаем друг друга. «А с Вами я так не смогу», – добавил я. Вот такие отношения могут быть в Боге.

Опыт общения с людьми тоже пришел ко мне через отца Иоанна. Осмысливая встречи и беседы с батюшкой, и я начинал понимать, что нельзя вторгаться в дела Божии, но надо, как он, вслушиваться в душу вопрошающего и молитвой предавать его Богу.

«Не опережайте событий, не требуйте от себя и от своих близких того, чего сейчас они еще воспринять не могут», – не раз повторял он. Иногда, разговаривая с человеком, ясно понимаешь, что он переживает данный ему Богом жизненный урок. Но сам он этого не осознает. И ты уже не силишься давать советы, которые он сейчас не поймет. А только терпеливо молишься: «Да будет воля Божия над ним».

Однажды ко мне обратилась прихожанка со своим недоумением. Говорит, что просит у Господа для сына своего Царствия Небесного, но вслед за молитвой тотчас приходят к ней серьезные искушения: вражье наваждение или страхования. Что это такое?

Я спросил ее: «Вы сами понимаете, что просите для сына? Он-то устремлен ли к этому Царству? А если он жизнь проводит, не думая о спасении, то как же сможет принять этот великий дар?» Она в недоумении: «Как же быть-то тогда?» Мы поговорили, и поняла она, что несвоевременна ее просьба, только Бог знает, что ее сыну в настоящий момент полезно для души: встряска ли, болезнь ли или какое другое испытание, чтобы и сам он начал думать о спасении. И вот, помня совет батюшки, я предложил скорбящей матери всякое моление о нем завершать словами: «Господи, аще возможно, помилуй, но да будет Твоя святая воля». Через некоторое время женщина известила: все искусительные страхования отступили.

Так пестовал немощных и отец Иоанн, но когда он получал свыше извещение о том, что во благо для души пришедшего человека, то решительно говорил об этом. А иногда бывало и так: исчерпав уговоры, батюшка умолял: «Если не можете понять сейчас того, что я говорю Вам, то хоть послушайтесь меня. Делайте именно так, а не иначе».

Своим примером отец Иоанн учил нас помогать людям.

Много можно говорить о его влиянии на нашу жизнь. Он дал нам пример живого восприятия происходящего вокруг, не внешнего, но то, что произрастает из сердца, дарует правду жизни, ее добро и тепло. Он дал нам понимание, что только назидание от твоего сердца, обращенного к сердцу другого, может созидать жизнь человека. Иногда мне, как пастырю, исходя из опыта отца Иоанна, приходится не сразу разрешать вопросы, которые возникают на приходе или при встрече с людьми. Но если один и тот же вопрос повторяется, то понимаешь, его надо решать для всех. И тогда ты говоришь о нем уже открыто с амвона. Например, я часто сталкиваюсь с болезнью нашего времени – с пьянством. Эта проблема возникла и в моей семье (занедуговал сын), а я был к этому не готов. Я стал бороться с этой бе-

Святой прав. Иоанн Кронштадтский

дой и тут же получил активное противоборство. И я вспомнил совет отца Иоанна: «В таких случаях и резко делать ничего нельзя, и оставить без внимания невозможно».

И где же она, эта середина? Я начал обдумывать, как и чем помогать страждущим? Всплыли в памяти примеры и советы святых. Преподобный Серафим Саровский своей ручкой закрыл уста сыну, осудившему недуг матери. Одному из посетителей, дерзнувшему вынести на страждущего безжалостный приговор, он предрек в будущем подобную беду. Тот не поверил слову старца, «но суд без милости не сотворшему милости», пришлось-таки и ему пройти через эту скорбь, чтобы обрести богатство истинного смирения. А праведный батюшка отец Иоанн Кронштадтский ходил по ночлежкам, навещая страждущих недугом пьянства, которыми был полон город, где он служил, и скорбь его души по погибающим постоянно была обращена к Богу.

Я выписал составленную им молитву для себя и даю ее нуждающимся. Многое, очень многое понял я, когда беда коснулась меня. Личный опыт раскрыл мне глаза и отверз ум и сердце на страшные болезни души человеческой. А болезни, и душевные, и телесные, можно и нужно лечить. И отношение к страдающему должно быть как к больному – снисходительное и терпеливое. Вот и мы, когда начинается период болезни сына, всей семьей усугубляем домашнюю молитву – каноны почитаем, почаще храм посетим. Да все это с тугой сердечной, с душевной скорбью, со слезами. В итоге поняли, что это-то и есть единственная реально действующая помощь. Дивен Промысл Божий и неисповедимы пути Его!

Вспоминаю один удивительный случай: подходит как-то женщина и просит причастить больного. Я пошел по адресу, стучу – никто меня не встречает, по всему чувствую – дом в запустении. Захожу в сенцы – кругом развал, холод, где-то в углу в тряпье лежит человек. Спрашиваю: «Звали священника?»

– Да-да, – слышу в ответ.

Я болящего поисповедовал, пособоровал и причастил. Через два дня после причастия больной умер. Позднее женщина поведала мне скорбную историю этой жизни: у человека была семья – жена и ребенок, но в какой-то момент он страшно запил, жена ушла от него. Он остался совершенно один. Пил, отморозил ноги и их лишился. Соседка, по христианскому состраданию, иногда заходила к нему, топила печь, приносила еду. Но был и какой-то «доброжелатель», который продолжал заботиться, чтобы обезноженный не забыл свою пагубную страсть. Так и шло время. Что делалось в тайниках души страдальца, неведомо никому.

Но вот однажды он сказал своей добровольной помощнице:

– Слушай, мать, сегодня ко мне приходил Христос.

Она восприняла эти слова как бред.

– Нет-нет, я давно не пил, я совершенно трезвый, – запротестовал он. – Но я точно знаю, сегодня ко мне приходил Христос.

Пораженная тем, что услышала, женщина предложила позвать к нему священника.

Вот пример спасения души. Но через что этому человеку надо было пройти и что произошло в душе страждущего, если Сам Христос пришел утешить его. Я воспринял историю этой жизни как урок, данный мне свыше Господом. «Ин суд Божий, ин человеческий». А вскоре после полученного опыта мне пришлось беседовать с женщиной, которая поведала мне о своей семейной беде. Я ее выслушал

и говорю: «А ведь у меня, дорогая моя, такие же проблемы в семье, что и у Вас».

Она был потрясена: «Как, и с Вами это тоже происходит? И священники не ограждены от этой беды?»

Я объяснил: «Мы, священники, из этой же среды, такие же люди, как и все остальные. И Господь попускает нам те же скорби, что переживают все, для того, чтобы мы не возгордились, имея от Бога дарование помогать другим. Мы терпим и учимся переносить скорби, общие всем, и молим о помощи для паствы и для себя.

В Евангелии Господь нам прямо говорит: «Вы имеете нужду в терпении».

А по слову Апостола: «Сам искушен быв, может и искушаемым помощи».

Так и отец Иоанн, безропотно претерпев, и пережив, и повидав многое в своей жизни, понял на деле, что значит водительство Промысла Божия. Познав внутренние духовные законы в скорбных испытаниях и облагодатствованный Богом, он с любовью помогал всем, кто к нему обращался. Помогал и нам, священникам, осмысливать духовно прискорбные примеры современной жизни.

Всякий человек несет тяготы своих грехов и немощей. И у священника постоянно возникает вопрос: как бороться с грехами и как помогать людям в их искушениях?

Как-то у меня возник вопрос, разрешить который можно было только властью архиерея. Я его высказал владыке как исповедь, и он, ответив мне на вопрос, дал еще и максимальную епитимию. Я с желанием начал ее исполнять, но вскоре почувствовал, как это тяжело, временами даже ропот появлялся. С трудом, но я все же донес ее до конца. И только тогда ощутил в себе дух мирен, как извещение о милости Божией.

Я написал владыке благодарственное письмо за дарованный практический опыт духовной жизни. Казалось бы, епитимия – наказание, а значит, скорбь, но она же несет в себе радость освобождения от греха и прощение. Отец Иоанн, зная силу и действенность епитимии-наказания, все же очень осторожно применял ее в жизни, сообразуясь с духовным уровнем провинившегося. Не раз я слышал от него: «Сейчас отношения с людьми строить очень трудно. (По-человечески, я бы сказал, невозможно.) Человекоугодничество оборачивается крахом отношений и бедой для дела, а суровая безжалостная правда не служит ни к созиданию, ни к миру. А потому самое надежное иметь отношения с людьми в Боге. Тогда Сам Господь, видя, что мы ищем не своего, а Божия, будет нам Силой и Крепостью, которыми пройдем все искушения, без которых неискусна душа».

Так умудрял нас отец Иоанн. Его жизненный опыт был для нас помощником на пути к приобретению своего. В моей жизни был такой момент: один священник, уходя за штат, «сватал» меня, как выразился отец Иоанн, рукоположиться в его храм, но с условием, что и он останется при нем. Душа сан принять хотела, но и страшновато что-то стало. Я пошел к отцу Иоанну за советом. Он говорит: «Нет, положимся на благословение архиерея, его слово примем, как волю Божию». А владыка категорически отклонил сделанное мне предложение: «Туда не пойдешь, заштатный священник тебе будет мешать, а вот у меня приход освободился, там и будешь служить с Богом». Прошли годы, а недавно ко мне обратился за советом священник, заместивший бывшего старого настоятеля храма. Трудности их взаимоотношений возрастают с каждым днем, и чем это кончится – неизвестно. Меня же Бог отвел от такой беды за молитвы и мудрый совет отца Иоанна. И я, посочувствовав собрату, возблагодарил Господа и молитвенно вспомнил дорогого батюшку, его опыт стал теперь и мо-

Возвращение с прогулки

им опытом. Батюшка сам позднее рассказывал, как на последнем приходе, где ему пришлось послужить только год, он бывшего настоятеля, если он приходил в храм, ставил возглавлять полиелей. Отец Иоанн был доволен, что смог порадовать и утешить старого заслуженного священника. А когда тот приходил на литургию, но по немощи служить уже не мог, он ему записки даст, посадит частички вынимать. Любовь, мир и Божия благодать.

Теперь я уже сам настоятель и тоже в возрасте, иногда подумываю – а кто же будет моим преемником. И вот приходит на память, как уходящие на покой старые священники, в последний раз совершив службу, целовали амвон, благодаря Бога. Вспоминается мне, как прощался, заканчивая свое служение у престола Божия, отец Иоанн. Это было в 2001 году, его последняя Пасха в храме. Он посещал все пасхальные службы. Конец Пасхальной седмицы, и все уже устали, а он и утром придет, и вечером придет. А ему уже пошел 92-й год. Вот в какой-то момент, полностью обессилев, батюшка скатился по лестнице, повредив ногу. И тогда сказал он слова апостола Иоанна Бого-

слова: «Егда же состареешися, то ин тя пояшет и ведет, аможе не хощеши». В таком напряжении всех сил и воли кончилось предстояние отца Иоанна у престола Божия.

Также остался нам пример церковной молитвы отца Иоанна. Вспоминаешь, как Великим постом старцы – отец Серафим* и отец Иоанн – вдвоем проникновенно разговаривали с Богом словами канонов. Да-да, это действительно было их обращение к живому Богу. Батюшка любил церковную службу, но если не шел в храм, то непременно дома вычитывал каноны. За этим занятием его заставали не раз. Постепенно его традиция прижилась и во мне. Сейчас, когда есть свободное время или готовишься к службе, чтобы почерпнуть назидание душе в памяти именно этого святого, обязательно читаешь каноны. Подвиг жизни и характер служения Богу особый у каждого святого. И непременно найдешь для себя в каноне что-то важное, поучительное.

Об отце Иоанне можно говорить бесконечно. Я благодарен Богу, и это останется на всю жизнь: я видел, как он совершал Божественную литургию. Господь дал мне в течение трех лет по воскресным и праздничным дням присутствовать на литургии, которую возглавлял отец Иоанн. Службы были разные, но каждая несла ощущение полноты евангельских истин и Божия присутствия. Совершенно особыми были литургии, которые вместе совершали митрополит Иоанн и батюшка. Их служение оживотворяло слова: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

Господь ощутимо для всех соприсутствовал за этими службами литургии, на которых отец Иоанн был предстоятелем, всегда даровали душе особый покой и глубину восприятия, совершаюшегося за Ев-

---

* Речь идет об архимандрите Серафиме (Розенберге), см. комментарий 127.

харистией. И чувствовалось, что отец Иоанн непосредственно стоит пред величием Божиим в дерзновенной молитве – ходатаем за всех и за вся, и за меня, грешного, тоже. Его благоговение и настрой передавались молящимся, преображали их. Исчезали из сердца земные заботы и житейская суета. Хотелось вместе с ним воздеть руки: «Господь мой и Бог мой!»

Это мое глубокое личное переживание. Я так чувствовал. Если отец Иоанн не служил, то всю литургию стоял у жертвенника и поминал, поминал...

С внутренним благоговением, неспешно, он молился, во-первых, за служащих, а потом и за всех людей: несчастных и счастливых, больных и здоровых, стариков и младенцев. Его синодики были безразмерными, а память сердца хранила образ души тех, кто соприкоснулся с ним в жизни. Его просфоры были особые – «точеные», и их было так много! После службы он мог оделить ими всех. Теперь я тоже, поминая у жертвенника, точу просфору, но ее не отдаю – она одна у меня. Мне казалось, что литургию отец Иоанн вообще совершал ежедневно, даже когда и не был в храме. Почему я так думаю? Да был такой пример: в очень трудный период жизни как-то само собой в душе моей стали повторяться слова молитв Божественной литургии, внося в сердце умиротворение. Действие их было настолько благотворно, что я в утешение однажды стал слушать запись литургии, которую служил митрополит Минский Филарет. И я всем сердцем сопереживал тому, что действительно совершается в храме перед Святым Престолом. Сразу после такого переживания, я зашел в Успенский храм. Отец Иоанн был еще там и приветствовал меня словами: «С принятием Святых Христовых Таин тебя!» Я, естественно, возразил: «Батюшка, я не служил!» А он так внимательно смотрит на меня и произносит: «Как это не служил? Служил!»

Шествие к святому колодцу в праздник Преполовения

Возвращаясь домой после этого разговора, я задумался – а вот то внутреннее, глубокое, что я пережил сегодня, – не есть ли служба? Отец же Иоанн (когда перестал ходить в храм) утром частенько не мог скрыть своей благодатной жизни в ином мире и говорил: «Я только что с литургии вернулся».

Молитва во внутренней храмине души, где-то в глубине существа... Когда чувствуешь неотмирность своего состояния, не свидетельствует ли это, что в тебе совершается служение Богу? Один Господь знает внутреннее наше, а потому не берусь рассуждать дальше...

С самого начала отец Иоанн воспринимался мной как образец священника. Помню, какое-то время, приглядываясь к нему, я приходил в трепет.

Начинающий священник, но со временем я должен стать таким, как он. Но я понимал, что это невозможно, мне не понести те тяготы, которые возложены на него. Отец Иоанн, очевидно, провидя мое смущение, пришел на помощь. В его беседах со мной появилась такая мысль: «Не забывайте, отец Григорий, вы приходской священник,

Вечерняя служба на берегу озера

причем разделенный на три части. Первая часть принадлежит Церкви – священник, вторая семье – отец семейства и третья только чуть-чуть – самому себе». И я постепенно пришел к осознанию, что у него свои дарования и соответственная им мера тяготы, а мне Господь дал другую ношу – приходской священник, семейный человек, и я успокоился. Церковь – пастырская приходская жизнь, дом – семейные проблемы. А вот о том «чуть-чуть», которое должно принадлежать мне, батюшка тоже позаботился. Отец Иоанн был внимателен к нам до мелочей, для него не было ничего маловажного. Он поделился своим опытом: «У меня на себя оставлен только один час: с двенадцати до часу ночи, это время я полностью посвящаю своей душе. Иногда еще хочу посидеть, но знаю – в пять вставать, и приказываю себе спать». На необходимости иметь мне хоть малое уединение батюшка настаивал. Он говорил, что надо волевым усилием отстранить от себя тяготы прошедшего дня, самого себя и всех предав Богу. Так и вошло в правило: на себя уделить какой-то час, но не всегда получается. Но как же дорог этот час!

И еще один пример глубоко духовного отношения к жизни отца Иоанна, след которого и поныне со мной. В самом начале моего служения появилась у нас на приходе пожилая монахиня лет восьмидесяти. Через некоторое время она обратилась ко мне с просьбой быть ее духовником. Я – молодой семейный священник, она – монахиня, чем я могу быть ей полезен? Чтобы не ошибиться в решении столь важного вопроса, я отправил ее к батюшке: «Благословит

ли отец Иоанн наши духовнические отношения?» Она пошла, возвращается с ответом: «У него пять детей есть, ты будешь шестая, Бог благословит». И стала монахиня обращаться с вопросами ко мне. А отец Иоанн нет-нет да и спросит: «Не надоедает она тебе?» Отвечаю: «Иногда бывает». Однажды матушка принесла мне целую тетрадь – исповедь о прожитой жизни. Я прочитал. И это правильно. Духовник должен знать, о чем и как молиться за человека, как и чем ему помочь. Утаивание и, не дай Бог, лукавство уничтожают смысл духовных отношений. Мы решали с матушкой ее вопросы, пока не дошло дело до откровения помыслов. Тут я сам пошел к отцу Иоанну, и он мне дал конкретную установку: «Восприятие помыслов можно только монашествующему и в сане, а так как Вы приходской священник, то, не вникая в тонкости, принимайте их на исповеди и давайте общее разрешение, предоставляя Богу Самому разобраться с ее помыслами. Матушке этого будет достаточно».

Время шло. Матушка скончалась. Мы за нее молились сорок дней, поминали. А позднее я ее подзабыл. Человеческая память – плохое хранилище, и надеяться на нее нельзя. Вот память сердца – это совсем другое. Через некоторое время монахиня напомнила мне о себе через батюшку. Я стоял в алтаре, вдруг отец Иоанн подходит и спрашивает: «А монахиня-то наша была в полном постриге?» И вот с того времени память о монахине Марии живет в моем сердце постоянно, и от нее уже никуда не денешься. Она, шестая, так и идет, и идет в череде моих родных. Не Божие ли это дело?

Точно так же и память об отце Иоанне – всегда его помним, и он от нас никуда не ушел, и мы с ним постоянно. В последние годы жизни отец Иоанн утешал нас словами:

«Кто попал на мою орбиту – мой. Никуда от меня не денется».

И теперь порой бывают такие духовные лабиринты, что самому не выйти, но в этот момент ощущаешь невидимое присутствие и водительство отца Иоанна, и он опять выводит тебя на простор. Опять работай, действуй.

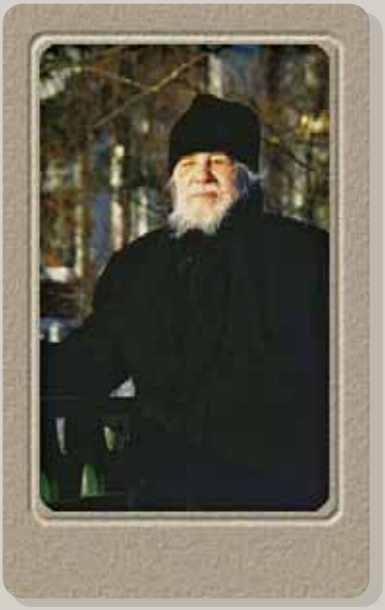
Иногда я задумываюсь о том, будет ли он причислен к лику святых? И стал я в связи с этими думами внимательно изучать, как вообще в Церкви совершается канонизация. И я вычитал в книге «Наставление для сельских пастырей» замечательное старинное описание. Умирает праведник, какое-то время его поминают, и потом так Бог устраивает, что его забывают. Мы умрем, дети наши еще будут помнить батюшку, но уже внуки его должны забыть. Но в какой-то момент, когда Богу будет угодно, и он, как святой, нужен будет Церкви. Одному Богу ведомым путем память о нем воскреснет в душах и умах некоторых людей, они начнут его поминать и тут ощутят его молитвенную помощь. И начнется уже в новом поколении людей возрождение этого праведника как святого, как проводника благодати Божией, как молитвенника. Думы об отце Иоанне напомнили мне, как началась канонизация Святейшего Патриарха Тихона. Ведь когда он умирал, последние его слова были: «Скоро наступит ночь, темная и длинная». Святейший пережил эту ночь и через 64 года вышел из Вечности святым со светом жизни для всех живущих.

Не будет ли нечто подобное и с отцом Иоанном – это духовник, это старец-исповедник, он и теперь продолжает свое духовническое служение: как отец за своих детей предстательствует за нас пред Богом, покрывая своей молитвой наши немощи и грехи. Сейчас он еще многочадный праведный наш отец и стоит с крепким воплем: «Се аз и дети, яже ми даде Бог». И пока мы его дети, его внуки не перейдем в Вечность, не приложимся к отцам нашим, он не будет канонизирован как святой.

Поздравление с 95-летием

Запомнилась мне батюшкина проповедь о всех святых: «Те святые, которые написаны у нас в календаре, их не так много, пусть тысячи, даже миллионы, но еще больше сокрытых, неизвестных святых, ведомых только Богу. Но они с нами, они рядом всегда, они продолжают молиться о земной Церкви, живущей исповеданием и часто страданием». Может быть, и отец Иоанн останется в лике сокрытых святых, но пример его жизни многим ярко осветил путь к Богу в период, когда во мраке его трудно было обрести».

Старцы, дорогие монастырские старцы!



«Я родился для того, чтобы быть тем, кто я есть». Так он вслушивался в глас Промысла Божия о себе. И Бог сохранил его для нас, для нашей Церкви

Кто вскормил их, монахов послевоенного времени?

И как злобный мир не вытоптал и с корнем не вырвал возросший из небесного семени дивный для нашего времени божественный цвет – монашество?

Кто научил их науке из наук?

Мы, занесенные в монастырь мутными волнами всяческих перестроек, видели истинных монахов, и этого достаточно, чтобы поверить Богу, что не зарастут обители бурьяном потребительской жизни, не оскудеет мир духом Божиим.

Но как обнищал монастырь, да и мир с исходом старцев в благодатную живую тишину пещер Богом зданных! Такие разные и такие единодушные делатели, люди Божии, с маленькими слабостями – данью природе человеческой, но общники святым, победившие монашеским деланием дух времени и вражьи козни. Принесшие свет, возженный от Света Христова, скудному духовными дарованиями потомству.

Старчество Псково-Печерского монастыря Божией милостью не прерывало своего молитвенного служения России, оно было для XX века тем же, что старчество Оптинское для века XIX. В духовной тьме

безбожного лихолетья они, как звезды, освещали путь заплутавшим странникам. Сколько их было в монастыре, именитых и безвестных, но все вместе они составляли единый согласный хор, воспевающий Богу каждый своим голосом и своим дарованием.

Святой старец Симеон (Желнин)

Святой старец отец Симеон (Желнин), узнавший отца Иоанна еще в начале 1960-х годов, так отозвался о нем в разговоре со своей келейницей, когда она собралась поехать по святым местам:

– Ну зачем тебе ехать куда-то, здесь же у нас много святынь, ты помолись им и поклонись, и ехать никуда не надо.

Матушка Александра ответила:

– Да я хочу заехать к отцу Иоанну Крестьянкину.

Батюшка Симеон оживился:

– С Богом, вот к нему-то съезди. Он земной ангел и небесный человек.

Небесному человеку было тогда только 46 лет.

О том, что отец Иоанн настоящий старец, не раз говорил отец Иероним (Тихомиров). По силе духовного воздействия он сравнивал отца Иоанна со старцем Симеоном: «Все мы люди немощные, да еще с фронта вернулись. В голове гудит от помыслов. А к старцу, бывало, зайдешь, он только разрешительную молитву прочитает, и все, тишина и мир и в душе, и в голове водворяются. И солнце снова светит, и жизнь продолжается».

Все эти качества видел отец Иероним и в отце Иоанне. Умер отец Иероним, напутствуемый отцом Иоанном. Он его соборовал, а по

Архимандрит Иероним (Тихомиров)

Архимандрит Серафим (Розенберг)

Схиархимандрит Паисий (Семенов)

окончании таинства, целуя, сказал: «Вы уж, батюшка, потерпите до Иоанна Богослова».

И именно в день памяти апостола Иоанна Богослова и преставился отец Иероним. Видно, отцу Иоанну открыто о том было.

Отец Серафим (Розенберг)[127] говорил о батюшке Иоанне: «Отец Иоанн – образцовый совершитель церковных служб».

Однажды, увидев множество корреспонденции в руке батюшки, он сказал сочувственно: «Да Вы не отвечайте – писать и не будут!» Но этого совета духовник отец Иоанн принять не мог. Вопросы были от страждущих, болезнующих душ, и для него это были не письма, а живые люди, с воплем о помощи стоящие перед ним.

Трех Божиих старцев-монахов – отца Иеронима, отца Паисия[128] и отца Анатолия[129] – породила и вскормила земля Псковская. Были они все из одной местности – простота и святость, чистые сосуды Божией благодати.

Вспоминает монах Михаил Усачев: «Отец Иоанн всегда на людях, а отец Паисий – потаенный молитвенник. Господь каждому дает свой

Архимандрит Нафанаил (Посполов)

Архимандрит Досифей (Сороченков)

Архимандрит Феофан (Молявко)

путь. Но отец Иоанн и отец Паисий – как близнецы-братья. Отец Иоанн многих посылал к отцу Паисию. Вот однажды я приехал в монастырь, а отец Иоанн посмотрел на меня и говорит: «Тебе собороваться надо. Сейчас же поезжай к отцу Паисию в Юшково. Он тебя пособорует».

Поехал. Старец сидит усталый, только пришел из храма, троих соборовал. Отец Паисий первый раз меня видит, но с какой же любовью и благоговением обнимает меня и целует: «Рассказывай, с чем приехал?» Сказал, что отец Иоанн прислал собороваться. «Хорошо, хорошо, отец Иоанн благословил, сейчас пойдем собороваться». Из-за печки старческий женский голос: «Отец, ты же чуть жив, куда идешь?» А он в ответ: «Матушка, отец Иоанн благословил пособоровать». И ясно для отца Паисия и для его сестры-старицы: отец Иоанн был авторитетом непререкаемым. Устало идут они оба в храм, и опять начинается служба на три часа. Неспешно, благоговейно. Одного меня соборовали. Такого соборования у меня больше за всю жизнь не было.

Вспоминает игумен Марк[130]: «Отец Нафанаил посылал своих чад за духовным советом к батюшке Иоанну, скажет: «У меня суетное по-

Наместник монастыря архимандрит Тихон (Секретарев)

слушание, иди к отцу Иоанну. Он молится, часто служит, он – духовник «духом вник». Не помню, чтобы он когда-нибудь сказал праздное, суетное или неполезное слово. Оно всегда у него по делу и приправлено солью мудрости и назиданием во исцеление души. Иди, иди к нему. За его праведную молитвенную жизнь ему Господь дал такой дар».

Рассказывает наместник отец Тихон: «О монастырских старцах мне вспоминается многое, я частенько докучал им своими вопросами. Как-то раз, обдумывая, что главное в духовной жизни, я решил обойти наших богомудрых отцов. Пошел к отцу Досифею[131]. Монах отдыхал. Поднимается, покряхтывает.

– Батюшка, вопрос такой: что главное в духовной жизни?

– Главное в храм ходить, – ответил отец Досифей.

Пошел к отцу Феофану[132]. Он лежит себе в келейке, книжечка у него, газетка православная.

– Батюшка, что главное?

– Сделал дело, гуляй смело.

И после паузы добавил:

– Царство Небесное нудится.

Иду к отцу Александру, тот говорит:

– Выделяй главное.

Это правильно, это возрастной опыт говорит в человеке.

И все наши старцы говорили не просто слова, они сжимали до одной фразы весь опыт своей жизни. Захожу к отцу Серафиму. Он читает жития святых. Посмотрел на меня секунду и ответил:

– Слушайся начальство.

Казалось бы, какие простые истины, а что предшествовало в их жизни такому выбору! И война, и тюрьмы, и гонения – а все это мученичество.

Обойдя всех, пошел к отцу Иоанну. Он как всегда:

– Садись рядком, говори ладком.

Задумался он на мгновение и сказал:

– Вера в Промысл Божий и рассуждение с советом.

Это как откровение.

Если вдуматься в это хорошо, то ясно: Бог правит миром, и это такой камень, такое основание, без которого все мы – легче пустоты.

«Странники и пришельцы» скитаются по миру. Сейчас это странничество уже не знает и границ. В то время как Царь мира определяет каждому человеку его собственный путь по жизни, его место на земле, где во всей полноте должна раскрыться Душа именно этого человека, где он вызреет для вечности. Человек может отвергнуть о себе Промысл Божий, но ничего доброго от такого богоборчества не бывает.

Одно время предлагали отцу Иоанну переселиться на жительство на Афон. Он же, умудренный многими духовными и жизненными опытами, остался в России и только серьезно отшучивался: «Я где родился, там и пригодился». Хотя знал батюшка, что для него в этом отказе была и определенная опасность.

Подумаем, а что было бы, если бы он уехал? Где бы и как раскрылись его дарования? Проповедничество, духовничество, старчество...

Нередко отец Иоанн говорил:

«Я родился для того, чтобы быть тем, кто я есть».

Так он вслушивался в глас Промысла Божия о себе. И Бог сохранил его для нас, для нашей Церкви.

Вера в Промысл Божий, несомненная вера и доверие Богу – вот наследный дар от архимандрита Иоанна, и он оставил нам его примером всей своей жизни.

Стоит только сознательно принять, что ты здесь не случайно, что ты выполняешь волю Божию, сразу все в жизни становится на свое место, и помощь Божия даруется смиренному сердцу.

Вторая часть суждения отца Иоанна – «рассуждение с советом».

Рассуждение – дар Божий. Но опыт Святых Отцов утверждает, что если ты видел падшего, знай, он последовал себе. Значит, необходима проверка наших суждений советом и совестью другого человека. Жизнь по совету! Все-все, и великие и малые, ограждаются при совете смирением.

Так несколькими словами определил отец Иоанн путь к стяжанию Святого Духа Божия – к цели Христианской жизни».

О монастырских старцах вспоминает монах Алексий[133]: «Милостью Божией в нашем монастыре подвизалось много замечательных монахов-старцев. И мы соприкоснулись со старчеством не по книгам, но в самой жизни. Мы питались от живого опыта их монашеских трудов десять лет перед тем как они, окончив свой жизненный подвиг, ушли в пещеры.

Старцы – это дар Божий нам, пришедшим к вере с распутий жизни, устрашившись зияющей за ними пустоты. Ко времени нашего прихода в монастыре их оставалось пятеро, и в каждом из них ярко проступала своя особая христианская добродетель. Отец Досифей, много лет проживший на Афоне, был олицетворением ангельской простоты и терпения. Отец Феофан – многолетний регент братского клироса – само смирение. Бессменный казначей отец Нафанаил – всецелое, беспреко-

словное послушание. Братский духовник отец Александр – яркое воплощение молитвенника. В отце Иоанне под покровом любви жили все добродетели разом, как совокупность совершенств.

Все наши старцы внушали к себе благоговейное, почтительное отношение и служением, и примером жизни. Но вот такое простое русское ласковое слово «дедуля, дедушка» сердце могло сказать только отцу Иоанну (Крестьянкину). Он у нас один такой был. Батюшка сумел стать нам не только отцом, но еще и матерью. И только к нему можно было обратиться буквально со всем сокровенным, не смущаясь, что он не поймет или поймет превратно. Он прижимал тебя к своей груди, и ты слышал, как сострадательно бьется его сердце. А ласковые, одобрительные слова довершали общение. Отец Иоанн был последней инстанцией, к нему бежали, когда дальше бежать было некуда. Отец Иоанн воспринимался как явление особое. Основную христианскую добродетель он сумел воплотить своей жизнью настолько, насколько это возможно для смертного человека. «Любовь... все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13:7, 8, 13).

Так его любовь светит нам и из-за гроба, она не перестала. Мы частенько и сейчас бежим к нему в пещеры, чтобы опять, как при жизни, он покрыл наши печали и претыкания на монашеском пути своей молитвой. Отец Иоанн любил шутить легко и по-доброму: «Я, грешник, люблю пошутить, но все говорю со значением», – иногда слышали мы от него. А шутки понимать нетрудно. Подает батюшка свой обязательный гостинец и сопровождает его окрыляющей фразой: «Большому Саше от маленького Вани». Я тогда был еще иноком Александром, и как эти простые слова действовали на душу и сердце! Но, несмотря на свою доброту, батюшка умел совмещать в себе любовь со строгос-

И в душе колокольный звон…

тью. В нужные моменты откуда-то являлась в нем целительная строгость. Он мог показать согрешившему со всей определенностью конечный результат его поступка. И в обычной для него атмосфере доброжелательности это предупреждение звучало устрашающим громом, обещающим скорую беду. Он мог сказать: «Ты сделал шаг в ад», если человек уже устремился в том направлении. Его разумная целительная любовь не раз и меня приводила в чувство».

Рассказывает иеродиакон Никон: «Став насельником монастыря и ближе познакомившись с отцом Иоанном, я понял, что книжные понятия о старчестве мало соответствуют тому, чем они являются в действительности. Проявление этого служения в жизни мощнее и сокровеннее.

Встретившись с отцом Иоанном, я понял, что старчество – это именно дар Божий, воспринять который может лишь тот, кто всецело и безраздельно предан Богу.

Много богомудрых отцов Господь даровал нашему монастырю, и мы не устаем благодарить Бога за то, что имеем возможность видеть

и учиться примером их жизни, но отец Иоанн – это явление исключительное. Внешне его служение как бы и не проявлялось. Батюшка как батюшка, почти как все. Прошел, благословил, ласковое слово сказал. Как все! Да не как все! Христова любовь, через него коснувшаяся тебя, ощутимо творила и врачевала душу. Любовь, проросшая в душе и сердце отца Иоанна, вобрала в себя и сокрыла собой все монашеские добродетели: смирению и кротости его не было предела. Он не смущался ни грубыми выходками непонимания, ни пронзительными уколами умствующего безумия. Простота, терпение и любовь изливались потоком Божией благодати, и мы чувствовали, что наш старец верит в нас больше, чем мы сами. Его отношение свидетельствовало, что за любой человеческой оболочкой, как бы ни была она искажена, он почтительно видит образ Божий. Он зрит в нем ту духовную искорку, которой надо помочь разгореться. И он помогал, раскрывая для нас понимание о самих себе. Не раз, увещая взбунтовавшегося, стремящегося бежать от монашеского терпения насельника, он поливал его голову своими слезами со словами:

«Деточка моя, ну куда же ты от Бедушки своего? Если сейчас ты не можешь понять, о чем я говорю, то зато послушайся меня, потерпим вместе и вместе радоваться будем, когда терпение твое принесет плод».

Однажды случилось событие, поразившее каждое сердце. В городе скончался бывший насельник монастыря – иеромонах. Тяжелое пристрастие изгнало его из обители, но каждый день он стоял у монастырских врат, будучи совершенно больным и растерзанным непутевой жизнью. Он был под запретом, но сана с него не снимали. И вот смерть прервала его мучения. Похоронили его как бездомного. Когда весть обо всем случившемся дошла до отца Иоанна, он заволновался: «Как

так, иеромонаха, державшего некогда в руках Святые Дары, похоронить с таким бесчестием? Ради Духа Святого, почивающего на священнослужителе, это грешно». Сердечная боль отца Иоанна и его молитвы сделали, казалось бы, невозможное: иеромонаха удалось перезахоронить в Богом зданных пещерах. Даже великий грех не застилал старцу глаза, он видел страдание и готов был ради страждущей души вымаливать ей прощение».

О старческом служении отца Иоанна вспоминает болгарский митрополит Ловчанский Гавриил (Динев)[134]: «Будучи студентами Московской духовной академии, весной 1986 года мы побывали в Санкт-Петербурге, и нас принимал митрополит Антоний (Мельников). Владыка на меня произвел впечатление духовного человека. Провожая, он рекомендовал мне не уезжать на родину, пока я не встречусь со старцем архимандритом Иоанном из Псково-Печерского монастыря. Летом я поехал в Печоры. Отец Иоанн принял нас с большой любовью, и я тогда же понял, что отец Иоанн не говорил ничего случайного, что он своим внутренним духовным взором видел тебя насквозь и говорил то, что для тебя необходимо и полезно. При прощании я попросил его молитв, чтобы в Болгарии меня оставили в скиту преподобной Параскевы, где я раньше жил. Отец Иоанн внимательно глянул на меня и вдруг произнес: «Вы будете представителем Болгарской Православной Церкви в России». Он повторил эти слова три раза и очень твердо. Не зная, как это может случиться, я все же поверил его слову. Мне было очевидно, что старец изрек то, что повелел ему Господь. И, вопреки логике тогдашнего времени, я в тот же год получил от своего священноначалия назначение служить в России. С того времени прошло уже почти двадцать лет. По милости Божией я ежегодно по несколько раз имел возможность бывать у старца. Я руководствовался его духовным ведением. Он был истинным духоносным старцем. За

Болгарский митрополит Гавриил (Динев) с отцом Иоанном

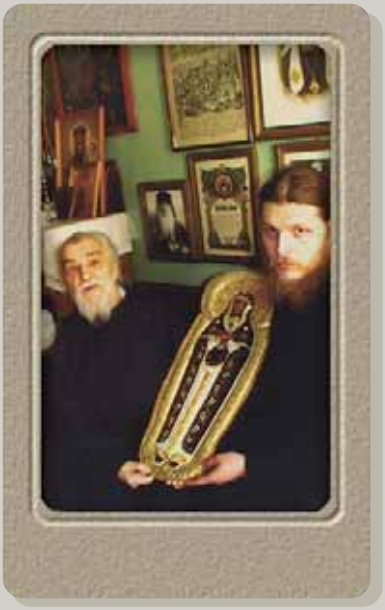
своим смирением он скрывал духовное величие и обильные благодатные дары, данные ему Господом: прозорливость, чудотворную молитву и подвиги. Но, как сказано в святом Евангелии, «зажегши свечу, ее не ставят под спудом, но на свещнице да светит всем». Господь через отца Иоанна облегчал нам прискорбный и тесный путь шествия к Отечеству Небесному. Благодать Святого Духа – светильник Божьего света – озаряла ему, а через него и нам путь по дороге жизни, темный от недоброжелательства недругов наших.

В моей жизни множество примеров его благодатной духовной помощи, наставлений, советов, из которых становятся явны его знания человеческого сердца и предведение грядущих событий.

Дай Бог нам еще таких светильников веры и подвига служения Господу и людям!

Вечная память старцу Божию отцу Иоанну!»

Живи не как хочется, а как Бог велит!



Истинная духовная жизнь в нас начнется только с той минуты, когда мы сердцем услышим обращенные к себе, именно к себе в Святом Евангелии слова Господа

Начавшийся процесс возрождения монастырей отец Иоанн встретил словами: «Вековой монастырский лес вырубили под корень, а редкий, успевший возрасти на скорбях лихолетий, уступает место молодой поросли».

Приходящему из мира пополнению, только ищущему пути к Богу, предлежало еще восстанавливать изначальное христианское самосознание, прежде чем по-хозяйски браться за рало монашеского плуга. Батюшка самоотверженно стал трудиться по созиданию большой монашеской семьи. Он озаботился тем, чтобы приходящие к нему послушники тоже вполне становились детьми Божиими.

Трудно давалась им, устремленным к вершинам аскетических подвигов, изначальная монашеская грамота. Воспитанные в самости активно сопротивлялись необходимости просто послушаться, просто претерпеть разрушительно-созидательную работу по спасению души, без которой невозможно начать жить в Боге. Отец Иоанн в беседах приводил слова святителя Феофана: «Сознавать себя Божиим и Бога своим Отцом – в этом и есть существо союза с Богом и все таинство религии». Пройдя путь к блаженному сыновству, батюшка делился своим опытом. «Истинная духовная жизнь в нас начнется только с той минуты, когда мы сердцем услышим обращенные к себе, именно к себе в Святом Евангелии слова Гос-

пода. А живая вера в Евангелие придет, когда осознаем свою погибель и ощутим необходимость в Спасителе», – напоминал он. Первой и самой тяжкой задачей батюшка определял необходимость увидеть себя и свою душу во всей ее греховной наготе и бессилии на добро. В монастыре эти открытия совершались быстро и парализовали послушников духом уныния и безнадежности. Вместо мечтаний о высоте духовных побед проступала действительность, требующая терпения многих монотонных трудов и, главное, веры, что это и есть начало Божиего пути для монаха. Но от обольщенных самомнением послушников бежала доверчивая простота – мудрая путеводительница на стезях спасения. Водимые на первых стезях монашеского жития подъемом духа от восчувствованной предваряющей благодати, ревнители монашеских подвигов своенравно отметали советы. А благодать-то отступала, давая место личным трудам. Вечные идеалы ускользали от слабой колеблющейся воли, и из зияющей в душе пустоты слышался зов к прежней, такой понятной жизни. Нужная монаху победа над собой без борьбы уступала место малодушию, обращая его в бегство.

Сколько буйных голов оросил своими слезами отец Иоанн! «Деточка! Куда ты устремляешься из объятий Отчих, зачем хочешь уподобиться блудному сыну? И обретешь ли после этого стезю покаяния?» Последним аргументом не чувствующему своего родства Богу и монастырской семье был горестный вздох старца: «Мы же с тобой родные Богу! Ты мой внук, кто же меня хоронить будет?» На глазах у очнувшегося от вражия наваждения «внука» тоже появлялись слезы. Труд по изучению правильных понятий о Боге, о самом себе, о мире духовном для него продолжался.

Приглядываясь к молодежи, отец Иоанн отметил для себя несколько основных трудностей на пути их к монашеству.

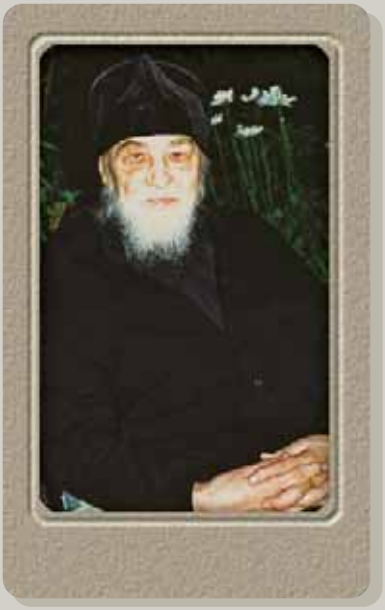
Самая существенная, которую они принесли с собой из прошлой жизни, – дерзость. Она простирает свою власть на все. Тень ее ложится как на братские отношения, так и на отношение к начальствующим. Но самое

разрушительное и неприметное для монаха – ее посягательство на Промысл Божий. Монашествующим ли поправлять Божии определения о Церкви, о властях, о себе? Им ли говорить о политике? «Боже, милостив буди мне грешному». Благоговение отступает от дерзкого, и страх Божий не может творить над ним своего спасительного врачевания. Истину говорят святые отцы: нет страсти вреднее дерзости, она мать всем страстям.

Другим не менее серьезным препятствием становилась душевность. Она восставала на младенческий возраст монаха силой земных соблазнов и пристрастий. Душевность склоняла монаха к самомнению и самообольщению. Становилась преградой следующему поистине монашескому шагу – необходимости принять как непреложную истину, что не искушенный скорбями монах неискусен и не сможет идти к духовному совершенству. Отец Иоанн и молодежи постоянно напоминал об этом: «Ныне время особое, только скорби, болезни и беды ходатайствуют о нашем спасении. И монашеское делание будет успешно только в том случае, если усвоим мы, что скорбей желать надо, не искать, но желать как Божия дара – вразумляющего, воспитывающего и в конечном итоге спасительного».

Из духовной «аптеки» отца Иоанна частенько доставался листок со словами святителя Игнатия, кратко, но емко определяющими созидательный смысл скорбей: «Нет возможности приступить к Богу иначе, как по тернию скорбей... для преодоления иной скорби нужно мужество; для исшествия из другой – мудрость; для избавления от третьей – смирение. Но во всех скорбях... непременно нужно терпение». Смирение, терпение, мудрость и мужество – только они прокладывают монаху путь к усыновлению Богу. Определяя фундаментом монашеской жизни смирение и терпение, отец Иоанн писал молодому монаху: «Спасительно наше произволение к смирению. Дай Бог, чтобы оно укоренилось в душе и сердце. Ведь мы выбрали такую жизненную тропу, что только смирением и можно прийти к вожделенной цели – стать вполне чадом Божиим, реально познать это благое Отцовство и радоваться жизни. В этом тепло жить и в самые суровые жизненные морозы, и самые тяжкие скорби вменяются ни во что. Смирять нас будут не только люди, но и все обстоятельства жизни. И все это приемлем без смущения, зная, что другого пути к Богу просто нет». Предостерегая от ошибок и желания перенести опыт прежнего монашества в наше время, отец Иоанн говорил, что он дан нам не для подражания а для смирения и покаяния. «Монашествующим нынешнего времени надо понять, из какого разорения мы возвращаемся к монашеской жизни. А потому живи не как хочется, а как Бог велит. Что имеем во благо нам и чего не имеем, тоже во спасение. Сам Господь берет за руку и ведет по жизни. Нам же надо усвоить основные монашеские понятия – послушание Богу, терпение и смирение. Без этого монаха не будет, а одна лишь пустая видимость, одно умничанье и ничего больше. Но придет время, когда не теоретически, не от ума только, но сердцем познают нынешние монахи монашество и вернутся к его истокам, неся миру живые скрижали Святого Духа».

Виновных не ищите!
Виновных не ищите! Молитесь!



Мы-то с вами еще не до крови сражались.
Надо потерпеть эту сердечную тугу с молитвой
веры и упования — это наше дело, а Господь
сделает свое — сохранит Православие
и Церковь Российскую

Отец Иоанн говорил, что каждое время ставит и перед Церковью, и перед теми, кто ищет спасения, сообразные задачи. Неизменно только одно: при любых обстоятельствах сохранить веру и любовь к Богу. Премудрость Божия дала нашему времени наглядные примеры Своего могущества в видимых подвигах новомучеников и исповедников Российских.

«...Если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24).

И новомученики стали семенем будущего возрождения Православной России. Они умирали ради спасения грядущих по ним. Монашеские кельи, рассеянные по всей многострадальной стране, хранили Дух Божий в тайне от духа вражия. Нередко отец Иоанн утешал изнемогающих от безнадежия словами: «Мы-то с вами еще не до крови сражались. Надо потерпеть эту сердечную тугу с молитвой веры и упования – это наше дело, а Господь сделает свое – сохранит Православие и Церковь Российскую. И если десять ветхозаветных праведников спасли Израиль от гнева Божия, то не усомнимся и мы теперь в спасении России, когда миллионы россиян в годину испытания своей кровью засвидетельствовали верность Богу. А многие из

оставшихся в живых противопоставили 70-летним бесовским соблазнам свою тайную молитву, любовь к Церкви и жизнь свою страдальческую. Так неужели Промысл Божий ушел из нашей жизни, оставив нас на произвол человеческих страстей и вражией тирании? Быть этого не может! А значит, камо бежим от лица Божия, от гнева Божия, от любви Божией? Это Он возвел на крест Россию, и, значит, только этот Крест нам во спасение. Будем же верить Божиим обетованиям и любви Его».

Батюшка воскрешал в своей памяти примеры из жизни Святых Отцов в смутные времена истории и тем вдохновлялся на труды. Монахи, несущие свет Православия миру, были ему примером.

А святой праведный отец Иоанн Кронштадтский!

Не был ли и он произвольным монахом без мантии, России Богом данный? Не стал ли и он прообразом для священнослужителей и для монахов – тех, кому предстояло сохранить евангельский дух в условиях всеобщего отступления?

Вспоминал отец Иоанн и рассказы дорогих его сердцу Глинских старцев о том, как разоряли пустынь, как пошли они по миру без ропота. И многие ли понимали тогда, что это была забота Божия о сохранении духа евангельского, духа монашеского.

Монахи, выброшенные из монастырей жестокими гонителями, пошли по миру не с протянутой за подаянием рукой – они сами понесли миру подаяние от Бога – сердце свое с возженным в нем светом Божией Истины...

Зажглись монашеские лампады во многих приходах, где приняли изгнанников. Зажглись в домах, где они поселились. Пример живущих единым на потребу вдохновлял многих. Влиянием монахов люди начинали жить иными думами и заботами, отстранившись от безбожной идеологии и от горечи видимого разрушения. Как бы ни был

За чтением писем

люют дух вражий, не могли богоборцы проникнуть в то, что было под покровом тайны. Сила веры, хранимая Богом в этой тайне, имела силу жизни. И чем больше уничтожали носителей Живого Духа, тем ощутимее становилась эта жизненная сила. На исходе XX века стало очевидно, что враг запят от Бога и посрамлен. Таков Промысл Божий. Таким было время и путь монашеский в юдоли этого времени.

...Празднование 1000-летия Крещения Руси вылилось в общенародное торжество – вопреки духу времени – и приоткрыло тайные процессы христианской жизни в атеистической стране. Повторное обретение мощей преподобного Серафима Саровского всколыхнуло Россию и ознаменовало возвращение ко Христу. Первостепенной задачей Церкви стало возрождение монастырей. Предстоял долгий труд по восстановлению напрочь разрушенного христианского уклада жизни. Народ к этому времени почти утратил понятие о евангельских истинах и заповедях Божиих.

Монашество опять призывалось стать светом миру, путеводителем ко Христу.

Проникая духом в суть происходящей с россиянами трагедии, отец Иоанн взывал с амвона: «Забыта душа – райская птица, живущая в нашем бренном теле. Она изнывает гладом, который не утолят все призрачные сокровища наших стяжаний. И стонет душа, и плачет, и болит до времени, пока мы окончательно не погребем ее, нашу бессмертную душу, под хламом наших страстей, и она умолкнет».

Отвечая на духовные запросы времени, отец Иоанн составляет книгу «Размышления о бессмертной душе». Пишет письма – азбуку духовной жизни современного человека. Призывая преодолевать расслабление и беспечность, он находит слова утешения и надежды для растерявшихся людей:

«Дорогие мои! Нельзя в наше время жить бездумно. Мы все, даже и те, кто уже давно в ограде Церкви, испытываемся сейчас силой всяких соблазнов, в том числе и силой нового религиозного сознания, ложной христианской духовности. И во всем этом является апокалиптический образ великого отступления, который охватит весь род человеческий перед концом света. Но пока еще время спасительное, и Господь – любящий Отец ждет нашей ответной любви. Идем по жизни, на пути спотыкаемся, иногда и падаем, встаем и опять идем. Несем Крест, и им возносится душа наша к Богу. Таков путь возрождения души и очищения ее. И мы, дорогие мои, от этого пути не откажемся. Наши искушения и падения рождают в нас понимание происходящего вокруг и в себе и учат состраданию к людям. Они же и к Богу нас приближают осознанием собственной слабости и Его силы, явленной нам теперь в помощи Божией».

Отец Иоанн для приходящих к нему приоткрывал завесу над внешним течением жизни. От него часто слышали, что сейчас идет такая духовная брань, что каждый шаг по жизни для тех, кто тянется к Богу, становится мученичеством. Волны зла накатывают одна за другой.

«Дух лукавый проник везде. Задача православного не допустить его в свое сердце, и в этом мы еще часто сколько-нибудь больны. А потому надо искать мира не вовне, а в своем сердце. Только там мы обретем Бога».

И скажем словами пророка: «Сокры мя в тайне селения Своего». Знает Господь, как сохранить любящих Его, в этом не сомневайтесь и этому верьте безраздельно. Но какие испытания грядут впереди, мы можем только догадываться, и то отчасти. И надо помнить – это будут наши спасительные испытания, если пройдем сквозь них, сохранив веру и доверие Богу. А если падем с верой на поле жизненной брани, то мучениками и исповедниками. И как было бы это утешительно, но не всем дает Бог это избранничество».

В конце жизни отец Иоанн иногда вздыхал: «Не дал мне Господь радость мученического венца, но благодарю Его, что лицезрел я тех, кто в наше время явил свидетельство Божия присутствия в мире. Будем же так жить, чтобы и жизнь была Христос, и смерть – приобретение».

Последняя всенощная, за которой молился отец Иоанн, была посвящена памяти новомучеников и исповедников Российских, и сонм их стоял у Престола Божия при его последнем причастии Святых Таин на земле.

Время неумолимо отсчитывало годы. Отец Иоанн отдавал им свою дань. Устремление к вечности не умаляло в нем радости жизнелюбия. Им он одухотворял то жизненное пространство, в котором жил, и всех тех, кто входил в его орбиту. Изредка от него можно было услышать откровение, что небо любит он уже больше, чем землю. Вечность манила и звала его, и он с готовностью ждал встречи с ней. И только благодарность и радость ожидания звучат в его последних письмах: «А я, прожив всю жизнь в народной молве, благодарю Бога, что хоть в последний час жизни Он даровал мне сладость уединения и молитвы неразвлекательной и новый образ жизни – преддверие вечности и радости богообщения».

В монастырском саду

Тревогу духовных чад о скорой разлуке он успокаивал словами: «Кто нас отлучит от любви Божией и в Нем от любви друг к другу?»

Вспоминает Татьяна Смирнова: «Двенадцать лет я ездила паломницей в монастырь, и встречи с отцом Иоанном были нечасты. По приезде он непременно находил возможность поисповедовать, благословить на прощание и кратенько поговорить. На жалобы, что нет возможности спрашивать у него о возникающих смущениях, он, бывало, только руками всплеснет: «Как это нет? Ты сразу стучи мне в оконцето! Тут же и ответ получишь! По беспроволочному телеграфу еще легче – никто не помешает».

Готовясь к исходу, он утешал нас: «А кто воспретит нам общаться? Ты приходи в пещеры, келья мне там уже готова, там с тобой и поговорим, и все вопросы разрешим».

Впечатлениями о последних годах жизни отца Иоанна, когда он стал келиотом, делится иеромонах Иоасаф (Швецов):

«Трудно говорить о человеке, который был в наше время светильником, ярчайшей личностью в монастыре. Но за последние годы

Моление к Матери Божией

жизни сильно изменился. Не осталось видимого горения, не видно той взрывной ревности о величии человеческой души и ее предназначении в сем мире и в вечности, не видно и той ревности о высоте и благообразии богослужения, не видно педантичной аккуратности и чистоты всего его внешнего облика. Не слышно торжествующих и победных возгласов и чтения Евангелия с интонацией, передающей переживания сердца, живущего Им, не слышно длинных рассуждений о том, как бы было лучше поступить в том или ином случае, и все это еще с воспоминаниями из прошлого, им пережитого. А видно лишь тихую, по-детски кроткую старость человека, который всего себя без остатка посвятил и отдал Богу.

Трудно об этом писать. Трудно об этом говорить. Еще трудней осознавать. А ведь он об этом нас давно предупреждал. Как-то лет десять назад пришли мы к нему, стучим, ожидаем. Вышел батюшка со словами: «Что вы ко мне пришли, я уже умер, меня нет».

Сейчас, когда он ушел, понимаешь, как мало мы его ценили, и не дорожили, и даже, как ни странно, иногда и сердились на него. И вот его нет с нами, и стало для всех очевидным, что только крепость его духа, сила его любви незримо творила с нами и в нас духовное преображение. Он стяжал благодать Святого Духа настолько, что от нее возжигались наши едва теплящиеся к Богу души и сердца. Пример его жизни явил нам, что такие трудности, как гонения, лишения, скудость, теснота, не помешали, а наоборот, закалили и утвердили на пути следования за Христом.

И к батюшке хочется отнести похвальное слово св. Ефрема Сирина: «Кто пребывает в истине, тот подлинно и Богу всегда благоугоден, и всем людям полезен, в братстве прекрасен и во всяком деле правилен».

О своей незримой встрече с отцом Иоанном вспоминает игумен Николай (Парамонов)[135]:

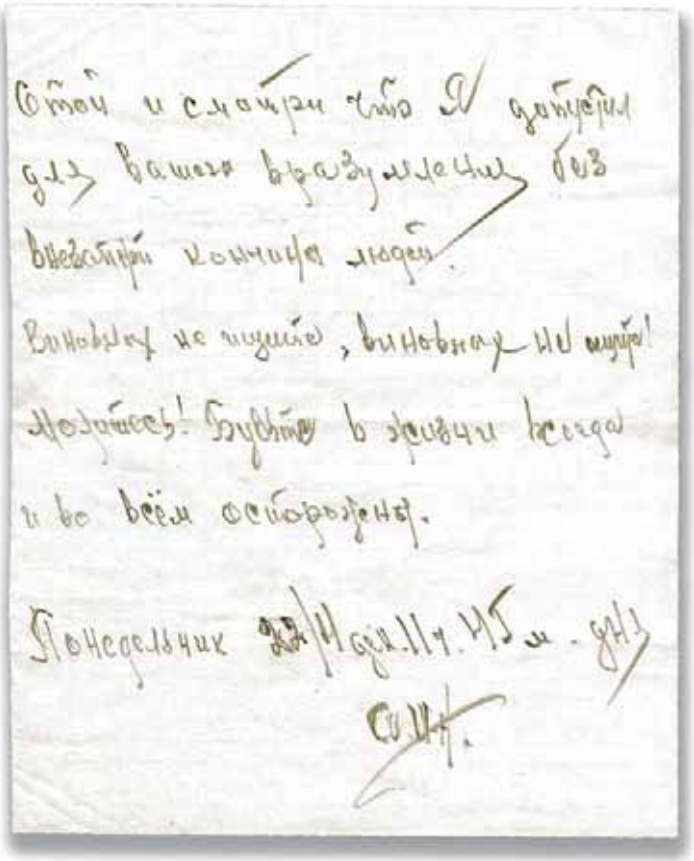
«Последнее мое общение с батюшкой состоялось в Пасху, за полгода до его кончины. Батюшка уже не принимал, но я, зная, где окна его кельи, встал под ними и стал молиться. И вдруг неожиданно услышал, как отец Иоанн в келье ликующе запел: «Христос воскресе из мертвых, смертью смерть поправ...» Так трижды он пропел пасхальный тропарь, и его молитва несла ощущение победной души, преодолевающей все земные немощи. И я утешился, услышав его радость, нисшедшую из вечности. Победа жизни над смертью ощутимо вошла и в мою душу. Через батюшку до последних дней его жизни Господь открывал нам, что такое духовная радость, животворящая все на земле. И вспомнилось одно из его пасхальных приветствий нам всем:

«Воскликнешь, Русь Православная! Бессмертие светлой пасхальной радости стучится в твое гонимое нами сердце!»

Бессмертие уже жило в нем, доживающем последние дни своей земной жизни, во всей полноте, свидетельствуя миру о том, что из того закрова, куда он шел, бьет свет родившейся и вызревшей здесь, сейчас, на земле, нескончаемой радости жизни.

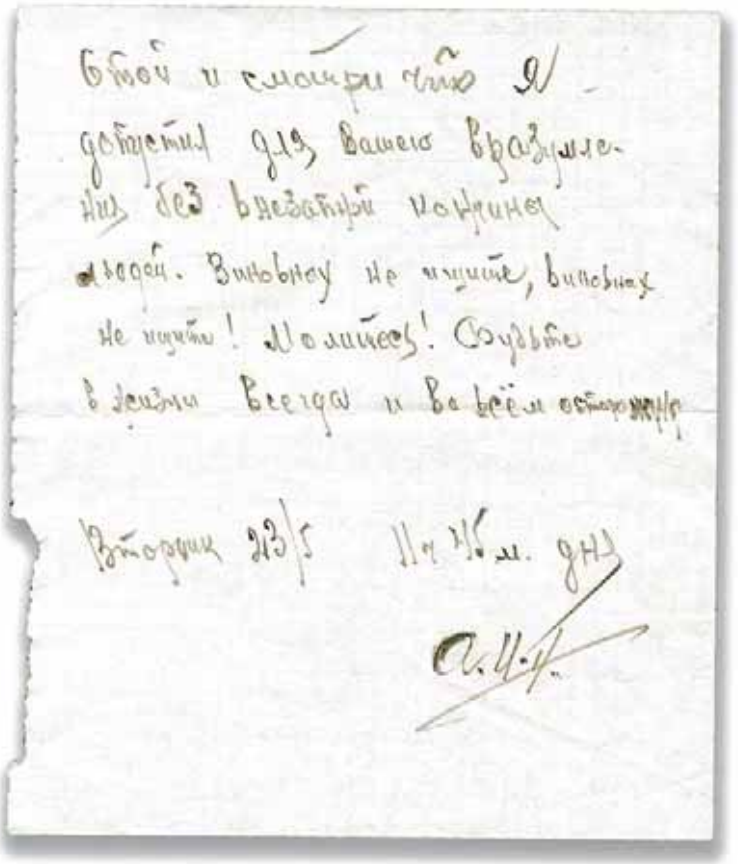
«Пасхальный батюшка» ушел в Вечную Пасху!

Из приведенных воспоминаний и фактов нашей книги осталось одно – многозначное, или, как принято теперь выражаться в миру, «знаковое» событие.



2000 год. Декабрь.

...На пороге нового столетия отец Иоанн несколько дней пробыл в полном затворе. Он не выходил из своего уединения ни днем, ни ночью. Когда же вернулся, лицо его еще долго носило отблеск нездешнего мира.



Келейнице своей он подал конверт. На ее вопросительный взгляд произнес одно слово: «Посмотри». В конверт были вложены два листа в клеточку. Один из них с неровным краем, очевидно, вырванный в спешке.

Из написанного явствовало, что Бог доверил отцу Иоанну видеть тайну жизни нашего времени. Ее отец Иоанн унес с собой. Два дня подряд, повторяя одно и тоже видение, Господь через него дал живущим Свое Завещание:

«Стой и смотри, что Я допустил для вашего вразумления без внезапной кончины людей.

Виновных не ищите, виновных не ищите!

Молитесь! Будьте в жизни всегда и во всем осторожны».

Понедельник 22/4 дек. 11ч. 45м. дня.

На втором листе написан слово в слово тот же текст и под ним дата:

Вторник 23/5 11ч. 45м. дня.

Оба листка запечатлены подписью отца Иоанна.

Инок Божий отец Иоанн прошел сквозь стремнины современной нам жизни и стал иным в этом мире, стал не от мира сего и вошел со своим жизненным Крестом в радость Воскресения.

Кто знает и может измерить глубину и тайну его жизни?

В одном из воспоминаний о нем написано: «Он сделал себя прозрачным, чтобы через него люди видели Бога».

Сам же отец Иоанн, останавливая всякое проявление внимания к себе, говорил:

«Воспоминания? Какие воспоминания? О ком это? О человеке, проведшем всю свою жизнь на ярмарке? Обо мне одно воспоминание: пожив и умре, пожив и умре!!!»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биографическая справка

♦

Из архива архимандрита Иоанна

♦

Комментарии

Биографическая справка

11 апреля 1910 г. родился в г. Орле.

13 апреля 1910 г. был крещен с именем Иоанн в честь прп. Иоанна Пустынника в церкви Илии Пророка г. Орла.

В 1929 г. окончил среднюю школу в г. Орле.

В 1932 г. переехал в Москву и до 1945 г. работал бухгалтером.

14 января 1945 г. рукоположен во диакона.

7 октября 1945 г. сдал экстерном экзамены за курс Духовной семинарии.

25 октября 1945 г. рукоположен во священника и приписан к храму Рождества Христова в Измайловском районе г. Москвы. Служил до 1950 г.

С 1947 по 1950 г. обучался в Московской духовной академии.

30 апреля 1950 г. был арестован и осужден по ст. 58-10. Отбывал заключение в ИТЛ до 15 февраля 1955 г. (15 июня 1989 г. реабилитирован).

С 1955 по 1967 г. служил на приходах Псковской и Рязанской епархий.

10 июля 1966 г. пострижен в монашество с именем Иоанн в честь ап. Иоанна Богослова.

С 1967 по 2006 г. – насельник Псково-Печерского монастыря.

В 1970 г. возведен в сан игумена.

В 1973 г. возведен в сан архимандрита.

В 1978 г. награжден орденом св. кн. Владимира III степени.

В 1980 г. награжден орденом прп. Сергия Радонежского III степени.

В 1989 г. награжден вторым крестом с украшениями.

В 2000 г. награжден орденом блгв. кн. Даниила Московского II степени.

В 2005 г. награжден орденом прп. Серафима Саровского I степени.

5 февраля 2006 г. в день памяти новомучеников и исповедников Российских преставился ко Господу. Погребен в Богом зданных пещерах.

Из архива архимандрита Иоанна*

Несостоятельность возражений против монашества

I. В наше время слышатся разные возражения против монашества, несостоятельность коих нетрудно показать. Мало того: нужно удивляться, как можно возражать против того, что достойно не порицания, а напротив, самого горячего сочувствия и одобрения.

II. а) Монашество, говорят, несовременно; оно отжило свой век. Если так, то и христианство будет уже несовременно, потому что обеты монашеские прямо вытекают из духа Евангелия и основываются на учении Спасителя и Его апостолов о высших степенях христианской жизни. Кроме заповедей, общих для всех христиан без различия, евангельским учением и церковью предлагаются советы для желающих подражать ангельскому житию; эти советы состоят в соблюдении девства (постоянного целомудрия), совершенной нестяжательности и полного послушания, а за этим в усиленной молитве и постничестве. Как же называть несовременными эти высокие добродетели? Ужели можно ограничивать каким-либо временем лучшия, святыя стремления бессмертного нашего духа? И если наш век называется веком просвещения или прогресса – движения вперед во всем, то на каком же основании уничижать желание стремящихся выше и выше к Богу по своей жизни. Итак, называть монашество несовременным не только несправедливо, но и грешно.

б) Монашество, говорят, неестественно. Но разве все то хорошо, что естественно? Если действовать и жить только по закону природы поврежденной, то христиане ничем не будут отличаться от язычников. По естеству человек – «чадо гнева Божия» (Еф. 2:3) и не может спастись. Для того и дана нам религия христианская сверхъестественная, чтобы мы спаслись благодатными сердцами, а по естеству мы так слабы, что не можем совершить ни одной добродетели по чистым побуждениям. «Сила Божия в немощи совершается» (2 Кор. 12: 9); человек слаб, склонен к грехопадениям, но всегда может быть силен и тверд благодатиею Божиею.

в) Монашество многие, наконец, находят излишним, ненужным.

Но наши монастыри православные всегда были оплотом благочестия, действовали всегда на пользу отечества, особенно в бедственныя его времена, и служили двигателями просвещения, когда оно не было еще распространено, как ныне.

Монашество служило как бы жертвою Богу от мира и, осуществляя в высшей степени все требования христианской религии, служить образцом христианской жизни и распространителем религиозно-нравственного света среди окружающего населения. Что было бы с миром, во зле лежащим, если бы он не видел образцов святой жизни и если бы он не получал побуждений к высшей жизни от живых образцов благочестия? Да и стоял ли бы он, если бы совершенно оскудел праведник? Уже одна эта заслуга мона-

---

* *Эти тексты, переписанные от руки в тетрадь, о. Иоанн много лет хранил у себя в архиве. В конце тетради его рукой была сделана приписка, которая приводится ниже.*

шества неизмеримо великая дает полное право на существование монашества среди христианских обществ. Можно ли после сего порицать монашество и считать его излишним?

III. Возлюбленные во Христе братья! Всегда помнить надобно, что и мирские христиане должны подвизаться в благочестии, чтобы спастись. Без труда нельзя спастись человеку. «Царство Небесное усилием берется, и только усиленные искатели достигают его» (Мф. 11:12).

Благотворное влияние монашества на ход нашей истории

I. Представим следующую картину: на сотни верст раскинулся дремучий лес; ни города, ни селения, ни пути по нему. Один лишь шум дерев и вой зверей оглашают воздух. По времени является в эти дебри на жительство убогий по виду пустынник. Основывает себе жилище. Одновременно с ним селятся в этих местах еще несколько отшельников. На первых порах – ничего особенного, никакой почти перемены. Нет-нет промелькнет разве с той поры перед вашим взором пешеход – один, другой, возжаждавшие слова назидания и с этой целию отыскивающие по едва проходимым дебрям «старца праведнаго». Но проходят несколько десятилетий, а еще ближе к делу – несколько столетий – и узнать нельзя местности той. Там, где была убогая обитель, образуется чуть не город; где так еще недавно царило полное безлюдье,– видим жизнь, и жизнь полную повсюду. Селения здесь украшаются святыми храмами: по лесам несутся раскаты благозвучных колоколов церковных; на лазури небесной точно звезды блестят поверх лесов златые главы и кресты!

Не правда ли, какое отрадное для чувства христианского превращение – не бесплодное (согласитесь с тем) и в гражданском даже, бытовом отношении!

II. а) Это последнее обстоятельство особенно стоит заметить. Кому и вся наша Русь обязана христианским просвещением, как не иночеству?

Как прежде, по свидетельству летописей, так и в наши дни – кто у нас апостольствует в Сибири? Кто разносит по тундрам тамошним неведомые дикарям понятия об истинном назначении человека, о его обязанностях и лучших условиях бытовой жизни? Кто вместе с верой учит их строить жилища, заводить хлебопашество и т. д.?

Это делают опять-таки не кто иной, как иноки, главным образом, монашествующая братия.

Да, многим обязана наша Русь православному монашеству! А если так, то не слушайте тех, которые проповедуют, что монашество есть извращение человеческой природы, что оно бесполезно в общем строе народной жизни и т. п. Нет, други мои, иночество, правильно поставленное, – это душа народной жизни, в нем мы имеем то «свято семя», которым, по слову Писания, стоят и держатся народы и царства (Пс. 6, 15).

Без него «оскуде преподобный» – сами знаете, что сказано в Писании: «и умалишися истина от сынов человеческих». А умаление истины, пренебрежение к ней – известно к чему ведет народы: «И опустошит всю землю беззаконие, и злодейство превратит престолы сильных» (Прем. Солом. 5, 24).

Приведем и еще замечание премудраго (Притч. 11, 10–11): «во благих праведных исправится град и в благословении правых возвысится: усты нечестивых раскопается».

б) Нам скажут: но много ли у нас таких праведников? Где ныне преподобные?

Отвечаем: много ли ныне в наших монастырях истинных подвижников, мы не знаем, так как один Господь знает «сущая Своя», но что они есть, а еще важнее – что в монастырях наших жив и действен поныне дух истинного подвижничества, хотя он проявляется теперь, быть может, и не в тех иногда формах, в каких проявлялся прежде, в этом, по-нашему, и сомневаться нельзя. Иначе стал ли бы наш народ тысячами стекаться в обители? Нет, братья, чутья народного не обмануть – что ни говорите!

в) Но положим и так: ныне нет таких подвижников, как встарь.

Что ж из этого? Ужели монастыри в этом виноваты? Смотрите, не наоборот ли? Не оттого ли, напротив, и оскудение-то в монастырях истинных подвижников, что мы с вами, «в миру живущие», стали ныне до того никуда не годными нравственно, что не в состоянии «выделить» из среды себя для монастырей и самой малой доли людей порядочных, что все мы, все сословия, воспитываем детей своих до того не по-христиански, что монашеская жизнь им и на ум не идет, мало того, представляется им даже чем-то противоестественным.

Не то, братия, было встарь. Тогда нередко были в числе иноков и князья, и бояре. И странное дело: что люди находят противоестественного в процветании иночества среди населений христианских? Как будто это не необходимое, напротив, явление?

Сошлюсь на вас. Скажите: может ли идти успешно, положим, наука, если у нее не будет своих бескорыстных тружеников или если мы оставим ее без университетов и академий с одними лишь первоначальными школами.

И всякое художество, и даже ремесло простое может ли процветать без передовых своих двигателей? Нет!

Как же вы хотите, спрошу я теперь, чтобы христианская-то жизнь, эта наука из наук, восходила от силы в силу, до совершенства евангельскаго сама собой, без особых, так сказать, тружеников-знатоков в этом деле – иноков?

Нет, братья, если справедливо, что Церковь есть школа, то (монашество) монастыри тем более по всей справедливости могут быть названы нашими академиями христианской жизни.

III. Господи, молитвами преподобных и богоносных отец наших, не дай, чтобы оскудел преподобный в Отечестве нашем!

Не дай ложному просвещению и обаятельному влиянию чувственного мира лишить нас нашей народной силы и обездушить нас!

Будем благодарны Богу и великим угодникам за то светлое и благодатное, что дали старцы и зрелая обители наши, православными людьми нашего отечества.

Будем верить, что русский народ не утратит эту святыню и в будущем, что она сохранит и спасет его среди всех испытаний, скорбей и искушений.

Комментарии

[1] Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь, один из древнейших на Руси, был основан в конце XIV в. Наибольшего расцвета достиг в XVI в. в период управления святого игумена преподобномученика Корнилия, пострадавшего от руки царя Иоанна Грозного. Псково-Печерский монастырь никогда не закрывался и долгое время оставался единственным действующим мужским монастырем на территории РСФСР в XX столетии. Этот монастырь всегда славился своими старцами и молитвенниками.

[2] Введенский женский монастырь в г. Орле был основан в конце XVII в., наибольшего расцвета достиг в XIX в., в 1923 г. был закрыт советскими властями. С 1993 г. началось возрождение монастыря. В этой обители до закрытия несла послушание двоюродная сестра о. Иоанна по матери Мария Николаевна Овчинникова – монахиня Евгения.

[3] Протоиерей Николай Иванович Азбукин – священник церкви Илии Пророка г. Орла. Крестил младенца Иоанна Крестьянкина и был его первым духовником.

[4] Елизавета Илларионовна Крестьянкина (в девичестве Кашеверова) родилась в 1874 г. в г. Болхове Орловской губ. Около 1895 г. венчалась с Михаилом Дмитриевичем Крестьянкиным, род. 1860 г., торговцем мясом. В семье Крестьянкиных родилось 8 детей (шесть сыновей и две дочери), младший – Иоанн. В 1912 г., через 2 года после рождения последнего ребенка, Михаил Дмитриевич умер, и Елизавета Илларионовна осталась вдовой с пятью детьми на руках (трое умерли младенцами). Скончалась Елизавета Илларионовна 20 августа 1936 г. в г. Орле , похоронена на Крестительском кладбище.

[5] Епископ Николай (Никольский Алексей Николаевич) родился 20 февраля 1879 г. в Орле в семье священнослужителя. В 1911 г. в кафедральном соборе г. Орла был рукоположен в сан диакона, а вскоре и во священника. До 1915 г. служил в Орле в Воскресенской церкви и делопроизводителем Орловского епархиального училища. Затем поступил в Петербургскую духовную академию и до 1917 г. служил священником детского приюта обуховских рабочих в Петрограде. По окончании академии служил в Орле в бывшей военной церкви. 9 октября 1921 г., после пострижения в монашество с именем Николай, епископом Орловским Серафимом (Остроумовым) был хиротонисан во епископа Елецкого, викария Орловской епархии. В июне 1922 г. был арестован за сопротивление изъятию церковных ценностей и заключен в Орловскую тюрьму. В 1923 г. осужден на 3 года ссылки в г. Задонск Воронежской губ. С ноября 1924 г. проживал в Москве. В ноябре 1925 г. снова был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. В 1926 г. сослан в Антониев Краснохолмский монастырь Тверской губ. В июне 1927 г. освобожден без права проживания в шести главных городах СССР. В сентябре того же года назначен епископом Вязниковским, викарием Владимирской епархии. Входил в состав Даниловской группы и находился в оппозиции митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1928 г. вновь арестован. Скончался 4 мая 1928 г. в Бутырской тюрьме в Москве. Похоронен на Даниловском кладбище слева от алтаря Духовской церкви, рядом с епископом Иннокентием (Ястребовым).

[6] Священномученик Серафим (Остроумов Михаил Митрофанович) родился 6 ноября 1880 г. в Москве в семье псаломщика. Обучался в Заиконоспасском духовном училище, затем в Московской духовной семинарии, а с 1900 по 1904 г. в Московской духовной академии, которую окончил со степенью кандидата богословия и оставлен профессорским стипендиатом. 14 сентября 1904 г. пострижен в монашество и рукоположен в сан иеродиакона, а 19 сентября – во иеромонаха и оставлен преподавателем в МДА. В 1906 г. назначен наместником Яблочинского монастыря на Холмщине. С января 1914 г. – ректор Холмской духовной семинарии. 3 апреля 1916 г. в Москве хиротонисан во епископа Бельского, викария Холмской епархии. Вскоре епископ Серафим был назначен управляющим Орловской епархии. В марте 1918 г. в Орле был первый раз арестован. Через 4 месяца – повторный арест. В 1922 г. Орловским ревтрибуналом за сопротивление изъятию церковных ценностей вновь арестован и осужден на 7 лет тюрьмы со строгой изоляцией. В 1924 г. освобожден из Орловской тюрьмы по амнистии. В декабре 1926 г. в очередой раз арестован и выслан за пределы Орловской епархии. С ноября 1927 г. – архиепископ Смоленский и Дорогобужский. 11 ноября 1936 г. опять арестован в Смоленске за «антисоветскую агитацию». В 1937 г. осужден и сослан в Казахстан в Карлаг. В ноябре 1937 г., находясь в заключении, вторично был привлечен к уголовной ответственности и приговорен к высшей мере наказания. 8 декабря 1937 г. расстрелян под Смоленском в Катынском лесу. В 2001 г. священномученик Серафим (Остроумов) причислен к лику святых и внесен в Собор новомучеников от Орловской епархии.

[7] Донской монастырь был основан в 1591 г. в память чудесного избавления Москвы от нашествия крымского хана Казы-Гирея, в том же году был построен первый каменный собор в честь Донской иконы Божией Матери. В конце XVII в. на территории монастыря было основано кладбище для московской знати, которое существует до настоящего времени. С 1922 по 1925 г. в Донском монастыре находился под стражей Святейший Патриарх Тихон, и здесь же, в Малом соборе, он был погребен. В 1926 г. монастырь был закрыт. С конца 1920-х гг. в монастырских помещениях разместился антирелигиозный музей, а с 1934 г. в монастыре находился Музей архитектуры. В 1949 г. в Малом соборе монастыря были возобновлены богослужения и в левом приделе устроена мироварня для приготовления святого мира для всех приходов Русской Православной Церкви. В 1990 г. Донской монастырь был возвращен Московской Патриархии. В настоящее время восстановлен.

[8] Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея Руси (Белавин Василий Иванович, 1865–1925) на Всероссийском Поместном Соборе 5 ноября 1917 г. был избран Патриархом. В 1922 г. арестован и находился под домашним арестом в московском Донском монастыре. Скончался 7 апреля 1925 г., погребен в Малом соборе Донского монастыря. В 1989 г. Русской Православной Церковью причислен к лику святых. В 1992 г. обретены его нетленные мощи, которые в настоящее время находятся в Донском монастыре.

[9] Священноисповедник Георгий (протоиерей Коссов Георгий Алексеевич, 1855–1928), духовный сын прп. Амвросия Оптинского. С 1884 г., после священнической хиротонии, служил в Спасском храме с. Спас-Чекряк Болховского уезда Орловской губ. В начале XX столетия стал известен как прозорливец, чудотворец и молитвенник, отчитывал бесноватых. В с. Спас-Чекряк основал общину с приютом для детей-сирот и школой для

мальчиков, построил каменный храм, странноприимный дом. После революции 1917 г. приход был закрыт, о. Георгия несколько раз арестовывали. Скончался 8 сентября 1928 г., похоронен у храма. После смерти почитание старца продолжалось, было собрано множество свидетельств чудотворений, совершенных по его предстательству. В августе 2000 г. на Юбилейном Архиерейском Соборе протоиерей Георгий Коссов был причислен к лику святых в чине священномученика, и в том же году были обретены его нетленные мощи. В настоящее время мощи сщмч. Георгия находятся в Спасо-Преображенском храме г. Болхова.

[10] Монахиня Вера (Логинова) – насельница орловского Введенского монастыря до его закрытия в 20-е гг. XX в., бывшая генеральша. Была известна в Орле как юродивая и прозорливица.

[11] Архимандрит Афанасий (Москвитин Александр Иванович) родился в 1906 г. в Орле в семье купца Ивана Александровича Москвитина и приходился о. Иоанну двоюродным братом. С детства прислуживал в церкви, был старшим иподиаконом Орловского архиепископа Серафима (Остроумова). В 1930 г. епископ Рославльский Даниил (Троицкий) постриг его в монашество с наречением имени Афанасий в честь свт. Афанасия Великого. С конца 1920-х гг. проживал в Москве, работал бухгалтером в Госбанке. Имел группу инвалидности, поэтому не был призван в армию. В 1944 г. протоиерей Александр Воскресенский, настоятель храма Иоанна Воина на Большой Якиманке, подготовил монаха Афанасия к сдаче экзаменов экстерном в открывшийся Богословский институт. 14 ноября 1944 г. епископом Донецким Никоном (Петиным) он был рукоположен во иеродиакона, а 17 ноября – во иеромонаха и приписан к Свято-Никольскому собору г. Ворошиловграда (Луганск). После переезда в Москву о. Афанасий служил в храме Воскресения Христова в Сокольниках, а затем в Богоявленском Патриаршем кафедральном соборе. В 1949 г. назначен настоятелем Спасской церкви г. Солнечногорска Московской епархии, где прослужил до своей кончины. С 1960 г. – архимандрит. Был известен своими духовными дарованиями и очень почитаем среди прихожан. 28 апреля 1971 г. после принятия Святых Христовых Таин архимандрит Афанасий мирно отошел ко Господу. Отпевание совершил митрополит Пимен, будущий Патриарх. Погребен за алтарной стеной Спасского храма в Солнечногорске.

[12] Иеромонах Владимир (Москвитин Василий Иванович) родился в 1895 (?) г. в Орле в купеческой семье. Имел двух братьев: Александра (архим. Афанасия) и Павла (1909–1987). В молодости прислуживал архиепископу Орловскому Серафиму (Остроумову) и епископу Болховскому Даниилу (Троицкому). С конца 1920-х гг. проживал в Москве, работал в торговле. Был пострижен в монашество, вероятно, вместе с братом Александром в 1930 г. В 1945 г. был рукоположен во иеромонаха. Отбывал заключение в ИТЛ (ГУЛАГ). После освобождения был за штатом, служил в разных храмах Московской епархии. После смерти брата, архимандрита Афанасия, передал в Псково-Печерский монастырь хранившуюся у него святыню – мощи св. мц. Татианы. Скончался 12 апреля 1976 г., похоронен на Введенском (Немецком) кладбище недалеко от могилы митрополита Трифона (Туркестанова).

[13] Патриарх Сергий (Страгородский Иван Николаевич, 1867–1944) – с 1925 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. Его Декларация 1927 г. «Об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти» вызвала большие

разногласия в Церкви. С декабря 1936 г. – Патриарший Местоблюститель. В 1943 г. Собором русских иерархов был избран Патриархом Московским и всея Руси. Скончался 15 мая 1944 г., похоронен в Никольском приделе Московского Патриаршего Богоявленского собора в Елохове.

[14] Вадим Васильевич Овчинников, род. 1921 г., племянник о. Иоанна, сын двоюродного брата Василия Николаевича Овчинникова. Инженер-строитель, проживал в Орле. Скончался в 1993 г., похоронен на Крестительском кладбище в одной ограде с Константином Михайловичем Крестьянкиным (1900–1985), родным братом о. Иоанна.

[15] Свято-Введенская Оптина пустынь, один из самых известных монастырей Русской Православной Церкви, была основана в XV в. и располагается на берегу реки Жиздры недалеко от г. Козельска Калужской епархии. Наибольшего расцвета монастырь достиг в конце XIX в. благодаря старцам, к которым съезжались паломники со всей России. В 1918 г. Оптина пустынь была закрыта, но до 1923 г. просуществовала под видом сельскохозяйственной артели. Затем монастырь был передан музею. В 1987 г. Оптина пустынь была возвращена Русской Православной Церкви. В настоящее время монастырь возрожден, многие старцы и исповедники причислены к лику святых, обретены нетленные мощи семерых преподобных.

[16] Преподобный Амвросий Оптинский (Гренков Александр Михайлович, 1812–1891) – самый известный и почитаемый из старцев Оптиной пустыни. Причислен к лику святых в 1988 г., а в 1998 г. обретены его нетленные мощи.

[17] Игумен Иоанн (Соколов Иван Александрович (Алексеевич?) родился в сентябре 1874 г. в Москве. В 1890 г. поступил в число братии Введенской Оптиной пустыни. Там принял постриг в мантию и был рукоположен во иеромонаха. К моменту закрытия монастыря имел сан игумена. После закрытия Оптиной пустыни переехал в Москву и служил в храме мчч. Адриана и Наталии на Мещанской улице вплоть до ареста в 1928 г. До 1946 г. находился в ссылках и заключении. Некоторое время жил в Подмосковье. С 1950 по 1953 г. после очередного ареста был помещен на принудительное лечение в тюремную психиатрическую больницу г. Ленинграда. Оттуда был отпущен на попечение духовной дочери, оформившей над ним опекунство. До своей кончины 5 июля 1958 г. проживал в Москве. Похоронен на Армянском отделении Ваганьковского кладбища. Тщанием архимандрита Иоанна (Крестьянкина) на могиле старца установлено мраморное надгробие.

[18] Митрополит Николай (Ярушевич Борис Дорофеевич, 1892–1961) – с 1944 г. митрополит Крутицкий и Коломенский, управляющий Московской епархией. Был известен как один из выдающихся церковных деятелей, замечательный проповедник. Пользовался большим авторитетом как у духовенства, так и среди мирян.

[19] Храм Рождества Христова в Измайлове построен в конце XVII в., никогда не закрывался. Главная святыня – чудотворный список Иерусалимской иконы Божией Матери. В этом храме о. Иоанн служил с момента рукоположения до ареста в 1950 г.

[20] Патриарх Алексий I (Симанский Сергей Владимирович, 1877–1970) – после кончины Патриарха Сергия возглавил Русскую Православную Церковь, сначала как Патриарший Местоблюститель, а 2 февраля 1945 г. Поместным Собором РПЦ был избран Па-

триархом Московским и всея Руси. Управлял Церковью более 25 лет до самой кончины 17 мая 1970 г. Погребен в крипте Успенского собора Троице-Сергиевой Лавры.

[21] Волгунцева Галина Тимофеевна родилась в 1914 г в г. Челябинске в дворянской семье. Получила образование 7 классов и поступила в Механический техникум в г. Кунгуре, но окончить его не смогла из-за преследования властей в связи с происхождением. Переехала в Москву, получила художественное образование. В 1946 г. в Троице-Сергиевой Лавре познакомилась с о. Иоанном. Последние годы жила с семьей в Самаре. Скончалась 7 февраля 2009 г.

[22] Черепанова Галина Викторовна родилась в Иркутске в апреле 1910 г. По образованию бухгалтер. За помощь ссыльным подвергалась преследованиям со стороны властей и вынуждена была уехать из Иркутска. В 1946 г. приехала в Москву. Была близка к митрополиту Николаю (Ярушевичу), по его благословению стала помогать о. Иоанну. Жила у Матроны Георгиевны Ветвицкой (родилась 21 ноября 1903 г. в дер. Болотово Тульской губ., была духовной дочерью владыки Арсения (Жадановского), вышла замуж за Бориса Михайловича Ветвицкого. В 1935 г. овдовела. Борис Михайлович перед смертью принял монашеский постриг с именем Арсений. Осталась с сыном Алешей. Была хорошей портнихой, шила для храмов и священников. Отец Иоанн часто останавливался у нее в доме. В их семье хранился архив о. Иоанна. Умерла 23 июля 1994 г.). Галина Викторовна вместе с Матроной Георгиевной многие годы выполняла различные поручения батюшки, помогала ему в заключении, ездила в лагерь. Умерла в Москве 23 октября 1992 г.

[23] Троице-Сергиева Лавра – древняя обитель Живоначальной Троицы – была основана св. прп. Сергием Радонежским в 1337 г. На протяжении столетий Лавра являлась одной из самых почитаемых русских святынь, духовным центром просвещения и культуры. В апреле 1919 г. были кощунственно вскрыты и изъяты мощи святого основателя монастыря, прп. Сергия. В 1920 г. Лавра была закрыта, братия выселена, в зданиях разместились Историко-художественный музей и другие учреждения. 21 апреля 1946 г., на Пасху, в Троице-Сергиевой Лавре были возобновлены богослужения, возвращены мощи прп. Сергия, возродилась монашеская жизнь.

[24] Митрополит Гурий (Егоров Вячеслав Михайлович, 1891–1965) в 1915 г. принял монашеский постриг в Александро-Невской Лавре и в том же году рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха. В 1920–30-е гг. неоднократно арестовывался, находился в лагерях и ссылках, с 1934 г. проживал в Ташкенте на покое. В 1945 г. назначен наместником Троице-Сергиевой Лавры. В августе 1946 г. хиротонисан во епископа Ташкентского и Среднеазиатского. Скончался в сане митрополита Симферопольского и Крымского, похоронен на Всехсвятском кладбище в Симферополе.

[25] Московская духовная академия ведет свое начало от Славяно-греко-латинской академии в Москве, которая была основана в 1685 г. по благословению Патриарха Иоакима. В 1814 г. Московская духовная академия была переведена на территорию Троице-Сергиевой Лавры, где с 1742 г. уже располагалась Духовная семинария. В 1917 г. академия и семинария в Лавре были закрыты, но академия просуществовала еще некоторое время в Москве. В 1944 г. в Новодевичьем монастыре открылись Высшие богословские курсы,

которые в 1946 г. были преобразованы в Московскую духовную академию. В 1949 г. академия и семинария вернулись в родные стены Троице-Сергиевой Лавры.

[26] Архиепископ Сергий (Голубцов Павел Александрович, 1906–1982) в 1945 г. поступил на 2-й курс Московской духовной семинарии, продолжил обучение в академии. В 1950 г. принят в число братии Троице-Сергиевой Лавры, пострижен в монашество и рукоположен сначала во иеродиакона, а затем во иеромонаха. В 1955 г. хиротонисан во епископа Старорусского, викария Ленинградской епархии. С 1963 г. архиепископ.

[27] Митрополит Антоний (Мельников Анатолий Сергеевич, 1924–1986) – с 1944 г. иподиакон митрополита Алексия (Симанского), будущего Патриарха. С 1945 по 1950 г. обучался в Московской духовной семинарии и академии. В 1950 г. принят в число братии Троице-Сергиевой Лавры, пострижен в монашество и рукоположен сначала во иеродиакона, а затем во иеромонаха. В последующие годы занимался преподавательской деятельностью, был ректором Минской, а затем Одесской духовных семинарий. В 1964 г. хиротонисан во епископа Белгород-Днестровского, викария Одесской епархии. С 1965 г. епископ Минский и Белорусский, в том же году – архиепископ. Скончался в сане митрополита Ленинградского, погребен в Александро-Невской Лавре.

[28] Митрополит Питирим (Нечаев Константин Владимирович, 1926–2003) – с 1945 г. иподиакон Патриарха Алексия I, с 1947 по 1951 г. обучался в Московской духовной академии. В 1940-е гг. духовно окормлялся у известного московского протоиерея, настоятеля храма Иоанна Воина на Якиманке Александра Воскресенского (1875–1950), к которому в те же годы обращался и Иоанн Крестьянкин (о. Александр подготовил его к рукоположению). В 1952 г. рукоположен во диакона, а в 1954 г. во священника. В 1959 г. пострижен в монашество в Троице-Сергиевой Лавре. В 1963 г. хиротонисан во епископа Волоколамского. С 1962 по 1994 г. возглавлял Издательский отдел Московской Патриархии. С 1986 г. – митрополит Волоколамский и Юрьевский. Скончался 4 ноября 2003 г. после продолжительной болезни, погребен на Даниловском кладбище в Москве.

[29] Иеромонах Серафим (Орлов Сергей Васильевич, 1890–1975) родился в с. Акулово Московской губ., где в храме Покрова Божией Матери служили священниками его дед и отец. Будущий протоиерей получил духовное и светское образование. После церковно-приходской школы в родном селе и Московского духовного училища при Донском монастыре он окончил Московскую духовную семинарию в 1911 г., естественный факультет Варшавского университета, а также Киевский политехнический институт. Вскоре Сергей Васильевич вступил в брак, но через год овдовел. Работал по специальности в колхозах Крыма, Украины, Сибири, затем преподавал в различных школах Москвы и Московской обл. В июле 1946 г. принимает сан диакона, а 2 августа того же года был рукоположен во священника и приписан к Покровскому храму с. Акулово. В 1950 г. священник Сергий Орлов окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В доме о. Сергия на станции Пионерская Белорусской ж/д в разные годы жили и скрывались от преследования властей многие подвижники Русской Церкви: епископ Арсений (Жадановский), схиигуменья Фомарь (Морджанова) с сестрами, епископ Стефан (Никитин), о. Иоанн (Крестьянкин). У него хранились святыни Дивеевского монастыря, и особенное почитание имел прп. Серафим Саровский. По благословению Патриарха Алексия I прото-

иерей Сергий был келейно пострижен в монашество с именем прп. Серафима. В 1974 г. по болезни ушел за штат, скончался 7 февраля 1975 г., погребен у алтаря Покровского храма с. Акулово рядом с отцом и дедом.

[30] Серафимо-Дивеевский монастырь, расположенный в с. Дивеево Ардатовского р-на Нижегородской обл., недалеко от Сарова, был основан в 1780 г. монахиней Александрой (Агафьей Мельгуновой, в 2004 г. причислена к лику святых) по указанию Матери Божией и считается четвертым ее уделом на земле. После смерти основательницы в 1789 г. попечение над общиной взял иеродиакон Серафим – будущий прп. Серафим Саровский. С ним связана вся дальнейшая история монастыря. К началу XX в. Дивеевский монастырь стал одним из самых многочисленных в России, а в 1917 г. в нем насчитывалось около 2000 сестер. В 1927 г. монастырь был закрыт. Часть сестер поселилась в Дивеево, часть во главе с игуменьей в Муроме. Ими были вывезены многие святыни, личные вещи прп. Серафима. Возрождение монастыря началось в 1989 г., а в 1991 г. Серафимо-Дивеевский монастырь был возобновлен, возвращены из музея мощи прп. Серафима.

[31] Акакий, епископ Верейский (умер в 437 г.) – один из ожесточеннейших врагов Иоанна Златоуста. Старался действовать примирительно в споре между Несторием и Кириллом Александрийским. От него осталось три письма – два к Александру Иерапольскому и одно к св. Кириллу – и исповедание веры.

[32] Татьяна Михайловна Крестьянкина, старшая сестра о. Иоанна, родилась в 1905 г. в Орле, после травмы в раннем детстве у нее появился горб. Работала счетоводом в Горснабе. После смерти матери жила вместе с двоюродной сестрой Марией Николаевной Овчинниковой (монахиней Евгенией). Умерла в 1954 г. в Орле, похоронена рядом с матерью, Елизаветой Илларионовной Крестьянкиной, на Крестительском кладбище.

[33] Монахиня Евгения (Овчинникова Мария Николаевна), двоюродная сестра о. Иоанна родилась в Орле в 1890 г. Ее мать Параскева Илларионовна Овчинникова (в девичестве Кашеверова) приходилась родной сестрой Елизавете Илларионовне Крестьянкиной и была крестной матерью о. Иоанна. Мария Николаевна была насельницей орловского Введенского монастыря, где приняла монашеский постриг с именем Евгения. После закрытия монастыря проживала в Орле. Скончалась в 1969 г., похоронена рядом с матерью на Крестительском кладбище.

[34] Архимандрит Пантелеимон родился в 1877 г., был насельником орловского Успенского мужского монастыря (комплекс Архиерейского дома). До закрытия в 1923 г. служил в храмах Архиерейского дома, был духовником орловских епископов, а также духовником Введенского женского монастыря. Активно противостоял обновленческому расколу. До 1929 г. служил в Успенской единоверческой церкви в Орле. 12 июля 1929 г. был арестован и отправлен в ИТЛ в Архангельскую обл. Умер в лагере в 1932 г.

[35] Протоиерей Всеволод Данилович Ковригин (1893 – ?) родился в Санкт-Петербурге, окончил физико-математический и историко-филологический факультеты Санкт-Петербургского университета. В 1918 г. принял сан священника. Служил в Введенском женском монастыре г. Орла. Был одним из самых активных борцов против обновленческого раскола. Пользовался большим авторитетом среди верующих. В 1923 г. аресто-

ван за «сопротивление изъятию церковных ценностей» и выслан из Орла. В 1925 г. служил в Ленинграде, там был вторично арестован и приговорен к трем годам ссылки в Сибирь. После заключения вернулся в Ленинград. В 1929 г. вновь арестован и приговорен к трем годам ссылки в Великий Устюг. В 1931 г. новый приговор: три года ссылки в Коми АССР. Есть сведения, что в 1933 г. последовал очередной арест. Дальнейшая судьба о. Всеволода Ковригина неизвестна.

[36] Крестьянкин Иван Михайлович арестован 29 апреля 1950 г. По постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 6 сентября 1950 г. осужден «за антисоветскую агитацию» по ст. 58-10 ч.1 УК РСФСР и заключен в ИТЛ сроком на 7 лет. 8 октября 1950 г. отправлен этапом в Каргопольлаг МВД (Архангельская обл., разъезд Черная Речка, станция Ерцево Северной ж/д) и определен в 16 ОЛП. В 1953 г. по состоянию здоровья переведен в лагерь для инвалидов. 21 октября 1953 г. прибыл этапом в лагерь на Гавриловой Поляне Молотовского р-на Куйбышевской (Самарской) обл. и определен в лагерное отделение № 1. Освобожден досрочно 12 февраля 1955 г. по определению Нарсуда Молотовского р-на Куйбышевской обл. с применением Указа Президиума ВС СССР от 14. 07. 1954 г. «О введении условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы». Прокуратурой СССР 15 июня 1989 г. реабилитирован на основании ст.1 Указа Президиума ВС СССР от 16.01.1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 1930–40-х и начала 50-х гг.» (Из Справки о реабилитации и Выписки из Архива МВД г. Самары).

[37] Круглик Лия Петровна, в девичестве Мизгирева, родилась в 1938 г. в Рязани. В 1964 г. окончила Ленинградский политехнический институт. Инженер-физик, преподаватель МИИСП. С 1966 г. в браке с о. Дамианом Кругликом.

[38] Кабо Владимир Рафаилович родился в 1925 г. в Москве. Учился на историческом факультете МГУ, этнограф, специалист по первобытным обществам. 7 октября 1949 г. был арестован и осужден на 10 лет. Отбывал заключение в Каргопольлаге. Освобожден по амнистии 30 августа 1954 г. С 1957 г. работал в ЛО ИЭ АН СССР. С 1990 г. проживал в Австралии. Скончался 4 июня 2009 г.

[39] Левитин-Краснов Анатолий Эммануилович (1915–1991) – известный церковный писатель, диссидент, в 1930–40-е гг. – деятель обновленчества. Несколько раз арестовывался, в 1949 г. осужден на 10 лет ИТЛ и отбывал заключение в Каргопольлаге, откуда в 1953 г. был переведен в Гаврилову Поляну, где и встретился с о. Иоанном Крестьянкиным.

[40] Преподобный Иоанн Пустынник – древний святой IV в., много лет жил в колодце, подвизаясь в посте и молитве. Память совершается 11 апреля н. ст.

[41] Монахиня Иулиания (Соколова Мария Николаевна) – известный русский иконописец и реставратор. Родилась в Москве 8/21 ноября 1899 г. в семье священника Николая Александровича Соколова, настоятеля храма Успения Пресвятой Богородицы на Гончарной улице. После смерти отца обратилась за духовным руководством к о. Алексею Мечову. По окончании гимназии обучалась в художественной студии, серьезно изучала иконопись и реставрацию. В 1946 г. Марию Николаевну пригласили восстанавливать росписи в открывшейся Троице-Сергиевой Лавре. С этого времени она полностью

посвящает себя иконописи, реставрации и обучению молодежи. В 1958 г. ею основан иконописный кружок при Московской духовной академии, а в 1976 г. – реставрационно-иконописная мастерская. В 1970 г. Мария Николаевна принимает тайный монашеский постриг с именем Иулиании. Скончалась монахиня Иулиания (Соколова) 16 февраля 1981 г.

[42] Митрополит Иоанн (Разумов Дмитрий Александрович, 1898–1990) – с 1946 по 1953 г. наместник Троице-Сергиевой Лавры. В ноябре 1953 г. хиротонисан во епископа Костромского и Галичского. С 1954 г. – епископ Псковский и Порховский. Уволен на покой в 1987 г. в сане митрополита. Скончался 13 января 1990 г. в Пскове, похоронен на городском кладбище.

[43] Глинская Рождества Пресвятой Богородицы мужская пустынь была основана в XVI в. Наибольшего расцвета достигла в начале XIX в. В 1922 г. монастырь был закрыт и возобновил свою жизнь только в 1942 г. Глинская пустынь славилась своими старцами, к которым приезжали паломники со всей России. В 1961 г. монастырь вновь закрыли, а в его зданиях разместили Сосновский психоневрологический интернат. В 1994 г. Глинская пустынь была возвращена Церкви, в настоящее время обитель восстанавливается.

[44] Свято-Троицкий собор г. Пскова основан во второй половине X в. св. равноапостольной княгиней Ольгой. С того времени храм несколько раз перестраивался. Современный храм относится к концу XVII в. В 1930-е гг. Троицкий собор был закрыт, в нем разместился атеистический музей. В 1941 г. во время немецкой оккупации Псковской православной миссией в соборе были возобновлены богослужения. С того времени храм не закрывался и является кафедральным собором.

[45] Архимандрит Всеволод (Баталин Владимир Алексеевич) родился в 1903 г. в г. Сургут Тобольской губ. Окончил Тобольскую духовную семинарию и работал учителем начальной школы. В 1924 г. окончил рабфак в г. Омске и поступил на медицинский факультет Пермского университета. В 1930 г. окончил славянское отделение историко-филологического факультета Ленинградского государственного университета, занимался преподавательской работой. Был арестован, получил по приговору 17 лет ИТЛ строгого режима. В 1952 г. поступил послушником в Псково-Печерский монастырь, в том же году был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, а в 1953 г. – во иеромонаха. В 1955–1956 гг. был настоятелем Троицкого кафедрального собора в г. Пскове. Затем служил в Ставропольской епархии, с 1959 по 1963 г. – секретарь епархиального управления. С 1964 г. был настоятелем кладбищенской церкви г. Астрахани, а с 1967 г. – секретарем Челябинского епархиального управления и благочинным храмов епархии. В 1972 г. вышел за штат по болезни и переехал в Ялту. Скончался архимандрит Всеволод 30 апреля 1978 г. в день Святой Пасхи. Погребен на городском кладбище г. Ялты.

[46] Валова Сусанна Дмитриевна родилась в 1928 г. в Ленинграде, окончила ЛИТМО, инженер-конструктор. До 1983 г. работала в закрытом учреждении в Ленинграде. После выхода на пенсию служила псаломщицей в храме Воскресения Словущего с. Голубково Ленинградской обл.

[47] Архиепископ Николай (Чуфаровский Александр Матвеевич, 1884–1967) – с марта 1951 г. епископ Рязанский и Касимовский, в 1959 г. возведен в сан архиепископа, в 1963 г. уволен на покой. Скончался и погребен в Ярославле.

[48] Храм Троица-Пеленица в с. Ясаково Спасского р-на Рязанской обл. возник на том месте, где, по преданию, речной волной была прибита икона Святой Троицы, лежащая на пелене. Храм очень большой, трехпрестольный. Главный придел в честь Св. Троицы, правый – в честь свт. Николая. Чтимый образ храма – икона Живоначальной Троицы с надписью: «Сему образу молился Дионисий старец Глушицкий».

[49] Схиархимандрит Серафим (Романцов Иван Романович) родился 28 июня 1885 г. в с. Воронок Крупецкой волости Курской губ. В 1910 г. поступил в Глинскую пустынь. В 1919 г. принял монашеский постриг с именем Ювеналий, в 1920 г. рукоположен в сан иеродиакона. После закрытия Глинской пустыни поселился в Успенском Драндском монастыре Сухумской епархии. Там в 1926 г. был рукоположен во иеромонаха и вскоре пострижен в схиму с именем Серафим. С 1928 г., после закрытия Драндского монастыря, иеросхимонах Серафим жил в окрестностях Алма-Аты. В 1930 г. был арестован и отбывал срок на строительстве Беломорканала. После освобождения жил в Киргизии. 30 декабря 1947 г. вернулся в Глинскую пустынь и был назначен духовником обители. С 1960 г. – игумен. После вторичного закрытия Глинской пустыни переехал в Сухуми, где служил в Благовещенском кафедральном соборе. В 1975 г. возведен в сан архимандрита. Скончался 1 января 1976 г., похоронен в Сухуми.

[50] Игумен Дорофей – настоятель Троицкой церкви в с. Троица-Ясаково. Во время Великой Отечественной войны служил на флоте. По просьбе погибшего друга-моряка взял на воспитание его сына. После войны жил в Прибалтике, восстанавливал храм. Там был арестован и заключен в тюрьму. Впоследствии служил в Калужской епархии.

[51] Архиепископ Глеб (Смирнов Иван Иванович, 1913–1987) происходил из семьи священника, получил техническое образование и занимался административно-технической работой в Рязани и Рязанской обл. В 1953 г. рукоположен во диакона, а в 1957 г. принял сан священника. Служил в храмах Рязани, а также в с. Михайлово и Летово Рязанской епархии. С 1973 г. – настоятель Борисоглебского кафедрального собора в Рязани и секретарь епархиального управления. В 1976 г. пострижен в монашество и вскоре хиротонисан во епископа Орловского и Брянского. Скончался в сане архиепископа, погребен в с. Летово Рязанской обл.

[52] Пюхтицкий Свято-Успенский женский монастырь был основан в XIX в. в Эстонии на месте явления Пресвятой Богородицы и обретения Ее образа Успения. На торжественном открытии монастыря в 1891 г. присутствовал св. прав. Иоанн Кронштадтский, который покровительствовал обители. Монастырь никогда не закрывался. С 1968 г. до настоящего времени обителью управляет игуменья Варвара (Трофимова).

[53] Блаженная монахиня Екатерина (Малков-Панина Екатерина Васильевна) родилась 15 мая 1889 г. в Финляндии в семье военного инженера. В 1900 г. семья переехала в Гатчину, а затем в Петербург. В 1912 г. Екатерина по окончании естественного факультета Бесстужевских курсов работала в Энтомологическом обществе. В 1914 г. окончила

курсы сестер милосердия и служила в госпитале. В 1919 г. с родителями переехала в Эстонию и в 1922 г. поступила в число послушниц Пюхтицкого монастыря. Долгое время жила в Гефсиманском скиту. В 1942 г. вынуждена была покинуть обитель, чтобы дохаживать престарелых родителей. После их кончины в 1948 г. вернулась в монастырь и жила в богадельне. Юродствовала, обладала даром прозорливости. 5 апреля 1966 г. пострижена в мантию с сохранением прежнего имени. Скончалась 5 мая 1968 г.

[54] В 1957 г. в Псково-Печерский монастырь прибыли 7 человек братии Ново-Валаамского монастыря (в 1939 г. древний Валаамский Спасо-Преображенский монастырь был эвакуирован с островов Ладожского озера в Финляндию). Это были старцы: иеросхимонах Михаил (Питкевич), схиигумен Лука (Земсков), схимонах Николай (Монахов), схимонах Герман (Соколов), игумен Геннадий, иеросхимонах Иоанн и монах Сергий.

[55] Архимандрит Алипий (Воронов Иван Михайлович) родился в 1914 г. в дер. Торчиха Московской губ., с 1927 г. жил в Москве, получил художественное образование. С 1942 по 1945 г. воевал в рядах Красной армии. С 1948 г. работал в Троице-Сергиевой Лавре художником-реставратором. В 1950 г. поступил в число братии Лавры и в том же году пострижен в монашество с именем Алипий в честь прп. Алипия, иконописца Печерского. Постриг совершил наместник ТСЛ архим. Иоанн (Разумов). Вскоре монах Алипий был рукоположен во иеродиакона, а в праздник Покрова Божией Матери – во иеромонаха. Исполнял послушание ризничего и руководил реставрационными мастерскими. В 1959 г. назначен наместником Псково-Печерского монастыря. В 1961 г. возведен в сан архимандрита. Много трудился над восстановлением монастырских построек, разрушенных войной, реставрацией храмов, писал иконы. Во многом благодаря ему Псково-Печерский монастырь не был закрыт. Управлял монастырем до своей кончины 27 февраля 1975 г.

[56] Митрополит Вениамин (Федченков Иван Афанасьевич) родился в 1880 г. в с. Ильинка Кирсановского уезда Тамбовской губ. По окончании Тамбовской духовной семинарии поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1907 г. В декабре того же года в Александро-Невской Лавре принял монашеский постриг и был рукоположен во иеродиакона, а затем во иеромонаха. Был оставлен преподавателем в академии. В 1911 г. назначен ректором Таврической духовной семинарии, а в 1913 г. – ректором Тверской духовной семинарии. В 1917 г. вновь стал ректором Таврической семинарии, а в феврале 1919 г. хиротонисан во епископа Севастопольского, викария Таврической епархии. В 1920 г. эмигрировал вместе с армией Врангеля. Жил в Югославии, Франции, Америке, но, находясь за рубежом, оставался верен Московскому Патриарху. С 1933 г. – Экзарх Московской Патриархии в Америке, архиепископ (с 1938 г. – митрополит) Алеутский и Североамериканский. В 1945 г. митрополит Вениамин участвовал в работе Поместного Собора при избрании Патриарха Алексия (Симанского). В 1948 г. владыка окончательно вернулся на родину и был назначен на Рижскую кафедру. С 1951 по 1955 г. – митрополит Ростовский и Новочеркасский. С 1955 г. – митрополит Саратовский и Балашевский. В 1958 г. уволен на покой по состоянию здоровья. 27 февраля того же года поселился в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре. Скончался 4 октября 1961 г., погребен в Богом зданных пещерах. Митрополит Вениамин известен как православный подвижник, миссионер, духовный писатель. В настоящее время готовится его канонизация.

[57] Браиловский Свято-Троицкий женский монастырь был основан в 1635 г. в г. Виннице, в 1845 г. перемещен в г. Браилов Подольской епархии. Наибольшего расцвета достиг в XIX в. В обители находился чудотворный образ Браилово-Ченстоховской Божией Матери. В 1930 г. монастырь был закрыт. В годы Второй мировой войны г. Браилов оказался в зоне оккупации Румынии, и в 1942 г. монашеская жизнь обители возобновилась. В 1962 г. монастырь вновь был закрыт. Возрождение монастыря началось в 1989 г., когда он был передан Русской Православной Церкви.

[58] Инокиня Мария (Владыка) родилась 30 августа 1930 г. на Украине. До 1961 г. была насельницей Браиловского монастыря, исполняла послушание келейницы у игумены Арсении и почтарки. После закрытия монастыря вместе с игуменьей и некоторыми сестрами приехала в Рязанскую епархию. С 1961 по 1968 г. была певчей храма Космы и Дамиана в Летово. В 1968 г. переехала в Печоры и келейничала у о. Иоанна. Скончалась 6 сентября 1991 г., похоронена на Печорском городском кладбище.

[59] Мизгирева Надежда Петровна родилась в 1945 г. в г. Рязани. В 1967 г. окончила Рязанское медучилище. Иконописец, училась у монахини Иулиании (Соколовой). В настоящее время проживает в Москве.

[60] Протоиерей Дамиан Круглик родился в 1940 г., в 1966 г. окончил Ленинградскую духовную академию и в том же году стал священником. В настоящее время настоятель Спасо-Преображенского храма в Богородском в Москве.

[61] Мизгирева Алевтина Петровна родилась в 1936 г. в г. Рязани. Окончила Рязанский медицинский институт, врач-офтальмолог, кандидат медицинских наук, доцент. В настоящее время проживает в Москве.

[62] Ямщиков Савелий Васильевич – известный реставратор, историк искусств, публицист. Родился в Москве в 1938 г., окончил искусствоведческое отделение исторического факультета МГУ. С 20 лет работал в отделе иконописи Всероссийского реставрационного центра. Большую часть жизни провел в провинции, занимаясь реставрационными работами и обследуя музейные запасники. Им была составлена подробная Опись произведений древнерусской живописи, хранящихся в музеях РСФСР. Савва Ямщиков – автор многочисленных научных трудов, книг, альбомов, каталогов о русском искусстве, устроитель уникальных выставок, один из тех людей, чье имя вот уже несколько десятилетий ассоциируется в обществе с борьбой за сохранение культурного наследия России.

[63] Митрополит Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич, 1862–1936) родился в Бессарабской епархии, в 1880 г. окончил Кишиневскую духовную семинарию, а в 1885 г. – Киевскую духовную академию. 30 декабря 1895 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, а 1 января 1896 г. рукоположен во иеромонаха. Занимался преподавательской деятельностью. Был ректором Новгородской, а затем Московской духовной семинарии и академии. В 1899 г. хиротонисан во епископа Волоколамского, викария Московской епархии и оставался ректором академии. С 1903 г. – епископ Псковский и Порховский. Создал в епархии школу псаломщиков, основал церковный музей, им был образован историко-археологический комитет, одной из главных задач которого стала охрана памятников церковной старины. С 1910 г. – архиепископ Новгородский и Старо-

русский. С 1919 г. неоднократно подвергался арестам, заключениям и ссылкам. С 1933 г. – митрополит Ташкентский и Туркестанский. Скончался в Ташкенте в больнице на руках архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Похоронен на Боткинском кладбище в г. Ташкенте. Русской Православной Церковью за границей митрополит Арсений (Стадницкий) причислен к лику святых.

[64] Храм свт. Николая в г. Касимове упоминается в писцовых книгах как Николаевский мужской монастырь с 1627 г. В 1701 г. на месте старой деревянной была построена каменная церковь, освящена в 1705 г. В 1764 г. монастырь был упразднен, церковь обращена в приходскую. С 1941 по 1943 г. храм свт. Николая был закрыт. Открывал храм прот. Сергий Правдолюбов, прославленный как священноисповедник в 2000 г.

[65] Протоиерей Владимир Сергиевич Правдолюбов родился 9 июня 1931 г. в Касимове в семье протоиерея Сергия Анатольевича Правдолюбова (священноисповедника Сергия). Высшее образование получил в 1948–1953 гг. на механико-математическом факультете Московского государственного университета. С 1953 по 1956 г. преподавал в средней школе в Куйбышевской обл. 29 мая 1957 г. в г. Рязани рукоположен в сан диакона, на следующий день, в праздник Вознесения, – во иерея и назначен в Никольский храм Касимова, в котором прослужил всю жизнь. С 1958 г. учился на заочном секторе Ленинградской духовной семинарии, по окончании которой поступил в Московскую духовную академию. В 1978 г. защитил диссертацию и получил степень кандидата богословия. В настоящее время почетный настоятель Никольской церкви и почетный гражданин города Касимова, имеет все церковные награды, включая митру.

[66] Протоиерей Сергий Анатольевич Правдолюбов родился 1 ноября 1950 г. в г. Спасске Рязанской обл. в семье священника Анатолия Сергеевича Правдолюбова. После окончания средней и музыкальной школы учился в музыкальном училище имени Гнесиных в Москве. После службы в армии и учебы в духовной семинарии закончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия. В 1976 г. рукоположен в сан диакона. Служил в Никольской церкви в Хамовниках. В 1989 г. рукоположен в сан священника и назначен священником Никольской церкви с. Ржавки, что в Зеленограде. В том же году защитил магистерскую диссертацию в МДА. С 1990 г. преподавал в МДА, а с 1992 г. – в Православном Свято-Тихоновском Богословском институте Литургику и Византийскую гимнографию. С 1990 г. – настоятель церкви Живоначальной Троицы в Троицком-Голенищеве в Москве. С 5 мая 2000 г. – профессор МДА и ПСТБИ. С 1999 г. – заведующий кафедрой Литургики ПСТБИ, член Союза писателей России. С 2001 г. – консультант Синодальной Богословской комиссии, с 2005 г. – член Синодальной Богослужебной комиссии Русской Православной Церкви. В 2006 г. награжден крестом с украшениями.

[67] Протоиерей Анатолий Сергеевич Правдолюбов родился 19 мая/1 июня 1914 г. в г. Киеве. Его отец, Сергей Анатольевич Правдолюбов (священноисповедник Сергий), после рукоположения в сан священника служил в г. Слобода Кукарка Вятской епархии. После переезда вместе с отцом в г. Касимов Рязанской обл. Анатолий в 1928 г. становится штатным псаломщиком Успенской церкви г. Касимова. С июня 1935 г. вместе с отцом и дядей, иереем Николаем (прославлен как сщмч. в августе 2000 г.), арестован и направлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В декабре 1937 г. переведен в лагерный

пункт Сосновец Беломорско-Балтийского комбината (Медвежьегорсклаг). В июне 1940 г. освобожден. Осенью 1941 г. мобилизован в ряды Советской армии. Тяжело ранен в 1944 г. После лечения в госпитале признан инвалидом ВОВ. Рукоположен в сан диакона 21 июля 1947 г., служил с отцом в г. Спасске. 7 декабря того же года рукоположен в сан священника, назначен настоятелем Вознесенской церкви и благочинным Спасского округа Рязанской епархии. Служил в городах Михайлове, Скопине и снова в Спасске. 11 июня 1958 г. назначен настоятелем Покровской церкви с. Маккавеева (пос. Сынтул) Касимовского р-на Рязанской обл., где прослужил 22 года. Неустанно проповедовал даже после запрещения устной проповеди со стороны уполномоченного по делам религий Рязанской обл. (был вынужден присылать заранее напечатанные на машинке тексты проповедей в Рязань на протяжении многих лет). В 1976 г. после тяжелого инфаркта вышел за штат. Получил все протоиерейские награды, включая митру. Скончался 2/16 февраля 1981 г. и похоронен слева от алтаря Покровского храма.

[68] Правдолюбова София Сергеевна – дочь священноисповедника Сергия Правдолюбова. Родилась 24 октября 1927 г. в г. Касимове Рязанской обл. После школы закончила Касимовский индустриальный техникум по специальности техник-технолог чугунолитейного производства. Работала на Механическом заводе № 8 мастером в литейном цехе, бухгалтером, заместителем главного бухгалтера. Со студенческих лет до пенсии была певчей правого хора Никольской церкви г. Касимова. До последних лет на левом клиросе исполняла послушания любителя-певца, чтеца и канонарха.

[69] Архимандрит Филарет (Кольцов Иван Николаевич) родился 22 марта 1958 г. в дер. Малые Убеи Татарской АССР. В 1975 г. окончил среднюю школу г. Ульяновска. В 1976 г. вступил в число братии Псково-Печерского монастыря. С 1977 по 1979 г. служил в рядах Советской армии. В марте 1984 г. пострижен в рясофор и рукоположен во диакона. В 1985 г. принял монашеский постриг и рукоположен во иеромонаха. В 2000 г. возведен в сан архимандрита. С 2003 по 2008 г. обучался в Московской духовной семинарии. С 1984 по 2003 г. исполнял послушание эконома. Последние годы был келейником о. Иоанна.

[70] Преподобный Иона (священник Иоанн Шестник) – основатель Псково-Печерского монастыря, преподобная Васса (Мария, супруга священника Иоанна) – первая постриженица обители. Гробницы с их мощами почивают в Богом зданных пещерах.

[71] Храм Успения Божией Матери – самый древний на территории Псково-Печерского монастыря. В 1470 г. священник Иоанн (прп. Иона) поселился у реки Каменец и выкопал в горе пещерную церковь Успения Божией Матери, которую освятили в 1473 г. Вокруг этого храма и образовался впоследствии монастырь.

[72] Схиархимандрит Александр (Васильев Владимир Васильевич) родился в 1927 г. в дер. Орехова Гора Палкинского р-на Псковской обл. По окончании Великой Отечественной войны поступил в Ленинградскую духовную семинарию, а затем в Ленинградскую духовную академию. В ноябре 1955 г. епископом Псковским и Порховским Иоанном (Разумовым) был рукоположен во диакона в г. Дно, 24 ноября в Псково-Печерском монастыре пострижен в рясофор с именем Александр, в честь св. блгв. кн. Александра Невского, а 25 ноября рукоположен во иеромонаха. Три года служил в Свято-Троицком кафедраль-

ном соборе г. Пскова. В октябре 1958 г. поступил в братию Псково-Печерского монастыря и в декабре того же года пострижен в монашество с именем Александр, в честь сщмч. Александра Иерусалимского. С сентября 1959 г. в течение 22 лет исполнял послушание благочинного монастыря. С 1993 г. – братский духовник. С 1960 г. хранил святыни упраздненного Дивеевского монастыря, которые в 1992 г. передал в возрожденную обитель. Скончался 15 октября 1998 г., перед кончиной принял Великую схиму с именем Александр, в честь св. блг. кн. Александра Невского. Похоронен в Богом зданных пещерах рядом с родителями (монахом Василием и монахиней Марией) и сестрой (монахиней Ольгой).

[73] Преподобный Симеон Псково-Печерский (Желнин Василий Иванович, 1869–1960) родился и вырос в дер. Яковлевской Псковской губ. В 1894 г. поступил послушником в Псково-Печерский монастырь. В 1900 г. пострижен в монашество с именем Вассиан. В 1901 г. рукоположен в сан иеродиакона, а в 1903 г. – во иеромонаха. В 1927 г. иеромонах Вассиан принял Великую схиму с именем Симеон в честь св. прав. Симеона Богоприимца и был назначен духовником монастырской братии и мирян. Это послушание он выполнял до самой кончины. В 2003 г. старец иеросхимонах Симеон (Желнин) был причислен к лику святых преподобных Псково-Печерских. Его нетленные мощи находятся в Сретенском храме монастыря, а на месте его упокоения в Богом зданных пещерах ныне покоится старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

[74] Андронов Евгений Евгеньевич родился в Пскове в 1964 г. Окончил биологический факультет ЛГУ. С 1989 г. работает в Институте микробиологии в г. Пушкине Ленинградской обл. Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории генетики и селекции микроорганизмов.

[75] Баранова Александра Дмитриевна родилась в 1924 г. в Москве. Окончила медицинское училище и всю жизнь проработала лаборанткой в туберкулезном диспансере на Яузе. В течение 20 лет состояла в сестричестве Елоховского Богоявленского собора. Скончалась 21 июня 2005 г.

[76] Архимандрит Порфирий (Бараев Прокопий Феодорович) родился в 1900 г. в с. Пичманды в Мордовии. В 1911 г. окончил церковно-приходскую школу, занимался крестьянским хозяйством. По настоянию родителей женился, но вскоре овдовел и поступил послушником в Саровский монастырь. Имел хорошие музыкальные способности, исполнял послушание клиросного и канонарха. После закрытия монастыря в 1927 г. вернулся в родное село и служил псаломщиком. 19 декабря 1933 г. был рукоположен во диакона и приписан к храму Рождества Христова в с. Измайлово Реутовского р-на Московской обл. (с 1935 г. вошел в состав Москвы). В 1934 г. принял монашеский постриг с именем Порфирий. В 1938 г. арестован и осужден по ст. 58-10, сослан на 5 лет в Коми АССР. По возвращении из ссылки в 1943 г. направлен в армию тыла. В 1946 г. вернулся в Измайловский храм. В 1949 г. вновь арестован и до 1954 г. отбывал ссылку в Северо-Енисейском, работал печником. С августа 1954 г. зарегистрирован в составе причта Богоявленского кафедрального собора в Москве. В 1955 г. рукоположен во иеромонаха. С начала 1960-х гг. – в сане игумена. В 1970 г. архимандрит Порфирий в связи с тяжелой болезнью уволен за штат. В 1971 г. келейно был пострижен в схиму с именем Серафим в честь прп. Серафима Саровского. Скончался 28 января 1972 г., погребен на Преображенском кладбище.

[77] Епископ Меркурий (Иванов Игорь Владимирович) родился в 1964 г. в г. Порхове Псковской обл. С 1982 по 1989 г. обучался в Ленинградском медицинском институте педиатрии, который окончил с дипломом врача-педиатра. В 1988 г. на 5-м курсе института был пострижен в монашество. В январе 1989 г. рукоположен во иеродиакона, а в августе – во иеромонаха. Служил в храмах Калининградской епархии. Экстерном окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию и академию со степенью кандидата богословия. В 1992 г. возведен в сан игумена. В феврале 2000 г. хиротонисан во епископа Зарайского, викария Московской епархии, Управляющего Патриаршими приходами США. С марта 2009 г. – епископ Зарайский, викарий Московской епархии, председатель Синодального отдела по религиозному образованию и катехизации.

[78] Храм Архистратига Михаила построен в 1827 г. в память чудесного избавления Пскова от нашествия Наполеона в 1812 г. усердием Псковского губернатора князя П. А. Шаховского. В Михайловском храме находится ковчег со десницей св. мц. Татианы.

[79] Митрополит Владимир (Котляров Владимир Саввич, 1929) – с 1987 по 1993 г. архиепископ (с 1992 г. митрополит) Псковский и Порховский, с 1995 г. по настоящее время – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, постоянный член Священного Синода.

[80] Храм Сретения Господня был построен в 1870 г., пристроен к западной стене ризницы. В Сретенском храме находится рака с мощами прп. Симеона.

[81] Архимандрит Тихон (Секретарев Алексей Николаевич) родился в 1955 г. в г. Туголец Московской обл. В 1972 г. окончил среднюю школу. С 1973 по 1975 г. служил в рядах Советской армии. В 1976 г. вступил в число братии Псково-Печерского монастыря. В том же году был пострижен в монашество и рукоположен сначала во иеродиакона, а затем во иеромонаха. С 1982 по 1991 г. исполнял послушание благочинного монастыря. В 1995 г. возведен в сан архимандрита и назначен наместником Псково-Печерского монастыря.

[82] Монах Михаил (Усачев Геннадий) родился 11 мая 1936 г. в г. Верхняя Солда Свердловской обл. В 1956 г. окончил Свердловское художественное педагогическое училище. С 1957 по 1963 г. обучался в ЛВХПУ им. Мухиной на отделении монументальной живописи. Жил с семьей в Ленинграде. В 1982 г. заболел туберкулезом горла и переехал в Хотьково. В 1990 г. поехал на Валаам писать иконы. Там 13 марта 1991 г. принял монашеский постриг с именем Михаил. В 1994 г. по состоянию здоровья переехал в Рязанскую епархию, где в настоящее время пишет иконы для рязанских храмов.

[83] Рудольф Штейнер /Штайнер/ (1861–1925) – австрийский философ-мистик, основатель антропософии.

[84] Священник Алексей Чухин родился в 1938 г. в г. Ярославле. В 1957 г. окончил Московскую художественную школу при Суриковском училище и поступил в ЛВХПУ им. Мухиной. По окончании училища в 1964 г. преподавал в Костроме, реставрационных мастерских Ярославля. В 1974 г. в Печорах принял сан священника, служил на Псковщине. С 1979 г. священник храма Воскресения Словущего с. Голубково Санкт-Петербургской епархии.

[85] Смирнова Татьяна Сергеевна родилась 10 августа 1941 г. в г. Кяхта Бурят-Монгольской АССР в семье военного. В 1958 г. окончила среднюю школу и поступила в Яро-

славское художественное училище. По окончании училища в 1963 г. преподавала в Сибири. В 1964 г. поступила в Московское высшее художественно-промышленное училище им. Строганова. С 1969 по 1981 г. художник-реставратор в Ярославских реставрационных мастерских. В 1981 г. переехала в Печоры и работала реставратором монастыря и письмоводителем архимандрита Иоанна.

[86] Архимандрит Зинон (Теодор Владимир Михайлович) – известный иконописец, один из лучших мастеров современной русской иконописи. Родился в 1953 г. на Украине. В 1969 г. поступил в Одесское художественное училище. В 1976 г. вступил в число братии Псково-Печерского монастыря, вскоре был пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. В 1979 г. переведен в Троице-Сергиеву Лавру, а в 1983 г. в открывшийся Данилов монастырь в помощь по восстановлению и благоукрашению обители. Затем по прошению он был возвращен в Псково-Печерский монастырь. В 1994 г. назначен настоятелем Мирожского монастыря во Пскове, создал там иконописную школу. В 1996 г. был уволен за штат и запрещен в служении. Долгое время проживал в дер. Гверстонь Псковской обл. на границе с Эстонией. В декабре 2001 г. Указом Патриарха Алексия запрет был снят. С 2005 г. жил и работал в Австрии, в 2008 г. – в Греции, в Афонском монастыре Симонопетра.

[87] Патриарх Пимен (Извеков Сергей Михайлович, 1910–1990) – с 1949 по 1953 г. наместник Псково-Печерского монастыря, а с 1954 по 1957 г. – Троице-Сергиевой Лавры. В 1957 г. хиротонисан во епископа Балтийского. С 1960 г. – управляющий делами Московской Патриархии в сане архиепископа. В 1961 г. возведен в сан митрополита. В 1971 г. Поместным Собором Русской Православной Церкви избран Патриархом Московским и всея Руси. Скончался 3 мая 1990 г., погребен в Троице-Сергиевой Лавре.

[88] Схиархимандрит Пимен (Гавриленко Иван Петрович, 1883–1976) в 1901 г. поступил в Глинскую Рождества-Богородицкую пустынь. С 1911 г. – в Юрьевом монастыре г. Новгорода. В том же году пострижен в мантию с именем Иоасаф. В 1913 г. рукоположен во иеродиакона, а в 1916 г. – во иеромонаха. С 1919 г. пустынножительствовал в горах Кавказа. В 1951 г. пострижен в схиму с именем Пимен и вскоре определен на служение в кафедральном соборе г. Сухуми. В 1953 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем собора. В 1958 г. схиархимандрит Пимен поступил в число братии Псково-Печерского монастыря. Много лет был духовником обители.

[89] Архимандрит Иероним (Тихомиров Иван Матвеевич, 1905–1979) родился в Псковской губ., до 1917 г. учился в церковно-приходской школе. С 1927 по 1930 г. служил в армии. С начала Финской войны в 1939 г. до окончания Великой Отечественной войны в 1945 г. воевал, был тяжело ранен. В 1946 г. поступил в число братии Псково-Печерского монастыря, где в то время уже были послушниками друзья его детства о. Анатолий и о. Паисий. В 1947 г. пострижен в мантию и рукоположен во иеродиакона, а в 1950 г. – во иеромонаха. С 1948 г. в течение более 30 лет исполнял послушание келаря. В 1960 г. возведен в сан игумена, а в 1975 г. – в сан архимандрита.

[90] Архимандрит Афиноген, в схиме Агапий (Агапов Василий Кузьмич, 1881–1979) в 1903 г. поступил послушником в Воскресенский Макариев монастырь близ г. Любань Новгородской епархии. В 1908 г. был пострижен в рясофор, а в 1911 г. – в мантию с име-

нем Афиноген. В 1912 г. рукоположен во иеродиакона, а в 1917 г. – во иеромонаха. В 1924 г. вместе с настоятелем и братией монастыря был арестован и заключен в Новгородскую тюрьму. По приговору был выслан на 3 года в г. Осташков, там добился разрешения жить в Нило-Столобенском монастыре. После освобождения возвратился в родной монастырь. В 1932 г. вновь арестован и заключен в Ленинградскую тюрьму «Кресты». Осужден и отправлен на строительство Беломорканала. В 1934 г. досрочно освобожден и выслан в г. Малая Вишера Ленинградской обл., где прожил до начала Великой Отечественной войны. В августе 1941 г. приехал в г. Любань и попал в оккупацию. Ему разрешили служить в открывшемся местном храме, затем перевели в г. Тосно. В 1943 г. угнан немцами в Латвию. В 1944 г. жил в Спасо-Преображенской пустыньке под Ригой, а затем в рижском Свято-Троицком монастыре, где познакомился с монахами Псково-Печерского монастыря. В январе 1945 г. переехал в Печоры и вступил в число братии монастыря. Исполнял послушания казначея и ризничего. В 1947 г. возведен в сан игумена. С 1949 г. служил на острове Залит Псковской епархии. В 1960 г. назначен братским духовником Псково-Печерского монастыря и по благословению старца Симеона отчитывал бесноватых. Это послушание он исполнял до глубокой старости. В 1968 г. возведен в сан архимандрита. За несколько месяцев до кончины принял Великую схиму с именем Агапий.

[91] Схиигумен Савва (Остапенко Николай Михайлович, 1898–1980) родился на Кубани. В 1911 г. окончил двухклассное училище Министерства народного просвещения. С 1916 г. служил в армии. В 1923 г. окончил Московское военно-инженерное училище, работал на производстве и продолжал обучение в строительном техникуме. В 1932 г. получил специальность инженера-строителя. В 1946 г. поступил в Московскую духовную семинарию, а в 1948 г. вступил в число братии Троице-Сергиевой Лавры. В том же году пострижен в мантию с именем Савва в честь прп. Саввы Сторожевского и назначен экономом Лавры. В 1955 г. переведен в Псково-Печерский монастырь. В 1958 г. возведен в сан игумена. В 1973 г. пострижен в схиму с тем же именем, но в честь прп. Саввы Освященного. Схиигумен Савва был известен как замечательный духовник и духовный писатель.

[92] Архимандрит Таврион (Балов Александр Вячеславович) родился в 1940 г. в дер. Курево Ярославской обл. По окончании средней школы в 1955 г. поступил в сельскохозяйственный техникум. После армии учился в сельскохозяйственном институте, получил педагогическое образование. В 1975 г. поступил в число братии Псково-Печерского монастыря, в том же году пострижен в монашество. В 1983 г. заочно окончил Московскую духовную академию. С 1998 г. – братский духовник монастыря.

[93] Гольдфельд Михаил Александрович – с 1993 г. директор Православного издательства «Правило веры».

[94] Спиноза Бенедикт (1632–1677) – известный голландский философ, один из крупнейших рационалистов XVII в. Главной сферой его интересов была философская антропология, исследование человека в его отношении к обществу и всему мирозданию. Взгляды Спинозы оказали сильное влияние на развитие атеизма и материализма.

[95] Франк Семен Людвигович (1877–1950) – известный русский философ. В 1922 г. был выслан из России вместе с Н. Бердяевым, И. Ильиным, П. Сорокиным. Жил и пре-

подавал в Германии, Англии, Франции. Читал лекции в Свято-Сергиевском институте в Париже. Создатель системы метафизического реализма – новой концепции Всеединства, автор многочисленных сочинений. Скончался в Лондоне.

[96] Иванов Порфирий Корнеевич (1898–1983) – основатель секты ивановцев. Учение П. Иванова – это не безобидное учение о здоровом образе жизни, а еретическая религиозная доктрина, где нет места Христу. Это место занято Ивановым, который почитается как харизматическая личность. Учение отрицает бессмертие человеческой души. Вместо этого ставится цель достижения земного долголетия за счет принятия ивановского образа жизни. В кругу ивановцев имеет хождение своего рода «евангелие об Иванове», в котором утверждается что Иванов – новый мессия, принесший людям «живую» веру.

[97] Верховцева Наталья Александровна – дочь Веры Тимофеевны Верховцевой – родилась в 1893 г. в Петербурге. С раннего детства ее опекал св. прав. Иоанн Кронштадтский. Он говорил о ней: «У Наташи в глазах Христос светится». После переезда в Сергиев Посад Верховцевы познакомились с архимандритом Германом (Ряшенцевым), будущим священномучеником, который стал близким другом их семьи и духовным отцом Наташи. Впоследствии, когда епископ Герман находился в заключении и ссылках, он вел обширную переписку с ними. Наталье Александровне удалось сохранить эти письма, и многие из них опубликованы. В Сергиевом Посаде Наталья Александровна состояла в Иверском сестричестве милосердия, затем работала в больнице. После ареста и высылки матери в 1928 г. Наталья Александровна вместе с Верой Тимофеевной переехала в Тулу, в дом своего давнишнего знакомого Виктора Капитоновича Виноградова. В 1931 г. она вышла за него замуж. В их доме хранился огромный архив: фотографии, воспоминания, дневники, письма, личные вещи известных деятелей церкви. Многие документы Наталья Александровна переписывала, делала копии на случай утраты подлинников. В 2001 г. были опубликованы дневники и воспоминания матери, Веры Тимофеевны, и самой Натальи Александровны. Скончалась в глубокой старости в 1991 г. в Туле.

[98] Верховцева Вера Тимофеевна родилась в г. Белгороде Харьковской губ. в 1862 г. в дворянской семье. Вышла замуж за инженера Александра Верховцева, имела пятерых детей. Семья жила в Екатеринославе и Петербурге. С 1899 г. – духовная дочь св. прав. Иоанна Кронштадтского, оставила о нем воспоминания. В 1900 г. Вера Тимофеевна овдовела. Переехала в имение в Тульской губ., а в 1916 г. – в Сергиев Посад, где жила с дочерью Натальей. С 1923 г. в их доме жил старец Алексей Зосимовский, здесь его посещал Патриарх Тихон. Вера Тимофеевна хорошо знала и близко общалась со многими выдающимися церковными деятелями, такими как митрополит Владимир (Богоявленский), митрополит Макарий (Невский), архиепископ Феодор (Поздеевский), епископ Герман (Ряшенцев), архимандрит Кронид (Любимов) и др. Многие из них прославлены как новомученики. В мае 1928 г. Вера Тимофеевна Верховцева была арестована и осуждена на 3 года лишения жить в 6 главных городах страны. Переехала с дочерью в Тулу. По окончании срока осталась жить там. Умерла в 1940 г., похоронена на Всехсвятском кладбище г. Тулы.

[99] Иеромонах Иоасаф (Швецов Александр Альбертович) родился в 1960 г. в Москве. В 1977 г. окончил среднюю школу и поступил в Московский лесотехнический институт. С 1981 по 1983 г. служил в армии. В 1984 г. приехал паломником в Псково-Печерский мо-

настырь и остался в братии. В 1988 г. был пострижен в мантию с именем Иоасаф в честь св. Иоасафа Снетогорского и вскоре рукоположен во иеродиакона. С 1994 г. – иеромонах.

[100] Архимандрит Тихон (Шевкунов Георгий Александрович) родился в 1958 г. в Москве. В 1982 г. окончил сценарный факультет ВГИКа. По окончании института поступил послушником в Псково-Печерский монастырь. С 1986 г. – внештатный сотрудник Издательского отдела Московской Патриархии. В 1990 г. переведен в московский Донской монастырь. В 1991 г. пострижен в монашество с именем Тихон в честь свт. Тихона, Патриарха Московского. В том же году рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха. В 1993 г. назначен настоятелем подворья Псково-Печерского монастыря в Москве. С 1996 г., после преобразования подворья в Сретенский ставропигиальный монастырь, – наместник монастыря. В 1997 г. возведен в сан архимандрита.

[101] Патриарх Алексий II (Ридигер Алексей Михайлович) родился в 1929 г. в г. Таллине. С 1947 по 1949 г. обучался в Ленинградской духовной семинарии. В апреле 1950 г. рукоположен во диакона, а через два дня во священника. В 1953 г. окончил Ленинградскую духовную академию со степенью кандидата богословия. Служил в Таллине, затем в Тарту. В 1961 г. в Троице-Сергиевой Лавре пострижен в монашество и хиротонисан во епископа. С 1961 по 1986 г. возглавлял Таллинскую и Эстонскую епархию, затем Ленинградскую митрополию. С1964 по 1986 г. – Управляющий делами Московской Патриархии. С 1990 г. – Патриарх Московский и всея Руси. Скончался 5 декабря 2008 г., погребен в Богоявленском Елоховском соборе.

[102] Надвратная церковь свт. Николая Чудотворца была построена в 1565 г. прп. Корнилием при участии Павла Петровича Заболоцкого, в иночестве Пафнутия. При Никольском храме устроена каменная небольшая колокольня. При входе в храм находится резное деревянное изображение свт. Николая. В 1986 г. в надвратной башне, примкнувшей к Никольскому храму, был устроен и освящен храм в честь святого преподобномученика Корнилия. Храм устроен над святыми вратами, ведущими в обитель, где, по преданию, преподобный игумен принял мученическую кончину.

[103] Архиепископ Гавриил (Стеблюченко Юрий Григорьевич) родился в 1940 г. в г. Херсоне. В 1958 г. по окончании средней школы поступил в Одесскую духовную семинарию, а затем в Ленинградскую духовную академию. В 1966 г. пострижен в монашество с именем Гавриил в честь Архангела Гавриила и рукоположен во иеродиакона. В 1967–1968 г. – секретарь Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В 1968 г. рукоположен во иеромонаха. С 1972 г. – настоятель Троицкого кафедрального собора г. Пскова. В 1975 г. назначен наместником Псково-Печерского Успенского монастыря. В 1988 г. хиротонисан во епископа Хабаровского и Владивостокского. В 1991 г. запрещен в священнослужении. С 1994 г. – епископ Благовещенский и Тындинский. В 2004 г. возведен в сан архиепископа.

[104] Архиепископ Павел (Пономарев Георгий Васильевич) родился в 1952 г. в г. Караганде в Казахстане. С 1973 по 1976 г. учился в Московской духовной семинарии, а затем в Московской духовной академии, которую окончил в 1980 г. со степенью кандидата богословия. В 1977 г. был принят в число братии Троице-Сергиевой Лавры и в том же году

пострижен в монашество. В марте 1978 г. рукоположен во иеродиакона, а в мае – во иеромонаха. С 1981 г. – член Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, а с 1986 по 1988 г. – начальник Миссии. В августе 1988 г. назначен наместником Псково-Печерского монастыря. В 1992 г. хиротонисан во епископа Зарайского, викария Московской епархии и назначен Управляющим Патриаршими приходами США и Канады. С 1999 г. – епископ Венский и Австрийский. В 2001 г. возведен в сан архиепископа с титулом Венский и Будапештский. С мая 2003 г. – архиепископ Рязанский и Касимовский.

[105] Пещеры Богом зданные были открыты в 1392 г. крестьянином Иваном Дементьевым при рубке леса. Одно из повалившихся деревьев открыло устье пещеры с надписью: «Богом зданная пещера». В настоящее время при входе в пещеры покоятся мощи прпп. Печерских Марка, Ионы, Лазаря прозорливого и преподобной матери Вассы. Сами пещеры являются монастырским кладбищем. Точное число захоронений в них не установлено. Есть основания полагать, что здесь захоронено более 10 000 человек. В течение всего года в пещерах держится постоянная температура + 5 °С, при этом нет запаха тления.

[106] Архимандрит Нафанаил (Поспелов Кронид Николаевич) родился в 1920 г. в с. Заколпье Гусь-Хрустальненского р-на Владимирской обл. в семье сщмч. Николая Васильевича Поспелова (причислен к лику святых). С раннего возраста помогал отцу, исполняя обязанности пономаря и чтеца. По окончании школы в 1937 г. поступил в Ногинский механический техникум, оттуда в 1940 г. был переведен в Московский текстильный техникум, который окончил в мае 1941 г. В годы Великой Отечественной войны трудился в строительных и рабочих колоннах. С 1945 г. проживал в Ленинграде. В 1947 г. поступил послушником в Псково-Печерский монастырь. В 1949 г. пострижен в монашество, а в 1950 г. рукоположен во иеродиакона. С 1955 г. исполнял послушание казначея монастыря и секретаря Духовного Собора старцев. С 1961 г. – архидиакон. В 1979 г. рукоположен во иеромонаха и награжден саном игумена. В 1980 г. возведен в сан архимандрита. Скончался 8 августа 2002 г., погребен в Богом зданных пещерах.

[107] Архимандрит Антипа (Михайлов Василий Михайлович) родился в 1924 г. в с. Любять Палкинского р-на Псковской обл. В 1952 г. окончил заочное отделение Института торговли и работал товароведом. В 1955 г. поступил послушником в Псково-Печерский монастырь и в том же году был пострижен в монашество. В 1956 г. рукоположен во иеродиакона, а через год – во иеромонаха. В 1975 г. возведен в сан игумена, а в 1977 г. – в сан архимандрита. Скончался 17 июня 1989 г.

[108] Деревянный храм в честь Собора преподобных Псково-Печерских построен на Святой горке на месте часовни прпп. Антония и Феодосия Киево-Печерских и освящен в 1995 г.

[109] Сущность чина о Панагии заключается в том, что из храма по окончании литургии износится всей братией со священными песнями просфора, из которой была вынута частица в честь Богородицы, в монастырскую трапезу, там ее полагают на особом блюде и по окончании трапезы с прославлением Св. Троицы и молитвою «Пресвятая Богородице, помогай нам» просфору возвышают (поднимают) над иконами и вкушают от нее. Смысл чина – чтобы представить присутствие за трапезой Самого Бога и Пресвятой Богородицы.

[110] Сретенский мужской монастырь на Большой Лубянке был основан в 1397 г. в память избавления от нашествия Тамерлана на месте сретения чудотворного образа Богородицы Владимирской. В 1925 г. монастырь был закрыт, и на его территории разместились учреждения НКВД, а позже – Всесоюзный художественный научно-реставрационный центр им. Грабаря. В 1991 г. храм Сретения Владимирской иконы Божией Матери был передан РПЦ, а в 1993 г. открыто подворье Псково-Печерского монастыря. В 1996 г. подворье было преобразовано в Сретенский ставропигиальный мужской монастырь, его наместником назначен архимандрит Тихон (Шевкунов). С 1999 г. при монастыре открыто Духовное училище, в 2001 г. реорганизованное в Духовную семинарию.

[111] Кустодиев Борис Михайлович (1878–1927) – известный русский художник, родился в Астрахани. Окончил Духовное училище и поступил в Духовную семинарию, которую оставил в 1896 г. и стал студентом Петербургской академии художеств. С 1909 г. – академик. Среди его работ много портретов, картин, воссоздающих быт старой Москвы.

[112] Архимандрит Агафодор (Маркевич Адам Владимирович) родился в 1954 г., в 1979 г. окончил регентский класс при МДА. С 1990 г. – наместник Московского Донского монастыря .

[113] Покровский монастырь в Москве был основан как мужской в 1635 г. царем Михаилом Федоровичем в память своего родителя – Патриарха Филарета. В 1920-е гг. был закрыт и разорен. В 1994 г. возобновлен как женский. В 1998 г. в Покровский монастырь были перенесены мощи блж. Матроны. В настоящее время восстановлен.

[114] Храм Покрова Пресвятой Богородицы на Измайловском острове был построен в 1670-е гг. знаменитым зодчим Иваном Кузнечиком и входил в ансамбль государева двора. Храм соборный, пятикупольный, расписан лучшими мастерами в стиле Успенского собора Московского Кремля. После революции 1917 г. был закрыт и разорен. В 1997 г. возвращен Православной Церкви.

[115] Соловецкий Спасо-Преображенский мужской монастырь, расположенный на Соловецких островах Белого моря, был основан в 1436 г. монахами Зосимой, Савватием и Германом. Наибольшего расцвета достиг в XVI в. в период управления игумена Филиппа (Колычева), будущего митрополита Московского. С XVI в. до 1883 г. в монастыре была устроена политическая и церковная тюрьма. В 1920 г. Соловецкий монастырь был закрыт и на его территории устроен лагерь принудительных работ. В 1923 г. был учрежден Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), преобразованный позднее в 1937 г. в Соловецкую тюрьму особого назначения (СТОН), расформированную в 1939 г. Значительную часть заключенных составляли т. н. «политические» – духовенство, офицеры белого движения, дворяне, эсеры, интеллигенция. В 1967 г. был создан Соловецкий музей-заповедник, реорганизованный в 1974 г. в Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. В декабре 1988 г. был создан церковный приход, а 25 октября 1990 г. Священный Синод благословил открытие Спасо-Преображенского ставропигиального мужского монастыря. В 1992 г. мощи прпп. Зосимы, Савватия и Германа, Соловецких чудотворцев, были перенесены из Петербурга в обитель.

[116] Иеродиакон Иринарх (Михеев Сергей Николаевич) родился в 1960 г. в Красногорске Архангельской обл. Жил и учился в детских домах и школе-интернате. В 1986 г. принял Святое Крещение. Некоторое время был иподиаконом епископа Архангельского и Мурманского Пантелеимона (Долганова). В 1990 г. в числе первых послушников поступил в возрожденный Соловецкий монастырь. В июле 1992 г. был пострижен в рясофор с именем Иринарх в честь прп. Иринарха, игумена Соловецкого, а 22 августа рукоположен во иеродиакона. В 1994 г. пострижен в мантию с оставлением прежнего имени. Скончался 7 сентября 1994 г., похоронен у стен обители на старом монастырском кладбище.

[117] Мощи Виленских мучеников Антония, Евстафия и Иоанна с 1826 г. находились в Свято-Духовом монастыре в г. Вильнюсе. Во время Первой мировой войны мощи были перевезены в Москву, в Донской монастырь, а в 1920 г. кощунственно вскрыты, изъяты и помещены в музей Наркомздрава. После Великой Отечественной войны, 26 июля 1946 г., мощи Виленских мучеников были возвращены в Вильнюс. Сначала их поместили в Никольском храме, в котором они когда-то были погребены, а затем перенесли в Свято-Духов монастырь, где они почивают и доныне.

[118] Вильнюсский Свято-Духов мужской монастырь был основан в 1597 году. В 1960 г. обитель приняла под свой кров насельниц Вильнюсского женского монастыря равноап. Марии Магдалины, закрытого советской властью. В настоящее время женский монастырь возрожден, и его насельницы вернулись в родные стены.

[119] Монах Иаков (Купатадзе Игорь Магуриевич) родился 3 ноября 1966 г. в г. Дзалалабад в Грузии. В 1983 г. окончил среднюю школу. С 1985 по 1987 г. служил в рядах Советской армии. В 1986 г. поступил в Васильковское авиатехническое военное училище. В 1991 г. вступил в число братии Псково-Печерского монастыря. В 1996 г. пострижен в рясофор, а в 2001 г. – в мантию с именем Иаков.

[120] Иеродиакон Никон (Горохов Сергей Вячеславович) родился 14 июля 1963 г. в г. Новгороде в семье военного. В 1980 г. окончил среднюю школу в г. Краснодаре и поступил в Краснодарский медицинский институт. В 1984 г. приехал на каникулы в Псково-Печерский монастырь и остался послушником. В декабре 1993 г. пострижен в монашество, а 8 января 1994 г. рукоположен во иеродиакона.

[121] Иеродиакон Прохор (Андрейчук Игорь Николаевич) родился в 1979 г. в г. Волгограде. Окончил среднюю школу и Волгоградский металлургический техникум. В 1995 г. поступил послушником в Псково-Печерский монастырь. С 1997 по 1999 г. служил в армии на Балтийском флоте. В 2000 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. Окончил Псковское духовное училище, в настоящее время заочно обучается в Московской духовной семинарии.

[122] Иеромонах Августин (Заярный Андрей Александрович) родился в 1964 г. в г. Минусинске Красноярского края. Окончил Воронежский государственный институт искусств и поступил в Ленинградскую духовную семинарию. В 1994 г. вступил в число братии Псково-Печерского монастыря и был пострижен в монашество. В 1995 г. рукоположен во иеродиакона, а затем во иеромонаха.

[123] Иеромонах Гавриил (Асташкин Юрий Анатолиевич) родился в 1979 г. в с. Рокатушка Новоспасского района Ульяновской обл. Окончил среднюю школу и в 1996 г. поступил послушником в Псково-Печерский монастырь. С 1997 по 1999 г. служил в армии. В 2000 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. В 2003 г. рукоположен во иеромонаха. С 2008 г. – благочинный Псково-Печерского монастыря.

[124] Инок Варух (Буш Виталий Родионович) родился 10 июля 1971 г. в Сибири. В 1996 г. поступил послушником в Псково-Печерский монастырь. В 2004 г. пострижен в рясофор с именем Варух. Исполняет послушание просфорника.

[125] Придел прп. Антония Киево-Печерского находится в Успенском храме Псково-Печерского монастыря.

[126] Протоиерей Григорий Николаевич Секретарев родился в 1956 г. в с. Тугалец Московской обл. По окончании средней школы поступил в Московскую духовную семинарию, которую окончил в 1979 г. В том же году был рукоположен во диакона и направлен для служения в Великие Луки. В 1982 г. рукоположен во священника и приписан к храму свт. Николая в с. Качаново Псковской обл. С 1965 г. настоятель храма 40 мучеников Севастийских г. Печоры.

[127] Архимандрит Серафим (Розенберг Аркадий Иванович) родился в 1909 г. в Санкт-Петербурге. Его отец, латыш по национальности, лютеранин, занимался торговлей и имел во владении земли в Псковской губ., в Изборске. После революции семья переехала в Эстонию, где в 1928 г. в г. Юрьеве Аркадий окончил гимназию и был призван на военную службу. С 1930 г. жил в Печорах и служил учеником аптекаря при больнице. В 1932 г. поступил в число братии Псково-Печерского монастыря. Вскоре был пострижен в монашество с именем Серафим в честь прп. Серафима Саровского, рукоположен во иеродиакона, а затем во иеромонаха. Много лет исполнял послушание ризничего. Скончался 9 января 1994 г., погребен в Богом зданных пещерах.

[128] Схиархимандрит Паисий (Семенов Петр Васильевич) родился в 1924 г. в дер. Паторки Псковской обл. Получил начальное образование. В 1944 г. был мобилизован, воевал и получил тяжелое ранение. В 1945 г. поступил послушником в Псково-Печерский монастырь, вскоре был пострижен в монашество и рукоположен сначала во иеродиакона, а затем во иеромонаха. Был направлен для служения в храм Илии Пророка с. Юшково Псковской обл., где прослужил 45 лет. В декабре 1999 г. принял постриг в схиму в Псково-Печерском монастыре и остался жить в лазарете. Скончался в 2000 г.

[129] Иеродиакон Анатолий (Семенов Андрей Семенович) родился в 1905 г. в с. Варварино Псковской губ. В 1927 г. был призван в ряды Красной армии, по возвращении домой занимался земледелием. С 1939 г. воевал, был ранен, после лечения работал во Пскове. В 1943–1944 гг. жил в Литве, был взят на фронт санитаром. В боях под Ригой осколком снаряда ему оторвало кисть левой руки. В 1945 г. поступил в братию Псково-Печерского монастыря. В 1947 г. пострижен в монашество, а в 1953 г. рукоположен во иеродиакона. С 1964 г. исполнял послушание уставщика братского хора. Скончался 26 апреля 1986 г.

[130] Игумен Марк (Быстриков Андрей Владимирович) родился в 1963 г. в г. Воронеже. В 1986 г. окончил химический факультет Воронежского государственного универ-

ситета. В 1988 г. поступил послушником в Псково-Печерский монастырь. В 1989 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. В 1990 г. рукоположен во иеромонаха. С 2002 г. – казначей Псково-Печерского монастыря.

[131] Архимандрит Досифей (Сороченков Константин Сергеевич) родился в 1928 г. в с. Большие Лученцы Юрьев-Польского р-на Владимирской обл. В 1957 г. поступил послушником в Псково-Печерский монастырь. В 1958 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. В 1966 г. был направлен на Святую гору Афон в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь. Перед отъездом в Грецию в Троице-Сергиевой Лавре был рукоположен во иеромонаха. В 1982 г. вернулся в Псково-Печерский монастырь. Скончался 5 августа 1998 г.

[132] Архимандрит Феофан (Молявко Фома Андреевич) родился в 1913 г. на хуторе Освея Освейского р-на Витебской обл. В 1926 г. окончил 4 класса школы и поступил послушником в монастырь Смоленской Божией Матери г. Осташкова Тверской епархии. С 1928 по 1930 г. трудился в монастыре прпп. Зосимы и Савватия Пеновского р-на Калининской обл. После закрытия монастыря был вынужден вернуться домой. С 1934 г. служил псаломщиком в церкви с. Печниково Каменского р-на Калининской обл. В 1937 г. был пострижен в монашество старцем Ниловой пустыни схиигуменом Михаилом, вскоре после пострига арестован и осужден на 10 лет лагерей. Отбывал заключение в Ярославской обл. В 1943 г. был досрочно освобожден и вынужден уехать в Ташкент. В 1944 г. был призван в армию, при освобождении Будапешта в 1945 г. получил тяжелое ранение. Вернулся в Тверскую епархию и в декабре 1945 г. был рукоположен во иеродиакона. В 1951 г. поступил в число братии Псково-Печерского монастыря и вскоре рукоположен во иеромонаха. С 1955 г. исполнял послушание благочинного монастыря, много лет был регентом братского хора. В 1963 г. возведен в сан игумена, а в 1976 г. – в сан архимандрита. С 1978 по 1988 г. исполнял послушание братского духовника. Скончался в январе 2001 г.

[133] Монах Алексий (Саяпин Александр) родился в 1968 г. в г. Комсомольске-на-Амуре. Окончил среднюю школу и медицинское училище в г. Риге. Служил в армии. В 1995 г. поступил послушником в Псково-Печерский монастырь. В 2003 г. пострижен в монашество.

[134] Митрополит Ловчанский Гавриил (Динев Цветан Методиев) родился 16 июля 1950 г. в Софии. В юном возрасте Цветан познакомился с Левкийским епископом Парфением и стал его духовным чадом. В 1972 г. впервые приехал в Клисурский монастырь св. Петки в пригороде Софии и стал духовно окормляться у русской по происхождению схиигуменьи Марии. В 1979 г. пострижен в монашество с именем Гавриил. На Вознесение Господне 1980 г. рукоположен во иеродиакона, а в день Святого Духа – во иеромонаха. После рукоположения назначен игуменом в Клисурский монастырь. В 1984 г. заочно закончил Софийскую духовную академию и был направлен на специализацию в Московскую духовную академию. В мае 1986 г. возведен в сан архимандрита. С 1986 по 1991 г. возглавлял Подворье Болгарской Православной Церкви в Москве. В октябре 1998 г. архимандрит Гавриил был хиротонисан во епископа Макариопольского и назначен викарием Софийской епархии. 21 января 2001 г. епископ Гавриил был избран митрополитом Ловчанским.

[135] Игумен Николай (Парамонов) – с 1993 г. наместник Свято-Троице-Сергиевой пустыни в Санкт-Петербурге.

Содержание

Вместо предисловия 5
От Господа стопы человека исправляются 13
Если любишь Меня, паси агнцев Моих 27
Порабощен телом, душу же непорабощену соблюди 51
Не может град укрытися верху горы стояй 71
Монастырь – обетованная земля 115
Надо так жить, чтобы и в сердце, и в уме всегда был Бог 127
Жди, Господь Сам все управит! 139
Господь Сам вас привел сюда. Вы понимаете ли, что это чудо? 169
Полюбите ближнего! И вы полюбите Христа 189
Над славой Божией не властно ни время земное, ни вражьи силы 215
В воле Божией жить – самое спасительное 223
Велика сила духа Божия 235
Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит Русская земля 245
А теперь слушай волю Божию 263
Вооружитесь же терпением 285
Се аз и дети, яже ми даде Бог 309
Старцы, дорогие монастырские старцы! 335
Живи не как хочется, а как Бог велит! 349
Виновных не ищите! Виновных не ищите! Молитесь! 355
Приложение 369
Биографическая справка 370
Из архива архимандрита Иоанна 371
Комментарии 374

ISBN XXX
УДК XXX
ВВК XXX
С50

Божий инок

Составитель
Татьяна Сергеевна Смирнова

Подписано в печать _____
Формат ---x---/---.
Бумага ___ офсетная
Гарнитура PeterburgC
Печать офсетная
Тираж 10 000 экз.
Заказ № ___
Типография «Полиграфикс РПК»

ISBN XXXXXXX

© Свято-Успенский
Псково-Печерский монастырь, 2009